

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

Е. А. Нахимова

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Екатеринбург 2011

УДК 482-093.5 (021)
ББК Ш141.2-7
Н34

РЕЦЕНЗЕНТЫ

д-р филол. наук, профессор *В. И. Карасик*
(Волгоградский государственный педагогический университет)
д-р филол. наук, профессор *Н. Б. Руженцева*
(Уральский государственный педагогический университет)

Нахимова, Е. А.

- Н34 Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования [Текст] : монография / Е. А. Нахимова ; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2011. — 276 с.

ISBN 978-5-7186-0459-7

В монографии с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы рассматриваются закономерности смыслового варьирования имени собственного в современной российской массовой коммуникации. Основное внимание уделяется историческому развитию арсенала российских прецедентных имен собственных, их метафорическим смыслом, профилированию тех или иных компонентов концептуальной структуры имен собственных, а также их использованию в функции идеологем, аксиологем и мифологем.

Монография адресована студентам и аспирантам, специализирующимся в области лингвистики, массовой коммуникации, рекламной деятельности и журналистики, а также всем, кто интересуется русским языком и проблемами современной массовой коммуникации.

УДК 482-093.5 (021)
ББК Ш141.2-7

© ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2011
© Нахимова Е. А., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННОЕ И КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ СМЫСЛОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО.....	15
1.1. Дискуссия о статусе и семантике имени собственного	15
1.2. Традиционное направление в исследовании смыслового варьирования имени собственного.....	26
1.3. Когнитивное направление в исследовании смыслового варьирования имени собственного.....	34
1.4. Основное и вторичные значения имени собственного	49
1.5. Прецедентные имена и прецедентные концепты. Критерии прецедентности имени собственного.....	54
1.6. Корпусная методика в исследовании прецедентных онимов	70
Выводы по первой главе	75
ГЛАВА 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	78
2.1. Принципы классификации прецедентных имен собственных	80
2.2. Ономастические разряды прецедентных онимов и возможности их образного использования	85
2.3. Тенденции развития системы прецедентных онимов в постсоветскую эпоху	100
2.4. Прецедентные урбонимы-неологизмы <i>Кондопога</i> и <i>Пикалево</i> как ключевые слова текущего момента	114
2.5. Региональные и общероссийские прецедентные онимы: <i>Куцевская</i> и <i>Цапки</i>	125
Выводы по второй главе	131

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ГИПЕРСФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ.....	134
3.1. Исторические и национальные истоки прецедентных онимов, используемых в современной массовой коммуникации	135
3.2. Имена властителей России в современной массовой коммуникации (общая характеристика).....	141
3.3. Мифологема <i>Александр Невский</i>	155
3.4. Прецедентный хроним <i>Смутное время</i>	164
3.5. Аксиологема <i>Керенский</i>	178
3.6. Идеологема <i>Сталин</i>	192
Выводы по третьей главе.....	200
ГЛАВА 4. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ В ТЕКСТАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	204
4.1. Теория и практика когнитивного исследования прецедентных онимов в тексте	205
4.2. Взаимодействие «Мира реальности» и «Мира искусств» (сферы «литература» и «театр») как источников прецедентности.....	212
4.3. Взаимодействие сфер «литература», «кино» и «политика» как источников прецедентности	226
4.4. Отечественная и зарубежная история как источники прецедентности в текстах массовой коммуникации	235
4.5. Коммуникативные неудачи при использовании прецедентных феноменов в текстах массовой коммуникации	245
Выводы по четвертой главе.....	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	253
ЛИТЕРАТУРА	258

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в филологических исследованиях (Е. С. Кубрякова, В. А. Виноградов, Л. Г. Бабенко, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, М. В. Пименова, А. П. Чудинов и др.), которая тесно связана с лингвокультурологическим направлением в лингвистике (Н. Д. Бурвикова, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, И. А. Стернин, В. Н. Телия, В. И. Шаховский, А. Д. Шмелев и др.). Важная задача нашей монографии – обоснование эффективности использования идей, эвристик, методов и приемов современной когнитивной лингвистики при изучении имени собственного в дискурсе современной российской массовой коммуникации (2001–2010 гг.) с применением корпусной методики. Вместе с тем автор стремился к расширению арсенала методов и приемов исследования, к использованию идей и эвристик, характерных для различных областей гуманитарного знания и ранее мало применявшихся при анализе прецедентных имен и – шире – прецедентности в целом.

В современной массовой коммуникации последовательно обнаруживаются две, казалось бы, противоположные тенденции: первая из них – это стремление к максимальной свободе, к проявлению творческой индивидуальности автора, а вторая – активное использование уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет хотя бы отчасти скрыть авторскую субъективность и соотнести свой текст с существующими традициями. В качестве одного из ярких проявлений названных тенденций можно рассматривать активное обращение к многообразным способам использования прецедентности.

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые обычно не требуют пояснений и используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. После основополагающей монографии Ю. Н. Караулова [Караулов 1987] проблемы прецедентности в конце прошлого века привлекли внимание многих авторитетных специалистов [Сорокин, Михалева 1989; Гудков, Красных, Захаренко, Багаева 1997; Кузьмина 1999; Слышкин 2000; Фатеева 1998]. Еще более активно проблема прецедентности рассматривается в последние годы [Алексеева 2009; Балахонская 2002; Бирюкова 2005; Боярских 2006; Быкова 2009; Ворожцова 2007; Зайцева 2006; Гришае-

ва 2004; Гунько 2002; Елисеева 2010; Илюшкина 2002; Косарев 2007; Кузьмина 2004; Кушнерук 2006; Нахимова 2004, 2007; Орлова 2010; Пикулева 2003; Рязанова 2007; Семенец 2004; Сметанина 2002; Смутаковская 2004; Спиридовский 2007; Терских 2003 и др.]. Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов.

Внимание лингвистов к рассматриваемому явлению в полной мере соответствует его роли в современной массовой коммуникации. Прецедентные имена – это важная часть арсенала средств интертекстуальности, значимого для коммуникации эпохи постмодернизма и в то же время имеющего богатые традиции. В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон-Жуан* и *Ловелас* уже много веков выступают как обозначения чрезмерного женолюбия, *Вольтер* – как символ свободомыслия, *Дон Кихот* – как символ бескорыстной борьбы за справедливость. Вместе с тем ведущее место в российской массовой коммуникации занимают национальные концепты (*Александр Невский, Иван Сусанин, Хлестаков, Троцкий, Чапаев* и др.), которые отражают национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского народа. Прецедентные имена – это важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей.

В последние годы количество прецедентных имен, используемых в средствах массовой коммуникации, стремительно увеличивается, растет и частотность их употребления, что во многом связано с особенностями постмодернистской парадигмы, в высшей степени характерной для современной коммуникативной ситуации. Вместе с тем очень значимы существенные количественные и качественные изменения в арсенале прецедентных феноменов, произошедшие в связи с кардинальными преобразованиями экономической, социальной и духовной жизни России на рубеже тысячелетий. Названные тенденции активно обсуждаются специалистами различных областей знания – социологии, политологии, лингвистики и межкультурной коммуникации, рекламоведения, журналистики, а также всеми, кто интересуется русским языком и закономерностями его функционирования и развития.

Материалы настоящего исследования неоднократно обсуждались на научных конференциях и семинарах (Екатеринбург, Москва, Пермь, Санкт-Петербург, Тюмень, Челябинск и др.) и в личных беседах со специалистами по лингвистике и массовой коммуникации, что сыграло важную роль в разработке концепции настоящего исследования и уточнении ряда положений и выводов, представленных в данной книге.

Приятно выразить благодарность за ценные советы и замечания докторам филологических наук, профессорам Людмиле Григорьевне Бабенко, Владимиру Ильичу Карасику, Алексею Александровичу Кротову, Наталье Борисовне Руженцевой, кандидатам филологических наук, доцентам Эдуарду Владимировичу Будаеву и Наиле Муллахметовне Чудаковой, которые прочитали мою монографию в рукописи и своими ценными советами помогли ее совершенствованию.

В настоящей монографии часто цитируются политические тексты, имеющие острую критическую направленность. Следует подчеркнуть, что подобное цитирование вовсе не означает солидарности с политической позицией соответствующих авторов, а лишь призвано полнее продемонстрировать специфику использования прецедентных феноменов в современной российской массовой коммуникации.

При проведении исследования была поставлена задача апробации выдвигаемых положений на максимально широком речевом материале, собрать который с использованием традиционных методик было бы крайне сложно. Поэтому невозможно не высказать слова признательности создателям «Национального корпуса русского языка», сайтов крупнейших общенациональных российских газет («Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Завтра», «Московский комсомолец», «Известия») и поисковой системы «Яндекс», которая позволяет обнаруживать прецедентные онимы в Интернет-коммуникации. Выражаем искреннюю благодарность Эдуарду Владимировичу Будаеву, который предоставил в наше распоряжение свой полнотекстовый электронный корпус, включающий статьи из 228 федеральных и региональных печатных СМИ. Все эти материалы позволили существенно расширить нашу картотеку, что в конечном итоге способствовало обнаружению важных статистических закономерностей.

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистике существует ряд проблем, категорий и языковых подсистем, обращение к которым воспринимается как едва ли не обязательное для каждого нового научного направления, претендующего на широкое признание. К числу подобных феноменов относится имя собственное в его противопоставлении имени нарицательному и в его многообразных коммуникативных модификациях, результатом которых может быть превращение в прецедентное имя, которое сохраняет многие признаки имени собственного и вместе с тем в той или иной степени приближается к имени нарицательному.

Актуальность проблематики исследования определяется тем, что оно находится на пересечении целого ряда научных направлений, каждое из которых уже само по себе актуально. Во-первых, проблемы имени собственного относятся к числу «вечных» проблем филологической науки, и, несмотря на многовековую традицию их рассмотрения (М. Бреаль, Дж. Ст. Милль, О. Есперсен, М. Девитт, Г. Иванс, С. Крипке, Е. Курилович, Дж. Серль, Г. Суит, Г. Сёренсен, Н. Шпербер, Б. Эбботт, О. Н. Трубачев, Е. Л. Березович, В. Д. Бондалетов, В. И. Болотов, М. В. Горбаневский, Д. П. Гудков, И. Г. Добродомов, Д. И. Ермолович, А. Ф. Журавлев, А. К. Матвеев, В. А. Никонов, Б. Ю. Норман, Е. С. Отин, М. Э. Рут, А. В. Суперанская, В. И. Супрун, Н. К. Фролов, Т. В. Хвесько и др.), в этой сфере еще существует множество недостаточно изученных подсистем, фактов и закономерностей. Подобные феномены связаны со смысловым варьированием онимов, их прецедентным характером и спецификой функционирования в массовой коммуникации.

Во-вторых, проблематика и методология исследования определяется бурным развитием когнитивистики, которая предлагает новый эффективный инструментарий для решения традиционных задач языкознания, что позволяет обнаружить ранее неизвестные факты, тенденции и закономерности (Р. Гиббс, Э. Гоугли, Дж. Грэди, М. Джонсон, З. Ковечеш, С. Коулсон, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, Т. Рорер, Л. Талми, Ж. Фоконье, Й. Цинкен, Л. Г. Бабенко, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, Э. В. Будаев, В. А. Виноградов, Л. И. Гришаева, В. З. Демьянков, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, М. В. Пименова, Т. Г. Скребцова, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.). Когнитивный подход позволяет полнее выявить механизмы смыслового варьирования имен собственных и полнее исследовать связанные с ними ментальные процессы.

В-третьих, дискурс массовой коммуникации – один из наименее изученных и в то же время наиболее перспективных для исследования. Рассмотрение закономерностей использования имен собственных именно в этом дискурсе будет способствовать комплексному постижению общих свойств коммуникации и особенностей развития отечественной массовой коммуникации в постсоветскую эпоху (О. В. Александрова, М. Н. Володина, М. В. Гаврилова, Е. А. Земская, Н. И. Клушина, В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова, В. И. Карасик, Е. С. Кара-Мурза, Л. П. Крысин, Э. А. Лазарева, Е. А. Покровская, А. П. Сковородников, С. И. Сметанина, Г. Я. Солганик, А. Д. Шмелев и др.).

В-четвертых, очень перспективно изучение имен собственных в рамках общей теории прецедентности и – шире – теории интертекстуальности (Р. Барт, Ж. Жаннет, Ю. Кристева, М. М. Бахтин, Ю. Н. Караулов, Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, Л. И. Гришаева, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Н. М. Орлова, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин и др.). С учетом взаимодействия когнитивного и культурологического подходов к исследованию онимов целесообразно рассматривать подобного рода вербальные единицы как один из способов хранения и передачи информации, особым образом структурированное знание, обладающее культурно специфическими коннотациями и значительным прагматическим потенциалом.

Актуальность рассмотрения прецедентных феноменов определяется также необходимостью их изучения, инвентаризации и моделирования как важной составляющей лингвоментальной компетенции наших соотечественников, как существенной части отечественной духовной культуры, как способа отражения национальных традиций, стереотипов и ценностей в их историческом развитии и связях с современным состоянием нашего общества.

Использование имени собственного в специфических коммуникативных смыслах издавна привлекало внимание ученых, но подходы к познанию этого феномена и даже само его обозначение в рамках существующих научных парадигм значительно различаются. Целесообразно выделять несколько ведущих направлений в исследовании прецедентных феноменов – грамматическое, структурно-семантическое, стилистическое, риторическое, психолингвистическое, социолингвистическое, ономастическое, лингвокультурологическое, когнитивно-дискурсивное и др. В зависимости от принадлежности ученого к тому или иному направлению для обозначения подобного словоупотребления используются различные термины:

– интертекстема (интертекст, проявление интертекстуальности);

- прецедентный феномен (прецедентное имя, прецедентный культурный знак, прецедентный концепт);
- историческая (социальная, политическая) или литературная (театральная) метафора;
- текстовая реминисценция;
- логоэпистема;
- элемент вертикального контекста;
- антономазия и аллюзия как разновидности риторических тропов и фигур;
- имя собственное (оним), использованное в значении имени нарицательного (перешедшее в имя нарицательное).

Разумеется, названные термины не вполне совпадают (хотя и пересекаются) по содержанию, поскольку отражают разные взгляды на принадлежность рассматриваемых феноменов к ментальной, языковой, культурной или понятийной сферам, на отношения между этими сферами и на границы соответствующего объединения. Значительно важнее тот факт, что каждый из названных терминов используется в своей научной парадигме и отражает характерную для этой парадигмы систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых имен, на взаимоотношения указанных имен с текстом и их функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие соответствующего имени на адресата. Единственное, в чем соглашаются представители различных научных направлений, так это в том, что рассматриваемое явление имеет давние традиции, однако особенно характерно для современной массовой коммуникации.

На рубеже XX и XXI вв. в лингвистике произошла научная революция, возникла новая научная парадигма, то есть новая «модель постановки проблем и их решений» [Т. Кун 1962; русский перевод – 1977: 11]. На смену структурализму пришли научные направления, объединяемые в антропоцентрическую парадигму. Эта парадигма и соответствующая ей методология не отвергает достижения прошлых лет, но ставит под сомнения незыблемость некоторых традиционных аксиом и выдвигает новые принципы и цели исследования. В рамках антропологической парадигмы изменяются представления об актуальности решения тех или иных проблем и об оптимальных подходах к их изучению.

Когнитивная лингвистика, по определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, изучает язык как когнитивный механизм, предназначенный для кодирования и трансформирования информации [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53–55]. Как отмечает

Н. Н. Болдырев, когнитивная лингвистика – это «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью...» [Болдырев 1998: 3]. Представляется, что развитие прецедентной семантики у имен собственных являет собой важную часть процесса категоризации, концептуализации и оценки действительности в рамках национальной картины мира.

Можно предположить, что арсенал прецедентных феноменов – это область максимально значительного проявления национального своеобразия языка. В этой сфере ярко проявляются взаимосвязи условий существования народа, культуры, языка и ментальности.

Лингвокультурология возникла на пересечении лингвистики и теории культуры как наука, занимающаяся исследованием проявлений культуры народа в его языке, а также проявлений языка в национальной культуре. Как подчеркивает В. Н. Телия, «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. А это значит, что лингвокультурология – достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Телия 1996: 222].

Прецедентные имена – это важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанная с национальными ценностями и традициями. Система прецедентных феноменов служит одним из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно становится способом объединения народа вокруг культурных ценностей и нравственных идеалов. Прецедентные феномены часто выступают как этические эталоны нации, фиксирующие ее оценку реальности.

Изучение специальной литературы показывает, что большинство существующих исследований прецедентности и – шире – интертекстуальности выполнено на материале художественной литературы [Евтюгина 1995; Кузнецова 2001; Кузьмина 1999; Орлова 2010; Разумова 2002; Саксонова 2001; Снигирев 2002; Фатеева 2000 и др.] с учетом ее взаимосвязи с другими видами искусств [Ворошилова 2006; Иванова 2001 и др.]. Вместе с тем все чаще встречаются публикации, направленные на исследование прецедентности в иных видах дискурса – политическом [Ворожцова 2007; Кулявцева 2008; Нахимова 2003; Немирова 2003; Спиридовский 2006], научном [Михайлова 1999], публицистическом [Клушина 2008; Смулаковская 2004], рекламном [Крюкова 2004; Кушнерук 2006; Пикулева 2003; Рязанова 2007; Терских 2003],

педагогическом [Бирюкова 2005; Ви 2006], бытовом [Гунько 2002; Сергеева 2003; Слышкин 2004]. Представляемое исследование посвящено изучению прецедентных имен, функционирующих в дискурсе массовой коммуникации, который особенно активно развивается и обновляется в последние годы.

Экспансия прецедентности, столь характерная для современной массовой коммуникации, рассматривается в настоящей монографии с различных позиций и в различных аспектах. Такой подход соответствует современным тенденциям к комплексности и мультидисциплинарности исследования.

Композиционно основная часть монографии состоит из введения, четырех глав и заключения, что отражает логику развертывания научного исследования.

Первая глава призвана создать своего рода теоретическую основу для конкретного описания прецедентных имен и концептов в последующих разделах исследования. Здесь сопоставляется потенциал традиционных и когнитивного направлений в исследовании имени собственного, рассматривается специфика основного, метонимического и метафорических значений имени собственного, а также соотношение между лингвистическим термином «прецедентное имя» и когнитивным термином «прецедентный концепт». Отдельный раздел посвящен выявлению критериев прецедентности имени собственного на основе использования когнитивного принципа «фамильного сходства».

Во второй главе обсуждается вопрос о месте прецедентных имен в ряду других прецедентных феноменов, дается характеристика прецедентных имен, связанных с различными видами онимов (антропонимы, топонимы, хрононимы, астронимы, наименования событий, учреждений, кампаний и др.), уточняются принципы классификации прецедентных имен, а также предлагается описание рубрикации указанных имен по сферам-источникам и сферам-мишеням прецедентности. Здесь же детально рассмотрены два прецедентных урбонима (*Пикалево* и *Кондопога*), а также описан процесс преобразования региональных онимов *Куцевская* и *Цапки* в общероссийские онимы-неологизмы.

В третьей главе охарактеризованы исторические и национальные истоки прецедентных онимов, используемых в постсоветской массовой коммуникации. Далее рассмотрено прецедентное пространство-источник «Политическая история России», в том числе предложено детальное описание мифологемы *Александр Невский*, хрононима *Смутное время*, аксиологемы *Керенский* и идеологемы *Сталин*. Параллельно с анализом конкретных единиц рассматривается специфика

различных видов концептов, характерных для дискурса массовой коммуникации.

В заключительной главе выявляется специфика функционирования прецедентных имен собственных в тексте и дискурсе. Наше внимание сосредоточено на взаимодействии сфер-источников прецедентности («политика», «литература», «кино» и «театр»), взаимодействие различных видов прецедентных феноменов и метафор в пределах текста, отечественная и зарубежная история как источники прецедентности и коммуникативные неудачи при использовании прецедентных феноменов в текстах массовой коммуникации.

Важно подчеркнуть, что в монографии используется комплекс взаимосвязанных научных **методов**, ведущим среди которых стал когнитивно-дискурсивный анализ (Е. С. Кубрякова, В. А. Виноградов, Н. Н. Болдырев, Л. Г. Бабенко, Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов и др.). В зависимости от этапа исследования, его задач и рассматриваемого материала на первый план выходили то одни, то другие методы, методики и приемы исследования.

В первой главе преобладает методологический, проблемный и историко-лингвистический анализ теории имени собственного в рамках традиционного и когнитивного направлений.

Во второй главе преимущественно используются общенаучные методы классификации, сопоставления, обобщения и традиционные для лингвистики методы лексико-семантического, лексикографического и контекстуального анализа прецедентных онимов. Это позволяет выделить наиболее продуктивные в постсоветскую эпоху ономастические разряды, разграничить среди прецедентных онимов неологизмы, окказионализмы, архаизмы и историзмы, продемонстрировать специфику региональных и общероссийских онимов, показать возможности стилистического разграничения онимов-неологизмов.

В третьей главе ведущее место занимает когнитивно-дискурсивная методика, связанная с теорией концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов). Важную роль в этой главе играет концептуальный анализ идеологем, мифологем и аксиологем (В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Н. А. Купина, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин и др.).

В заключительной главе активно используется современная теория текста, в том числе с учетом специфики массовой коммуникации (Л. Г. Бабенко, Н. С. Валгина, И. Р. Гальперин, Т. М. Дридзе, Г. В. Колшанский, В. Г. Костомаров, Э. А. Лазарева и др.). При исследовании

роли прецедентных онимов в конкретных текстах активно используется когнитивная теория профилирования, позволяющая рассмотреть соотношение фона и фигуры (по Л. Талми), центра и периферии, текстовой доминанты и иных единиц текста. В этом разделе находит применение также когнитивная методика анализа прецедентности (Д. Б. Гудков, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Г. Г. Слышкин).

В нашей работе в той или иной степени использовались также методы лингвокультурологического, лексикографического и контекстуального исследования прецедентных онимов, а также корпусный анализ имен собственных.

Особенностью настоящей монографии является чередование фрагментов, отражающих три вида представления материалов исследования:

- фрагменты, которые полностью посвящены рассмотрению теоретических проблем;

- фрагменты, где представлены результаты количественной обработки материала корпусов, включающих многие виды разнообразных онимов;

- фрагменты, в которых представлено детальное описание закономерностей функционирования одного-двух конкретных прецедентных онимов.

Следует учитывать, что детальное, скрупулезное описание отдельных прецедентных онимов не менее важно для раскрытия нашей проблематики, чем другие виды исследования. Вместе с тем очевидно, что никакая монография не в состоянии вместить сколько-нибудь полное описание всех или хотя бы ведущих прецедентных онимов, используемых в современной массовой коммуникации.

Главы монографии отличаются друг от друга также характером рассматриваемого материала. Во второй главе основным материалом для детального анализа послужили прецедентные топонимы (*Пикалево, Кущевская, Кондопога* и др.), в третьей – прецедентные антропонимы (*Александр Невский, Лжедмитрий, Керенский* и др.), а в четвертой – прецедентные онимы анализируются в тесном взаимодействии с иными прецедентными феноменами (высказываниями, текстами, ситуациями и др.).

ГЛАВА 1.

ТРАДИЦИОННОЕ И КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ СМЫСЛОВОГО ВАРИИРОВАНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

В настоящей главе рассматриваются теоретические основы исследования смыслового варьирования имени собственного в современной массовой коммуникации, что позволит методологически обосновать конкретный анализ языкового материала в последующих разделах книги.

Поставленная цель и вытекающие из нее задачи определяют композицию главы, которую открывает раздел, анализиру дискуссия о статусе и семантике имени собственного.

В двух последующих разделах сначала представлен обзор научной литературы по проблемам семантики, функционирования и смыслового варьирования имени собственного в рамках традиционного направления, а затем рассмотрены идеи, эвристики и методики когнитивно-дискурсивного исследования имени собственного (теория концептуальной метафоры, теория концептуальной интеграции, теория прецедентности, теория когнитивной дефиниции и профилирования, лингвокультурологический подход и др.). Специальные параграфы посвящены, во-первых, рассмотрению соотношения основных, метафорических и метонимических значений имен собственных, а во-вторых, контекстным и иным маркерам прецедентности имени собственного (имеются в виду орфографические, лексические, морфологические, словообразовательные, сочетаемостные и иные показатели особого характера речевого смысла имени собственного).

Автономное рассмотрение традиционных и когнитивных подходов к изучению прецедентных онимов не означает их полной несовместимости. Современная когнитивная методология в полной мере учитывает достижения других лингвистических парадигм и в значительной степени опирается на полученные в их рамках результаты.

1.1. Дискуссия о статусе и семантике имени собственного

Имена собственные и имена нарицательные образуют универсальную оппозицию в системе имен существительных самых различных языков. Семантическое противопоставление лексики по характеру номинации единичных и неединичных предметов провели еще антич-

ные философы-стоики и, в частности, Дионисий Фракийский (II в. до н. э.). Многовековая история исследования имени собственного на материале различных языков неоднократно была представлена в публикациях специалистов по лингвистике, логике и философии. Обозначенные проблемы успешно исследовали М. Бреаль, Дж. Ст. Милль, О. Есперсен, М. Девитт, Г. Иванс, С. Крипке, Е. Курилович, Дж. Серль, Г. Суит, Г. Сёренсен, Н. Шпербер, Б. Эбботт. Значительный вклад в развитие теории и практики исследования имени собственного внесли отечественные ученые, в том числе В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Н. Д. Арутюнова, О. С. Ахманова, К. Д. Левковская, А. К. Матвеев, В. М. Мокиенко, А. А. Реформатский, Н. И. Толстой, А. А. Уфимцева. Детальный анализ истории изучения данной проблемы представлен в публикациях В. И. Болотова, В. Д. Бондалетова, Д. Б. Гудкова, Д. И. Ермоловича, С. И. Зинина, А. К. Матвеева, М. Э. Рут, А. В. Суперанской, Л. М. Щетинина и целого ряда других специалистов.

В современной науке имена собственные понимаются как имена, которые даются индивидуальным (единичным) предметам. В ментально-вербальной базе человека такие наименования воспринимаются как выделяющие предмет из круга ему подобных. Имя собственное обозначает единичный референт, тогда как имя нарицательное – множественный. Например, имена собственные *Лондон*, *Европа*, *Россия*, *Лермонтов* соотносятся именно с единичным (индивидуальным) референтом. Следует, однако, иметь в виду существование омонимов (город *Москва* и река *Москва*, писатели-однофамильцы *Л. Н. Толстой*, *А. Н. Толстой* и *А. К. Толстой*). В других случаях обнаруживается многозначность имени: одни из его значений относятся к числу собственных, а другие – к числу нарицательных. Например, *Луна* как название небесного тела – это имя собственное, а *луна* как обозначение спутника той или иной планеты – имя нарицательное. Соответственно, *ловелас* как обозначение одного из множества женоугодников – это имя нарицательное, тогда как омонимичная фамилия – имя собственное. Возможны и другие случаи соотношения имени собственного с множественным референтом, однако они не влияют на общую закономерность.

Следует учитывать, что в современном русском языке имена собственные составляют особый лексико-грамматический разряд и отличаются специфическими лексико-грамматическими свойствами.

В соответствии с концепцией Ежи Куриловича, имена собственные и нарицательные различаются прежде всего по функциям в языке и речи. Для имен собственных польский ученый особо акцентирует аккумулятивную (энциклопедическую) функцию, а также отмечает

специфику реализации ими других функций – стилистической, эмоционально-оценочной, социально-оценочной, региональной и культурно-исторической, – к которым в речи или тексте добавляются общая текстообразующая и эстетическая функции [Курилович 1962: 17].

Совокупность имен собственных не образует единого массива, а обладает признаками поля: в составе данного лексико-грамматического разряда выделяются центр и периферия. Наиболее типичные носители имени собственного – это люди, животные, географические и астрономические объекты. Соответствующие имена составляют центральную зону (ядро) поля. Однако данное ядро также не вполне однородно: в центре его располагаются слова, обозначающие людей. Такая организация поля имен собственных соответствует антропонимическому принципу существования языковой системы.

К периферии имен собственных относятся наименования объектов, созданных трудом человека. Это названия кораблей, учреждений, компаний, произведений литературы, искусства, науки и др. В еще меньшей степени обладают признаками имен собственных названия сортов отдельных товаров или номера (наименования?) трамвайных маршрутов. По-видимому, граница между именами собственными и именами нарицательными не является вполне отчетливой, существуют определенные зоны переходности; подобные периферийные явления, однако, не относятся к числу рассматриваемых в данном исследовании.

Наиболее дискуссионная проблема теории имени собственного – это специфика его значения, а также само существование значения у имени собственного. По словам М. Э. Рут, «несмотря на непрекращающиеся споры о лексическом значении собственных имен, мнений остается столько же, сколько спорщиков» [Рут 2001: 26]. Самонадеянно было бы претендовать на окончательное решение указанной проблемы, однако в рамках любого исследования необходимо избрать концепцию, которая в наибольшей степени соответствовала бы его материалу и задачам.

Важно разграничивать логический и лингвистические подходы к пониманию имени собственного и его значения. Как показывает Н. Д. Арутюнова, «логик под термином “значение” понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений» [Арутюнова 1982: 8]. Видимо, особое положение занимает и когнитивный подход, который взят за основу в настоящем исследовании. Вместе с тем существуют собственно лингвистические концепции, включающие в значение отношение имени, с одной стороны, к понятию (денотату), а с другой – к референту (пред-

мету, который обозначается данным именем). Специалисты по философии и логике, обращаясь к изучению имен собственных, значительное (а часто и основное) внимание обращают на тождество референта в суждениях с одним и тем же именем собственным, тогда как лингвисты активнее занимаются компонентным анализом и проблемами варьирования смысла соответствующих имен.

Разнообразные представления отечественных и зарубежных философов, логиков и филологов о значении имени собственного можно условно свести к трем основным точкам зрения:

1) полное (или – как вариант – почти полное) отрицание наличия значения у имени собственного;

2) признание наличия значения у имени собственного, но только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе, в социуме, в социолекте);

3) признание существования у имени собственного языкового значения, но с обязательным подчеркиванием совершенно особого характера этого значения, с его противопоставлением значениям всех иных разрядов слов.

Первая из названных концепций восходит к английскому философу-логикау Дж. Ст. Миллю, который считал, что имена собственные «не имеют никакого значения», так как они не «коннотируют», то есть не связаны с выражением постоянных понятий-сигнификатов. По его мнению, «когда мы говорим о человеке, что это – Браун или Смит, или о городе, что это – Йорк, одним этим не сообщаем слушателю ничего об этих предметах. Давая возможность «узнать» эти единичные вещи, мы можем напомнить ему, что в данном городе находится кафедральный собор; это будет лишь выводом из того, что слушатель раньше знал о Йорке – в самом имени нет ничего подобного» [Милль 1914: 31; цит. по: Есперсен 2004]. Автор подчеркивает, что информативность имени собственного связана не с наличием у него значения, а с тем, что читатель, возможно, имеет какой-то опыт знакомства с соответствующим референтом. Сходную точку зрения высказывали такие известные философы, как В. Брёндаль, А. Гардинер, Л. Стеббинг, Б. Рассел, называвшие (иногда с теми или иными оговорками) имена собственные «пустыми», «ущербными», «полыми», «асемантическими» словами (знаками, метками, словами-этикетками).

В отечественной науке к этой точке зрения в той или иной степени склонялись А. А. Реформатский, О. С. Ахманова, Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева, К. Д. Левковская, Н. И. Толстой, В. М. Мокиенко и целый ряд других специалистов. Многие советские ученые сочувственно цитировали слова К. Маркса, которые воспроизводились учебниками языкознания и хрестоматиями: «Название какой-либо вещи не

имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яков» [К. Маркс. Капитал. Т. 1. – М., 1955, с. 107; цит. по: В. А. Звегинцев 1965: 483].

Как известно, в ту эпоху невозможно было открыто дискутировать с классиками марксизма. Однако согласиться с мнением Маркса можно лишь частично: даже вне контекста имя несет некоторую информацию. Так, по имени *Яков* можно определить, что это мужчина, а также сделать некоторые предположения о его национальности и даже религии. Во всяком случае, это имя едва ли может носить правдоподобный мусульманин или китаец.

Однако и это положение иногда вызывает возражения. Так, М. Э. Рут пишет о том, что, во-первых, в русском языке существуют имена, которые могут носить как мужчины, так и женщина (Женя, Саша и др.), а во-вторых, возможны случаи нестандартного использования имени [Рут 2001: 28]. Таким образом, реальностью обладают лишь некоторые культурные коннотаты отдельных имен собственных [Голомидова 1998] и этимологическая семантика имени собственного [Матвеев 2006], которая, по мнению многих специалистов, не имеет прямого отношения к лексической семантике.

В рамках второй концепции имя собственное имеет полноценное значение только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе), где, как правило, соотносится с тем или иным референтом. Уточнение «как правило» связано с тем, что возможны случаи безреферентного употребления имени. Примером может служить предложение «Мне не нравится имя Яков». Безреферентно использовано имя *Яков* и в указанной фразе К. Маркса. Однако в абсолютном большинстве случаев имя собственное *Яков* (как и иные имена собственные) обозначает в речи вполне конкретных людей, носящих определенные фамилии и обладающих теми или иными качествами. Эту точку зрения ярче других обосновывает О. Есперсен, который критикует позицию Дж. Ст. Милля в своем труде «Философия грамматики» [Есперсен 2004]. Сходные взгляды высказывают М. Бреаль, Н. Шпербер, Г. Суит, Г. Сёренсен, А. В. Суперанская, В. И. Болотов, С. И. Зинин и многие другие специалисты, подчеркивающие различия между системным **значением слова в языке** и **смыслом слова в речи**. Речевой смысл имени собственного – это комплекс семантических и иных признаков (сем), указывающих на наиболее существенные признаки предмета, который обозначен данным словом.

К этой точке зрения примыкает и позиция М. Э. Рут, которая, однако, пишет не о смысле имени собственного в речи (в тексте, в контексте), а о его значении в социолекте. Исследователь подчеркивает,

что «антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека. Антропоним сам по себе не имеет реального значения», тогда как «личное имя существует в социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования имени. Семантика антропонима определяется общенародными культурными коннотатами. Семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным человеком» [Рут 2001: 32]. Для нашего исследования важно учитывать тот факт, что социум, в рамках которого известны отдельные имена собственные, может быть очень широким. Существуют такие имена собственные, которые известны абсолютному большинству наших соотечественников, а следовательно, они оказываются не менее «общенародными», чем общеупотребительные имена нарицательные.

В соответствии с третьей точкой зрения, имя собственное имеет значение не только в речи, но и в языке, однако это значение совсем иного характера, чем значение имени нарицательного. Подобную позицию занимают Л. В. Щерба, Е. Курилович, А. Доза, Ф. Травничек, И. А. Воробьева, Е. Ф. Данилина, М. А. Захарова, Т. Н. Кондратьева, В. А. Никонов, Ю. А. Карпенко, А. А. Реформатский, Л. П. Ступин, Л. М. Щетинин и многие другие исследователи.

Существует несколько вариантов признания наличия у имени собственного языкового значения. В наиболее крайней форме эта точка зрения представлена в концепции энциклопедического значения. По мнению А. А. Реформатского, В. И. Болотова, С. И. Гарагули и ряда других лингвистов, имена собственные имеют не лексическое (то есть языковое), а *энциклопедическое* значение, включающее не отдельные семантические признаки, а всю информацию о соответствующем референте. Эта информация представлена в энциклопедических словарях. Например, в «Новейшем энциклопедическом словаре» [2006] имеется следующая статья:

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905–1984), русский писатель. Книга «Донские рассказы» (1926). В романе «Тихий Дон» (книги 1–4, 1928–1940) — драматическая судьба донского казачества в годы революции, Первой мировой и Гражданской войн. Роман «Поднятая целина» (книги 1–2, 1932–1960) о коллективизации на Дону. Неоконченный роман «Они сражались за Родину» (1943–1969) посвящен Великой Отечественной войне. Публицистика. Произведения Шолохова переведены на многие языки мира. Нобелевская премия (1965).

В «Советском энциклопедическом словаре» (1988) в соответствии с представлениями того периода акцентированы знаки общественного признания писателя:

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), русский советский писатель, общественный деятель, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1932 г. Книга «Донские рассказы» (1926). Выдающееся произведение социалистического реализма – роман «Тихий Дон» (книги 1–4, 1928–1940; Государственная премия СССР, 1941) – изображает донское казачество в годы 1-й мировой и гражданской войны...

Представленные в процитированных словарных статьях сведения, по мысли сторонников рассматриваемой теории, и составляют основу значения соответствующего имени собственного. Остается только неясным, какой именно словарь точнее отражает энциклопедический тип значения.

Сходную позицию занимает М. В. Голомидова, которая относит к значению имени собственного всю информацию, которую из него можно извлечь. Следует, однако, учитывать, что исследователь анализировал имена собственные, созданные в рамках искусственной номинации [Голомидова 1998], а это совершенно особая сфера функционирования онимов.

Другие сторонники существования языкового лексического значения имени собственного высказываются более осторожно. Весьма показательна позиция академика Л. В. Щербы, который, анализируя проблемы теории лексикографии, писал: «Весь вопрос состоит в том, что в языке является значением собственных имен, ибо в словаре необходимо определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный» [Щерба 1974: 278–279].

Развивая идеи Л. В. Щербы, В. А. Никонов указывает, что необходимо различать три плана значений имени собственного: 1) этимологическое, т. е. дономастическое; 2) ономастическое и 3) отономастическое [Никонов 1974: 12–13]. В концепции Л. М. Щетинина разграничивается единичное номинативное значение и общее значение. Единичное номинативное значение складывается в результате обобщения конкретных чувственных представлений о данном лице и отвлечения от всех его случайных несущественных признаков. Общее же значение каждого фамильного имени является языковым средством реализации общего понятия «человек», которое может уточняться до понятия «мужчина» или «женщина» + «человек определенной национальности» [Щетинин 1968: 6].

В концепции И. А. Воробьевой имя собственное обладает смысловой структурой, которая состоит из трех компонентов значения: денотативного, сигнификативного и структурного, что сближает его с именем нарицательным [Воробьева 1971: 41], причем специфика смыслового содержания имени собственного обнаруживается в каждом из компонентов его значения. Сигнификативное значение указанного имени – это отражение нашего знания о существовании предмета и его отличии от других. Е. Ф. Данилина, разделяя позицию И. А. Воробьевой, уточняет также, что особенность личных имен состоит в большей, чем у имен нарицательных, выраженности диалектики языкового (общего) и речевого (частного) значений [Данилина 1972: 62]. В языке личные имена отражают общее понятие, а в речи – конкретное, единичное, частное. Сходную позицию занимает Ю. А. Карпенко, отмечая, что языковое значение имени собственного гораздо беднее его речевой семантики [Карпенко 1976: 81]. Закрепленность имени собственного за одним объектом – это главная отличительная особенность имени собственного, которая, по мнению ученого, параллельно реализуется в трех важнейших функциях: номинативной, идентификационной и дифференциальной [Карпенко 1976: 83, 89].

В монографии Д. И. Ермоловича [2005: 67–71] охарактеризованы четыре понятийных компонента, которые могут входить в семантику имени собственного. Три первых компонента относятся к числу обязательных, во всяком случае типичных:

- предметный компонент, который, по словам исследователя, представляет «как бы имплицитное сообщение о существовании некоего предмета»;

- классифицирующий компонент, связывающий имя с родовым понятием (река, город, человек, мужчина и др.): например, имя *Иван* воспринимается как указывающее на то, что его носитель – русский мужчина;

- индивидуализирующий компонент, «маркирующий специальную предназначенность данного имени для индивидуального наречения»: например, имя *Иван* предназначено для индивидуального наречения, а слова *трактор* и *сталь* – не предназначены, хотя в двадцатые годы прошлого века и были случаи, когда ребенка называли *Трактором* или *Сталью*.

Четвертый понятийный компонент Д. И. Ермолович называет дескриптивным, или характеризующим. Он встречается только у имен собственных, которые широко известны на уровне языка, то есть в национальном масштабе, в пределах всего языкового коллектива. Много в России было людей по фамилии Шолохов, но лишь один из них стал

Нобелевским лауреатом и приобрел общенациональное (и международное) признание. Много в России сел, станиц и деревень, но общероссийскую известность имеют лишь некоторые – Болдино, Ясная Поляна, Вешенская. Абсолютное большинство других имен собственных известно лишь в пределах определенного социума – территориального, профессионального, семейного и др.

Представленный обзор позволяет сделать вывод о том, что при компонентном анализе языкового значения имени собственного в его структуре обнаруживаются следующие элементы:

- категориальные семы, отражающие грамматические значения предметности, падежа, рода, частично – числа и одушевленности;
- категориально-лексические семы, свидетельствующие о принадлежности к лексическим полям (люди, животные и др.);
- дифференциальные семы (например, отражающие принадлежность слова к числу лексем, обозначающих мужчин);
- коннотативные семы (стилистическая, эмоциональная, экспрессивная, социальная окраска имени);
- ассоциативные (по Д. Н. Шмелеву) семы, отражающие факкультативные и личностные смыслы;
- культурно-исторические семы, фиксирующие связи семантики слова с соответствующими дискурсами.

При решении вопроса о существовании значения имени собственного в языке (вне речи) очень важно учитывать тезис М. Э. Рут о необходимости разграничивать имя собственное как часть национального арсенала имен (то есть вне связи с конкретным референтом) и имя собственное в его связи с конкретным референтом (например, личное имя конкретного человека). Иначе говоря, следует различать русский антропоним *Петр* и обозначение российского императора *Петр Великий* (он же *Петр I* и *Петр Алексеевич Романов*). Компоненты первого имени собственного – антропоним; мужчина. По мнению некоторых специалистов, в состав значения входит также этимологический компонент (древнегреческий этимон со значением «камень») и типичность указанного имени для русского языка, его связь с христианской культурой.

У второго имени (*Петр I*, *Петр Алексеевич Романов*) намного больше составляющих компонентов: *российский император, основатель Санкт-Петербурга, победитель в Северной войне, создатель российского флота, выдающийся реформатор российского общества, проводник идей западной культуры* и др. Что касается людей менее известных, то их личные имена имеют подобное значение не в русском языке, а только в рамках определенного социума, социолекта. Это мо-

жет быть семья, круг друзей и знакомых, коллеги, соседи и др. Статус подобных имен напоминает статус диалектных слов, которые известны лишь в пределах того или иного говора. Разумеется, существуют и промежуточные случаи, когда имя человека оказывается широко известным, но только в рамках ограниченной профессиональной или иной среды.

В русской речи имя, которое дали человеку родители, обычно выступает в составе единого комплекса с двумя другими компонентами полного русского имени – фамилией и отчеством (или только с фамилией, если имеется в виду человек, принадлежащий к культуре, для которой нехарактерны отчества). Иначе говоря, даже если в речи используется только имя (имя и отчество, отчество или фамилия), то говорящие учитывают, что данный человек обладает также отчеством и фамилией. Сложные правила выбора наименования человека (по имени, имени и отчеству или по фамилии) хорошо известны и не являются предметом настоящего исследования.

Следует отметить, что тезис об отсутствии языкового значения у имени собственного (или о его совершенно особом характере) не относится к случаям перехода имени собственного в имя нарицательное. В таких ситуациях достаточно легко обнаруживаются стандартные компоненты значения, и даже многозначность. В частности, имя французского императора Наполеона может быть использовано для обозначения великого человека (ср.: «Мы все глядим в Наполеоны») либо для обозначения генерала, стремящегося стать диктатором, а также в целом ряде иных значений [Гудков 1999; Отин 2003; Нахимова 2007].

В исследовании М. Я. Блоха и Т. Н. Семеновой [Блох, Семенова 2001] имена, которые могут выступать и как собственные, и как нарицательные, трактуются как особый разряд имен собственных – «полуантропонимы». Примером этого может служить слово «Рокфеллер», которое в одних случаях образно обозначает любого очень богатого человека (употребление имени как нарицательного), а в других – используется для обозначения конкретного члена одной из наиболее богатых американских семей. В статье Е. С. Отина отмечается, что коннотативные собственные имена занимают срединное положение между онимами и аппелятивами и поэтому могут быть обозначены термином «мезолексы» [Отин 2002: 56].

Вопрос о выделении полуантропонимов как особого лексико-грамматического разряда, совмещающего признаки имен собственных и нарицательных, остается дискуссионным. В частности, по мнению Д. Б. Гудкова, подобные имена не занимают отдельной «клетки» в классификационной «таблице» языковых единиц, являясь группой

внутри имен собственных, однако представляют собой особые единицы дискурса [Гудков 1999: 121].

В соответствии с современными представлениями, специфика имен собственных в значительной степени определяется тем, что их значение имеет референтный характер. Если имя нарицательное соотносится и с денотатом (понятием), и с референтом (конкретным предметом, который обозначает слово), то имя собственное связано только с референтом, причем у имен собственных референт имеет единичный характер, тогда как у имен нарицательных референт не относится к числу единичных. Этот подход детально обоснован в монографии Д. И. Ермоловича [2005: 63–71], где, в частности, сопоставляется имя нарицательное *писатель*, которое имеет денотативную основу и относится к неединичному референту, и имя собственное *Шолохов*, которое относится к единичному референту. Если имя нарицательное *писатель* обозначает авторов художественных произведений (без их конкретизации), то единичный референт *Михаил Шолохов* относится к создателю вполне конкретных текстов – «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека».

Рассмотренный подход представляется вполне обоснованным, однако думается, что само по себе признание референтности значения имени собственного не исключает возможности его компонентного анализа.

Заканчивая краткий обзор существующих представлений о наличии/отсутствии языковой семантики у имени собственного, отметим, что в основе нашей концепции лежат следующие положения:

- имя собственное, несомненно, имеет лексическое значение в речи, в дискурсе, в социолекте (за исключением немногочисленных случаев безреферентного употребления), и именно оно создает богатые возможности для образной номинации;

- имя собственное может иметь языковое значение, но это значение принципиально иного характера, чем семантика имени нарицательного; именно по этой причине вполне закономерен автономный анализ варьирования значения у имени собственного;

- общесистемное значение антропонима может включать семы, указывающие на принадлежность слова к числу имен собственных, к числу антропонимов, к числу мужских или женских имен, а также ассоциативные семы, отражающие факультативные и личностные смыслы, и культурно-исторические семы, фиксирующие связи семантики с соответствующими дискурсами;

- системное значение имени собственного может быть ограничено тем или иным социумом, но может иметь и общенациональный харак-

тер: существуют люди, которых знает вся страна, но еще больше людей известны лишь ограниченному кругу родственников, коллег и знакомых;

- значение имени собственного обладает повышенным количеством ассоциативных (по Д. Н. Шмелеву), или коннотативных, признаков и широким потенциалом для смыслового варьирования и использования с появлением разного рода стилистических эффектов в речи;

- имя собственное обладает широкими возможностями для хранения культурно значимой информации, которая может актуализироваться в рамках конкретных текстов; имена собственные играют существенную роль в хранении и передаче от поколения к поколению стереотипов и ценностных установок, регулирующих деятельность членов соответствующего языкового коллектива;

- богатство культурно значимой информации, связанной с именами широко известных людей (населенных пунктов и др.), создает условия для метафорического употребления и развития у данных имен вторичных значений;

- для имени собственного характерен совершенно особый тип соотношения между языковым значением и речевой семантикой, между общеупотребительным значением и значением, которое существует в пределах того или иного социума.

1.2. Традиционное направление в исследовании смыслового варьирования имени собственного

Смысловое варьирование имени собственного издавна привлекало внимание исследователей, но подходы к познанию этого феномена и даже само его обозначение в рамках различных научных парадигм существенно различаются.

Рассмотрим существующие в современной науке подходы к изучению образного использования имени собственного.

1. Лексико-грамматическая теория. В рамках названной концепции смысловое варьирование имени собственного анализируется в аспекте транспозиции имени собственного в имя нарицательное. Как отмечает «Грамматика русского языка», созданная Академией Наук СССР, «имена существительные собственные переходят в разряд нарицательных, когда они служат для обозначения целого класса однородных предметов и явлений, напр., *геркулес, ловелас, меценат, рентген*» (Грамматика русского языка. Т. 1. 1952: 104). В многочисленных публикациях, связанных с теорией транспозиции, отмечается, что при переходе имени собственного в имя нарицательное изменяются лекси-

ко-грамматические свойства слова (оно получает формы множественного числа), преобразуется его лексическая сочетаемость. При написании подобных имен становится необязательным использование прописных букв, хотя, как показывает специальное исследование [Нахимова 2007], однозначные рекомендации по их правописанию пока не выработаны.

2. Классическая и обновляющаяся риторика. В традиционной классификации риторических фигур и тропов обозначение свойств человека при помощи собственного имени другого человека рассматривалось как особый риторический троп, называвшийся **антономазия** [Античные риторики 1978].

В книге Т. Г. Хазагеров и Л. С. Шириной предлагается следующее определение антономазии (второе значение): «Гибрид ПЕРИФРАЗЫ и МЕТАФОРЫ, основанный на использовании собственного имени, обычно широко известного, вместо нарицательного, называющего другое лицо, вместо отрезков времени, наделенных сходными чертами. *Нет, я вам не скажу. Вы ревнивец. Нельзя быть таким Отелло* (Ильф, Петров). *Мы по Эмсам да по Мариенбадам воду пить ездим* (Салтыков-Щедрин). *Я русский и поэтому имею право презирать эти ренессансы* (Куприн)» [Хазагеров, Ширина 1999: 208–209].

В качестве третьего значения рассматриваемого термина дано следующее определение: «Гибрид ПЕРИФРАЗЫ, МЕТАФОРЫ и МЕТОНИМИИ, троп, основанный на использовании географического названия, места, связанного с какими-либо событиями, для обозначения сходных типичных событий. *Рабовладельцы начинают уважать своих рабов лишь после Куликовых полей* (из «Литературной газеты»). Или *Чернобылям не будет конца до самого конца* (там же)» [Хазагеров, Ширина 1999: 209].

В соответствии с еще одной точкой зрения, антропоним, использованный в образном значении, представляет собой одну из разновидностей **аллюзии**, то есть риторической (стилистической) фигуры (от фр. *allusion* – намек, лат. *alludere* – подшучивать, намекать), заключающейся в соотносении описываемого феномена с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка [Арнольд 1993; Гюббенет 1991; Новохачева 2005; Истратова 2010]. При описании аллюзии нередко подчеркивается, что это намек, сделанный при помощи созвучного слова или упоминания общеизвестного реального факта. При таком подходе метафорический антропоним может быть представлен как разновидность аллюзии.

3. Теория и практика лексикографии. Переход имени собственного в имя нарицательное может быть законченным, что проявляется,

в частности, во включении соответствующего имени в толковые словари (где отсутствуют обычные имена нарицательные). Например, в четырехтомном «Словаре русского языка» (1981–1984) представлена следующая словарная статья.

Донжуан. Искатель любовных приключений; волокита. *На нее жадно и с любопытством смотрел Артынов, этот известный донжуан и баловник.* Чехов. Анна на шее (По имени Дон Жуана – легендарного соблазнителя женщин, героя ряда западноевропейских литературных произведений).

Однако в значительном количестве случаев можно говорить только об окказиональном использовании имени собственного в значении имени нарицательного. Показательно, что в указанном четырехтомном словаре отсутствуют статьи на такие имена, как *Наполеон* и *Вольтер*, хотя их употребление в нарицательном значении встречалось еще в первой половине XIX века. В связи с этим можно вспомнить хотя бы Скалозуба – героя комедии А. С. Грибоедова, который обещал: «Я князь-Григорию и Вам фельдфебеля в Вольтеры дам».

В целях более полной фиксации имен собственных, использующихся в значении нарицательных, Е. С. Отин создал специальный историко-этимологический словарь, куда были включены как узуальные, так и неuzuальные антропонимы, топонимы, зоонимы, мифонимы, библионимы и иные виды имен собственных [Отин 2003].

4. Литературоведческое направление. Внимание литературоведов традиционно привлекают имена героев литературных произведений; ученых интересуют межтекстовые связи, создающиеся при помощи этих имен, а также факты использования во внелитературных дискурсах. Учение о роли имен собственных в создании текста восходит к концепции диалога, созданной М. М. Бахтиным [Бахтин 1994], идеи которого активно развиваются современными отечественными специалистами [Фатеева 1998, 2000; Кузьмина 1999; Снигирев 2003 и др.]. Эвристики названного направления вполне применимы не только по отношению к литературному, но и к иным видам дискурса, в том числе к дискурсу массовой коммуникации.

5. Теория интертекстуальности. В соответствии с концепцией, восходящей к идеям Юлии Кристевой, интертекст определяют как «место пересечения различных текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма», а интертекстуальность – как «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста». Автор отмечает, что «для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст перечитывает историю и вписыва-

ется в нее» [Кристева 1998: 118]. Интертекстуальность может проявляться во включении в текст маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций. К числу проявлений интертекстуальности (которые чрезвычайно разнообразны) относится и рассматриваемая разновидность использования имени собственного. Манифестация интертекстуальности в конкретных текстовых условиях получила наименование **интертекстема** [Мокиенко 2003; Сидоренко 1999; Фатеева 2000 и др.].

Следует подчеркнуть, что Ю. Кристева создавала свою теорию, основываясь на материале художественной литературы, однако в современной науке области изучения интертекстуальности существенно раздвинулись. В настоящее время интертекстуальность рассматривается как свойство массовой культуры, рекламы, средств массовой коммуникации, кино и иных зрелищных искусств. При этом учитывается не только речевая составляющая, но и невербальные компоненты (музыка, рисунок и др.). Разумеется, изучение интертекстуальности в дискурсе массовой коммуникации имеет не столь богатые традиции, как изучение данного феномена в художественной литературе, но начало уже положено.

6. Теория вертикального контекста. В концепции О. С. Ахмановой, И. В. Гюббенет и их последователей контекст подразделяется на горизонтальный и вертикальный. Первый вид контекста понимается в традиционном для лингвистики смысле, тогда как вертикальный контекст включает *всю* заложенную в произведении информацию историко-филологического характера [Ахманова, Гюббенет 1977]. Выделяют два типа вертикального контекста: филологический и социально-исторический. Социально-исторический вертикальный контекст представляет собой отсылки к социально-исторической действительности, в нашем случае – отсылки к именам широко известных людей или широко известным топонимам, торговым маркам и др. Филологический вертикальный контекст – это отсылки к различным художественным текстам, в том числе на основе метафоризации соответствующих имен персонажей. Восприятие вертикального контекста не ограничивается определением источника аллюзии, а ориентировано на понимание реального взаимодействия литературных источников, авторских мировоззрений, социально-исторических эпох.

7. Теория межкультурной коммуникации в варианте, представленном в трудах В. Г. Костомарова, Н. Д. Бурвиковой и их последователей. Одним из центральных понятий названной теории является **логосистема** (от греческих слов, обозначающих *слово* и *знание*) – единица коммуникативного пространства, которая характеризуется как

«след языка в культуре или культуры в языке» [Бурвикова, Костомаров 2006а: 11]. В данной концепции рассматриваются логоэпистемы, к числу которых относят «разноуровневые лингвистически ценные единицы», в том числе «говорящие имена и названия» [Бурвикова, Костомаров 2006: 8]. Рассматривая конкретные примеры логоэпистем, соавторы называют такие, как *Соловей-разбойник*, *Ватсон*, *Освенцим*, *Рио-де-Жанейро*, *Ромео и Джульетта*, *Анна Каренина*. Все эти названия обладают высокой культурной значимостью, относятся к числу широко известных и входят в базисную часть вербально-ментальной базы русского национального сознания. Соответственно, их употребление в качестве «чужого слова» представляет собой проявление лингвистического и культурного опыта индивида, свидетельствует о его эрудиции и многих иных качествах.

8. Теория текстовых реминисценций. В исследованиях А. Е. Супруна и его последователей используется термин *текстовые реминисценции* [Супрун 1995; Алексеенко 2003 и др.], который определяется как «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 17]. К текстовым реминисценциям автор относит цитаты, «крылатые слова», имена персонажей, имена авторов произведений, прямые и косвенные напоминания о разного рода ситуациях и их участниках. В соответствии с указанной концепцией рассматриваются не только семантически преобразованные имена, но и такие имена, которые используются в традиционном значении. Ср.: *У русских с грузинами есть Дanelия и Товстоногов, Габриадзе и Кикабидзе, да мало ли всего... Над рекой стоит гора, под горой течет Кура... Такую личную неприязнь испытываю к потерпевшему, что кушать не могу... Расцветай под солнцем, Грузия моя... Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет...* (Елена Ямпольская. Вина Грузии. Куда поставить ударение в первом слове? // Известия. 2006. 28.11).

В данном контексте имена *Дanelия*, *Товстоногов*, *Габриадзе* и *Кикабидзе* использованы в традиционном (денотативном) значении, то есть обозначают конкретных людей, но вместе с тем эти имена выступают как своего рода символы культурных связей России и Грузии. Подобными символами стали и представленные в рассматриваемом тексте прецедентные высказывания.

9. Теория регулярной многозначности, созданная более сорока лет назад в рамках структурно-семантического подхода к языку (Ю. Д. Апресян, Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелев и др.). В соответствии с этой теорией исследуются регулярные метонимические и метафорические пе-

реносы и выявляются регулярные (однотипные, повторяющиеся) вторичные значения, которые встречаются у семантически близких слов, принадлежащих к одной части речи. Сам факт выявления модели обычно свидетельствует о том, что аналогичным образом могут быть использованы и другие семантически сходные слова.

Специальные исследования показывают, что в русском языке существует относительно регулярная модель многозначности, в соответствии с которой для обозначения качеств человека может быть использовано имя иного человека, широко известного благодаря данным качествам. Аналогичным образом географические названия могут метонимически использоваться для обозначения событий, которые произошли в соответствующем месте (*Сталинград*, *Ватерлоо* и др.). Эта модель относится к числу относительно регулярных и обладает богатым потенциалом.

10. Традиционная теория метафоры. Использование имени собственного в рассматриваемом варианте значения вполне соответствует традиционному пониманию метафоры как переноса наименования по признаку сходства обозначаемых предметов. Соответственно, может быть применен термин «ономастическая (онимная) метафора», то есть метафора, источником которой служит имя собственное. Такой подход особенно широко распространен в зарубежной лингвистике, где соответствующие метафоры часто называют историческими (если за основу взято название исторического события или его активного участника) или литературными. Так, и в исследовании И. ван дер Валка ярко показано, что в правой прессе Франции лидер Народного Фронта А. Ле Пен метафорически обозначается как современная Жанна д'Арк и французский Уинстон Черчилль, что позволяет представить Ле Пена как потенциального спасителя Франции, защитника национальных интересов, смело выступающего против иноземных захватчиков. Соответственно в рамках рассматриваемой парадигмы иммигранты метафорически представляются как своего рода продолжатели худших традиций немецких и английских оккупантов, пытавшихся в свое время лишить Францию ее независимости и национальной самобытности [Valk 2001].

Необходимо подчеркнуть, что упомянутые выше понятия не в полной мере совпадают по содержанию, а соответствующие термины вовсе нельзя считать синонимами. Так, прецедентные имена, выступающие в неденотативном значении как обозначения конкретных людей, безусловно, причисляются к числу *текстовых реминисценций*, но не являются историческими метафорами. К разряду прецедентных феноменов обычно относят далеко не все единицы, которые А. Е. Супрун рассматривает среди текстовых реминисценций, однако в теории пре-

цедентности учитываются не только метафоры. Таким образом, между названными концепциями обнаруживаются существенные различия не только в методологии, но и в объеме изучаемого материала.

Другие признаки ономастической метафоры (интертекстемы, прецедентного феномена, текстовой реминисценции, исторической или литературной метафоры) могут быть охарактеризованы только в рамках столь характерной для когнитивистики категории «семейного сходства». Эти признаки воспринимаются как типичные, характерные, распространенные, но они не относятся к числу обязательных, несомненных свойств.

Следует также учитывать, что абсолютное большинство ономастических метафор не относится к числу глобально прецедентных (хорошо известных во всем мире) или хотя бы национально прецедентных (хорошо известных большинству носителей соответствующего национального языка). Использование прецедентного феномена как основы для метафоры предполагает определенный уровень эрудиции у адресата. Ср.:

Для Саакашвили, который сначала требовал прибытия Абашидзе в Тбилиси, а пришлось все же самому прибыть в Батуми, это была своего рода «дорога в Каноссу» (Капба Э. // Советская Россия).

Представленный обзор показывает как разнообразие подходов к рассматриваемому явлению, так и признаки, учет которых объединяет все названные выше концепции. К числу данных свойств относятся прежде всего такие показатели, как обогащение семантики и интертекстуальность, использование соответствующей единицы как своего рода культурного знака, связывающего различные тексты, эпохи, пространства.

Говоря о наиболее существенных признаках данных феноменов, следует прежде всего назвать их осознание как «чужеродных», «вторичных». Вместо того чтобы описать свойства соответствующего события или человека, автор обращается к аналогиям, ищет нечто похожее в других исторических обстоятельствах, в литературных произведениях и т. п.

Еще одно свойство рассматриваемых феноменов – это их семантическая трансформация, использование в не совсем обычном смысле (степень трансформации может быть различной). Очевидно, что «новый Сталин» – это уже не Иосиф Виссарионович Сталин, а совсем иной политический лидер, который лишь отчасти похож на прототип. С другой стороны, «эпоха Сталина» – это и время правления Иосифа Виссарионовича, и эпоха тоталитаризма, которую позднее назвали «периодом культа личности».

Ономастические метафоры изначально связаны с единичными и уникальными феноменами, которые знакомы далеко не всем представителям лингвокультурного сообщества. «Дорога в Каноссу», несомненно, относится к числу культурных знаков, известных лишь немногим интеллектуалам. Как ярко демонстрирует С. Л. Кушнерук, функционирование и восприятие прецедентных имен тесно связано с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью соответствующего народа [Кушнерук 2006]. Например, как отмечает В. Кеннеди [Kennedy 2000], во время войны в Косово сербские СМИ апеллировали к *битве на Косовом поле*, но эта метафора мало о чем говорила жителям США и Западной Европы.

Целесообразно отметить, что одно и то же прецедентное имя при его использовании в разных национально-культурных сообществах способно нести совершенно различную информацию. Так, для русских *Бородино* – это символ решающей победы российской армии над иноземными захватчиками, тогда как для французов это – последняя крупная победа Наполеона в кампании 1812 года и своего рода символ победы, приведшей к поражению.

Обращение к ономастической (в других терминах – исторической или литературной) метафоре – традиционная черта политической коммуникации в самых различных национальных дискурсах. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим истокам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. По своим функциям и свойствам прецедентные антропонимы, используемые в политических текстах, обнаруживают значительную близость к метафорическим наименованиям. Яркий образ обладает значительным прагматическим эффектом и способен служить сильным аргументом в любой политической дискуссии. Вместе с тем легко заметить, что неудачное использование прецедентных имен обнаруживает косноязычие и низкую эрудицию адресанта, что особенно бросается в глаза на фоне его значительного общественного положения.

Представленные в настоящем разделе материалы свидетельствуют о том, что образное использование имен собственных традиционно привлекает внимание исследователей, относящихся к самым различным научным направлениям. Существующие различия в терминологии (интертексты, ономастические метафоры, исторические и литературные метафоры, текстовые реминисценции, случаи переносного использования имени собственного) связаны с неодинаковым объемом соответствующих понятий, с различными аспектами изучения интересующего нас феномена.

Вместе с тем важно учитывать, что названные термины относятся к разным научным парадигмам, каждая из которых предполагает особую систему взглядов на взаимосвязи анализируемых единиц, на их взаимоотношения и функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие на адресата.

Можно надеяться, что различные подходы к изучению рассматриваемого явления, использование эвристик многочисленных научных школ и направлений будет способствовать более глубокому его осознанию и более полному пониманию сущности соответствующих феноменов. Это, несомненно, относится и когнитивному направлению в изучении имени собственного, которое специально рассматривается в следующем параграфе.

1.3. Когнитивное направление в исследовании смыслового варьирования имени собственного

Современная когнитивная лингвистика отличается значительным разнообразием направлений, что определяет, в частности, различные подходы к анализу смыслового варьирования имени собственного. Особый интерес специалистов привлекают случаи, когда имя собственное используется не для обозначения обычного референта, а для метафорической характеристики совершенно иного лица. Ср.: *Мы не застрахованы от того, что в какой-то момент «сорвет крышу» у очередного Саакашвили и он сделает то, что было сделано в августе* (Д. Медведев // Российская газета. 2008. 16.09).

В данном случае фамилия президента Грузии воспринимается как обобщенное обозначение политических лидеров, способных пойти на те или иные авантюры, которые в конечном итоге окажутся источником трагедии для их собственного народа. При таком использовании в той или иной степени элиминируются другие признаки президента Саакашвили: внешность политического лидера, история его прихода к власти, политические симпатии, конкретные детали событий и т. п.

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, когнитивно-дискурсивный подход позволяет подойти ко многим проблемам с новых позиций и увидеть рассматриваемые феномены в новых аспектах [Кубрякова 2006: 4]. Обратимся к специфике когнитивного исследования имени собственного в рамках различных направлений когнитивной лингвистики.

1. Теория концептуальной метафоры. Наибольшую известность получили когнитивные интерпретации употребления имени собственного, связанные с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и

М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Лакофф, Джонсон 2004]. В соответствии с данной теорией метафора – это не украшение текста или способ упрощения сложной мысли, а основная ментальная операция, способ познания, концептуализации, структурирования, объяснения и оценки реальности. Поскольку имена собственные обладают богатым и очень специфическим смысловым содержанием, их использование становится важным когнитивным средством.

В публикациях многих западных специалистов анализ метафорического использования имен собственных занимает важное и даже ведущее место. Это обнаруживается уже в исследованиях Дж. Лакоффа по проблемам политической метафорологии [Lakoff 1991, 1996], но наиболее ярко проявляется в работах некоторых его последователей. Так, Р. Пэрис в статье «Косово и метафорическая война» [Paris 2002] показывает, что американские политики традиционно рассматривают внешнюю политику через фильтр исторических аналогий, а поэтому события в Косово метафорически представлялись при помощи четырех групп метафор, в основе которых лежали прецедентные феномены *Вьетнам*, *Холокост*, *Мюнхен* и *Балканская пороховая бочка*. Соответствующие метафоры использовались как важные аргументы в дискуссии об адекватном ответе на военный и гуманитарный кризис в Югославии. Одни политики видели в Косово новый Холокост, другие – еще один Вьетнам, многие опасались повторения Мюнхенскогоговора и напоминали о пороховой бочке на Балканах. Ссылаясь на уроки Вьетнама, противники военного вмешательства говорили об ужасах войны, тогда как сторонники войны считали, что американская армия воевала в Юго-Восточной Азии «со связанными за спиной руками».

Тенденцию к рассмотрению политических событий сквозь призму исторических метафор отмечает также Дж. Гуднайт при анализе метафорики периода войны в Персидском заливе. Обсуждая причины и следствия этой войны, многие американские политики и журналисты использовали образные характеристики «Ирак – это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» [Goodnight 2004]. Подобные выражения детально рассматривают и многие европейские специалисты (П. Друлак, А. Мусолфф, Й. Цинкен и др.).

В нашей стране теория концептуальной метафоры получила широкое признание уже в 90-е годы прошлого века, когда появились словари российский политических метафор [Баранов, Караулов 1991; 1994], в которых, помимо прочего, было дано определение метафорической модели, выделены ее структурные составляющие, рассмотрены функции метафор в политических текстах. Хотя авторы не останавливаются специально на детальном анализе метафорического использо-

вания имен собственных, эти имена постоянно фигурируют в качестве иллюстраций при характеристике закономерностей реализации тех или иных моделей. Например, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов наряду с метафорами «Сталин – это старший брат» и «мавзолей Ленина – это айсберг» приводят такие примеры, как «Сталин – это Берлиоз» и «мавзолей Ленина – это Мекка» [Баранов, Караулов 1991: 110]. Подобная интерпретация вполне закономерна, поскольку с учетом гипотезы о когнитивном механизме метафоризации есть все основания считать указанные метафоры в качестве реализаций одного и того же когнитивного процесса – концептуальной операции над двумя фреймами, проекции знаний из одной понятийной области в другую.

Аналогичный подход обнаруживается и в публикациях А. П. Чудинова, где при анализе политической метафоры привлекаются такие имена собственные, как *Цицерон*, *Олимп*, *Гитлер*, *Суслов* (в женской юбке), *Иудушка* и др. [Чудинов 2001, 2003], и отмечается их важная роль в представлении современного российского политического дискурса.

Детальный обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвященных когнитивному исследованию политических метафор, представлен в монографии «Метафора в политической коммуникации» [Будаев, Чудинов 2007], в которой, однако, оставлены без внимания вторичные значения онимов.

2. Теория концептуальной интеграции (теория блендинга).

Начиная с 90-х гг. прошлого века методология когнитивного анализа метафоры (в том числе политической) обогащается теорией блендинга. Основоположники теории М. Тернер и Ж. Фоконье показали, что при метафоризации возможна не только проекция из сферы-источника в сферу-мишень, как это представлено в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, но и иные виды проекции. В соответствии с теорией М. Тернера и Ж. Фоконье при метафоризации возможны сложные динамические интеграционные процессы, которые создают новые ментальные пространства. Эти новые пространства возникают в процессе концептуальной интеграции, они имеют смешанный характер и отчасти наследуют признаки сферы-источника и сферы-мишени, выделенных ранее Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, но в то же время обладают и совершенно новыми свойствами, что приводит к существенному преобразованию структуры значения [Fauconnier, Turner 1994, 1998; Turner, Fauconnier 1995, 2002].

Важной методологической идеей теории М. Тернера и Ж. Фоконье стала замена двухдоменной модели метафоры (two-domain model), которая была обоснована Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, моделью,

состоящей из нескольких пространств (many-space model) [Fauconnier, Turner 1994]. По мнению создателей новой теории, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель представляет собой лишь один из возможных вариантов более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов. Поэтому в новой теории было обосновано введение двух промежуточных пространств (middle spaces). В результате указанной новации вместо двух концептуальных доменов, охарактеризованных в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, было предложено учитывать четыре ментальных пространства, среди которых выделяются два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space), которое нередко обозначается как бленд (blend).

Каждое из рассматриваемых ментальных пространств обладает специфическими свойствами. Так, общее пространство включает наиболее абстрактные элементы (роли, фреймы, сценарии и схемы), присущие обоим исходным пространствам, то есть пространство выступает основанием для метафоризации на максимально абстрактном уровне. В пространстве-бленде смешаны отдельные признаки исходных пространств, но в результате этого смешивания появляется совершенно новая концептуальная структура, которая уже существенно отличается от исходных пространств и имеет собственный потенциал дальнейшего развития. В результате оказывается, что бленд «живет своей собственной жизнью» [Turner, Fauconnier 2000: 137]. Эта «жизнь» проявляется, в частности, в том, что одни признаки исходных пространств нейтрализуются, тогда как другие оказываются максимально значимыми.

Весьма показателен тот факт, что М. Тернер и Ж. Фоконы демонстрируют практическое применение обоснованного ими подхода на примере некогда популярной в Вашингтоне политической метафоры «Если бы Клинтон был “Титаником”, то утонул бы айсберг» (If Clinton were the Titanic, the iceberg would sink) [Turner, Fauconnier 2000]. Исходной основой этой метафоры служат два исходных пространства, которые в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона обозначались как сфера-источник и сфера-мишень. Сфера-источник – это хорошо известная прецедентная ситуация столкновения с айсбергом, казалось бы, абсолютно надежного в эксплуатации лайнера «Титаник». Результатом столкновения стала гибель «Титаника» и множества его пассажиров. Плавучая ледяная гора оказалась источником смертельной опасности для пассажиров судна, которое считалось не только максимально комфортным, но и абсолютно надежным.

Метафора основана на том, что президент Клинтон соотносится с кораблем, а скандальные отношения между ним и Моникой Левински – с айсбергом. Однако в данном случае нет полной аналогии: «Титаник» (Клинтон) не тонет, тогда как айсберг (скандал) идет на дно, во всяком случае, не оказывается губительным для президента. В смешанном ментальном пространстве наблюдается концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств. С одной стороны, смешанное ментальное пространство (бленд) заимствует фреймы «Титаник», «айсберг», «смертельное столкновение», «гибель» из сферы-источника. Вместе с тем в смешанном пространстве обнаруживаются каузальная структура из сферы-мишени – знаменитого сценария «Скандал из-за связи Клинтона с Моникой Левински»: как известно, итогом этой истории стало то, что Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение* (сохранил политическую власть, а не ушел в отставку).

Итак, в данном случае междоменная проекция носит метафорический характер, однако каузально-событийная структура смешанного пространства не выводится из пространства-источника. Очевидно, что простые метафорические инференции из пространства-источника призваны были навести на мысль о том, что Клинтон должен потерять президентские полномочия: айсберг-скандал должен погубить президента, метафорически представляемого как «Титаник». В пространстве-бленде возникает совершенно новая событийная структура: «Титаник» остается на плаву, айсберг не причиняет ему смертельного вреда, но тонет сам. Эта «фантастическая» структура не выводится из исходных пространств, но конструируется в бленде и привносит совершенно новые, хотя и вполне ясные инференции: Клинтон обладает огромной политической мощью, и никакие события не в состоянии лишить его власти, он всегда становится победителем в политических столкновениях.

Следует отметить, что теория концептуального блендинга была создана на основе своего рода синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Впоследствии отдельные положения этой теории дополнялись и уточнялись [Coulson 1996; 2000; Fauconnier, Turner 1994; 1998; Turner, Fauconnier 1995; 2000]. В частности, Дж. Грейди и соавторы показали, что в бленде *Этот хирург – мясник* несоответствие цели хирурга и средства мясника рождает негативную характеристику – некомпетентность врача [Grady et al. 1999]. Позднее Л. Брандт и П. А. Брандт убедительно продемонстрировали, что в данном бленде важна не столько некомпетентность врача, сколько этическая составляющая: врача по существу обвиняют в нарушении профессиональных норм поведения [Брандт и Брандт, 2010: 5].

Показательно, что далеко не все специалисты считают названную теорию достаточно новой и перспективной. Многие когнитологи квалифицируют ее лишь как некоторую модернизацию теории концептуальной метафоры. Так, Е. В. Белоглазова пишет, что теория М. Тернера и Ж. Фоконье «является фактически развитием двухпространственной модели метафоры, объясняя в терминах наложения концептуальных пространств механизм вторичного семиозиса, лежащий в ее основе» [Белоглазова 2009: 68]. С другой стороны, Дж. Грэйди, Т. Оукли и С. Коулсон отмечают, что теория концептуальной метафоры и теория блендинга носят комплементарный характер, что они по существу дополняют друг друга [Grady et al. 1999; Coulson et al. 2000].

Важно отметить, что сами создатели теории концептуальной интеграции вовсе не считают свою концепцию лишь развитием идей Дж. Лакоффа, поскольку блендинг понимается очень широко и совсем не ограничивается исследованием процессов метафоризации. При таком подходе блендинг оказывается едва ли не важнейшей категорией когнитологии, так как он представлен как «когнитивный механизм, охватывающий многие (возможно, все) когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, инференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив» [Fauconnier, Turner 1994: 3–4]. Как следует из определения, в рамках данной концепции метафора занимает место только одного из когнитивных механизмов, являясь частным проявлением всеобщего механизма концептуальной интеграции. Тем самым данная теория претендует едва ли не на универсальную объяснительную силу, постулируя концептуальную интеграцию как «принцип конструирования языкового значения» [Ирисханова 2001: 47].

По замыслу Ж. Фоконье и М. Тернера, теория блендинга должна описывать гораздо большее число лингвокогнитивных явлений, чем это делала теория концептуальных метафор. В их концепции теория концептуальной метафоры становится частным случаем блендинга, при этом постулируется, что теория концептуальной интеграции представляет отдельные случаи когнитивных метафор «более адекватно», чем теория концептуальной метафоры.

В связи с этими дискуссиями весьма показательна позиция самого Джорджа Лакоффа, который подготовил «зеркальный ответ», предложив нейронную теорию языка и нейронную теорию метафоры, которые охватывают более широкий круг лингвокогнитивных явлений, чем теория блендинга [Lakoff 2008]. Кроме того, Дж. Лакофф считает блендинг и метафорическую проекцию совершенно разными явлениями. По мнению исследователя, непонимание этого факта приводит к

тому, что сторонники теории блендинга часто описывают метафорические бленды как неметафорические и наоборот. Согласно Дж. Лакоффу, теория блендинга и теория концептуальной метафоры – это научные программы, имеющие разный предмет исследования, а поэтому нет смысла их противопоставлять [Lakoff 2008: 37–38].

3. Теория жесткой и нежесткой референции. Еще один вариант когнитивного анализа имени собственного связан с теорией референции, рассматриваемой в качестве когнитивной операции, в которой используются отношения между языком и объектами в реальном мире [Кубрякова и др. 1996: 160]. В рамках теории референции Сол Крипке разграничивает жесткие и нежесткие десигнаторы [Крипке 1982, 1986]. Имена собственные при стандартном использовании относятся к числу жестких десигнаторов, то есть обозначают один и тот же объект. Вместе с тем некоторые имена собственные могут выступать как нежесткие идентификаторы, то есть обозначать различные объекты. Примером такого десигнатора может служить имя президента Саакашвили, которое при стандартном использовании обозначает президента Грузии, а в рассмотренном выше примере (... в какой-то момент «сорвет крышу» у очередного Саакашвили...) – иных лидеров, способных на политические авантюры.

В концепции Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева имена собственные при их использовании по отношению к нестандартному объекту определены как псевдоидентификаторы. В частности, псевдоидентификатором будет имя собственное *Сальери* во фразе «Если бы Хазанов был Сальери...», поскольку в данном случае речь идет о том, что Хазанов не является завистливым человеком, способным на преступление [Булыгина, Шмелев 1997: 503]. Очевидно, что использование псевдоидентификаторов – это не ошибка, а специальный прием, широко используемый в современных СМИ. Ср.: *Ленин – гениальный социальный ученый и инженер. В политике и философии он был Пуанкаре, Бором, Резерфордом и Эйнштейном, вместе взятыми. Совершил множество открытий, позволивших запустить «цепную реакцию» Русской Революции, построить «атомный реактор СССР», толкавший вперед историю XX века.* (А. Проханов – Известия. 2004. 21.01).

Использование псевдоидентификаторов позволяет на основе внешнего алогизма фразы создать развернутый метафорический образ, сопоставить действия различных людей, их личные качества, ситуации, в которых они оказываются, и результаты, которых они добиваются. Отметим также, что в рассмотренном контексте метафорическое использование имени собственного становится основой для развертывания целого метафорического комплекса (СССР – атомный реактор;

создатели этого реактора; цепная реакция; остановка реактора и др.), что значительно усиливает прагматический эффект образного использования имени собственного.

Развивая рассматриваемую теорию, А. П. Бабушкин разграничивает среди псевдоидентификаторов портретные и сценарные имена [Бабушкин 2009: 67]. Первые из них используются для характеристики портретного сходства. Ср.: *Должно быть, в этой шляпе она [Марина] выглядит просто сногшибательно – Фаина Раневская, кинофильм «Подкидыш»*. Рассматривая этот пример, А. П. Бабушкин показывает, что в данном случае речь идет о внешнем сходстве героини с артисткой Фаиной Раневской, играющей в фильме «Подкидыш».

Вторая разновидность псевдоидентификаторов используется для характеристики сценарных функций, то есть такие имена собственные соотносятся с определенными сценариями, ситуациями, поступками. Ср.:

Борис Абрамович, наш разговор протекает на веранде дворца, среди зеленых лугов и дубрав, на территории английского острова, которую вы купили. Задаю себе вопрос: кто вы сейчас? Менишиков в Березове? Наполеон на Корсике? Троцкий в Мехико? Кем вы себя чувствуете в изгнании? (Беседа А. Проханова с Б. Березовским // Завтра. 2002. 1.10). *«Я хочу стать нашим Юрием Гагариным!» – Шейх Музафар Шукор будет первым астронавтом Малайзии. Он готовится к посещению МКС в октябре 2007 года* (А. Хохлов // Известия. 2007. 20.07).

В первом контексте представлены политические лидеры, которые потеряли власть, находятся в ссылке или изгнании, а поэтому их судьбы в определенной степени напоминают историю жизни Бориса Березовского. Во втором случае речь идет о предполагаемом полете в космос, что дает возможность сопоставить роли Юрия Гагарина и первого малайзийского космонавта в сценарии «полет в космос».

Возможно, имеет смысл выделить, помимо портретных и сценарных псевдоидентификаторов, еще и личностные псевдоидентификаторы. К их числу можно отнести такие, при использовании которых на первый план выходят личностные качества человека – смелость, решительность, осторожность, способность добиться успеха, осторожность, граничащая с трусостью, и др. Рассмотрим несколько конкретных примеров использования имен собственных в роли псевдоидентификаторов.

За бескомпромиссность, с которой Тони [Блэр] обломал собственную партию, сподвижники прозвали его «Сталиным» (О. Дмитриева – Российская газета. 2007.26.06). *А мне сдается, что Путин – не Иван Калита, а Борис Годунов, и после него будет не Куликовская*

Битва, а новая Великая Смута (Форум. Отзывы читателей на статью А. Проханова «Суверенная демократия – оборонная доктрина России» – Завтра. 2007.24.01).

В первом случае речь, разумеется, идет не о сходстве внешности советского и британского лидеров, а о сопоставимости их характеров, способности проявить волю и добиться своего даже вопреки мнению ближайшего окружения. Основная инференция такого использования имени собственного – Тони Блэр проявил политическую волю и добился того, что партия лейбористов стала следовать его политике. Во втором случае Иван Калита выступает как символ осторожной политики, ориентированной на накопление экономической и политической мощи. Соответственно Борис Годунов представлен здесь как олицетворение недалёковидной политики, которая привела к гибели его семьи и множеству бед для всей страны.

4. Теория прецедентности. В соответствии с представлениями другого научного направления, – теории прецедентности – рассматриваемые имена собственные могут быть определены как прецедентные антропонимы. К этой группе относятся широко известные имена собственные, которые могут использоваться в качестве особых культурных знаков, своего рода символов определенных качеств [Гудков и др. 1997; Гудков 2003; Красных 2002; Кузьмина 2004; Кушнерук 2006; Нахимова 2004, 2005; Слышкин 2000, 2004; Смулаковская 2004 и др.].

Теория прецедентности впервые была предложена и теоретически обоснована Ю. Н. Карауловым, который рассматривал прецедентные тексты, но при этом дал им настолько широкое определение, что в число данных феноменов оказалось возможным включить самые разнообразнейшие единицы – лексемы, фразеологизмы, предложения, а также невербальные единицы [Караулов 1987]. К числу прецедентных Ю. Н. Караулов относит «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации. По словам основоположника указанного научного направления, прецедентными называются тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Далее автор называет способы введения указаний на прецедентные тексты: цитату, название текста, имя автора или персонажа [Там же: 218], что значительно расширяет представления о формах присутствия «чужого слова» в интертексте.

Следует учитывать, что в концепции Ю. Н. Караулова к числу прецедентных отнесены даже невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки – это тоже своего рода «тексты», а их названия (Храм Василия Блаженного, картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и др.) составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

Созданная Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Багаевой (1997) теория прецедентных феноменов может рассматриваться как очередной этап в исследовании прецедентности; в то же время она тесно связана с учением об интертекстуальности. В соответствии с рассматриваемой теорией использование имени собственного для обозначения иного человека должно квалифицироваться как использование прецедентного имени.

Согласно данной концепции к числу прецедентных феноменов относятся прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена. Прецедентное имя понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных (например, *Обломов*, *Тарас Бульба*), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин*, *Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт*, *Ломоносов*)» [Гудков 2003: 108]. В данной теории прецедентное имя собственное исследуется с позиций прагматической и когнитивной значимости его реализации в процессе «непосредственной коммуникации» (по терминологии В. В. Красных), при рассмотрении которой значительное внимание уделяется способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией, воплощенной в системе прецедентных феноменов.

Прецедентное имя часто выступает своего рода эталоном, в соответствии с которым дается оценка поступка, и одновременно канон, образцом для подражания. Так, прецедентное имя *Павлик Морозов* в Советском Союзе символизировало ситуацию, в которой герой ставит интересы социалистического общества выше семейных ценностей. Однако в современной России этот поступок может получить негативную оценку, а соответствующий образ становится своего рода эталонным обозначением предательства [Гудков 2003: 117]. Ср.:

У нас ведь была знакомая семья, где сын подслушал разговор родителей, ляпнувших лишнее, и стал их шантажировать, требуя купить игрушечный паровоз. – Павлик Морозов хренов! (А. Ванденко. Интервью с А. Германом // Российская газета. 2003. 5.03).

В другом контексте изменяется оценка образа отца (традиционно он воспринимался как коррупционер, нарушающий свой долг). Ср.:

Байсарову нужен Дени для образа благородного отца, чтобы подчеркнуть, что он россиянин, патриот. Отец Павлика Морозова. Тот от отца отказался, а этот от матери отказывается (А. Пугачева. Мой внук как Павлик Морозов! // Жизнь. 2009. 23–29.09).

С позиции теории прецедентности имена собственные во взаимосвязи с иными прецедентными феноменами детально анализируются в исследованиях М. С. Алексеевой (2009), Н. С. Бирюковой (2005), Л. В. Быковой (2009), О. А. Ворожцовой (2007), С. В. Елисеевой (2010), М. И. Косарева (2008), С. Л. Кушнерук (2006), Н. М. Орловой (2010) и ряда других специалистов.

Рассмотрение антропонимных метафор в контексте целого ряда сходных явлений (прецедентных высказываний, прецедентных текстов, прецедентных ситуаций) способствует их анализу на широком фоне, позволяющем выделить общие черты в феноменах, которые, казалось бы, мало связаны между собой, однако активно взаимодействуют в современном коммуникативном пространстве. Одновременно теория прецедентности способствует комплексному изучению метафорических и неметафорических смысловых вариантов имени собственного.

5. Концептуальные исследования. Еще один вариант когнитивного подхода к изучению имен собственных связан с концептуализацией – одной из центральных проблем когнитивной лингвистики и научным направлением, которое нередко определяют как концептуальные исследования (исследование конкретных концептов).

В рамках указанного направления отчетливо различаются лингвокультурологический и лингвокогнитивный варианты. В первом случае концепт воспринимается как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картинный мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90]. При лингвокультурологическом понимании концепт – «это, прежде всего, вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является *лингвокультурным* концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей языка культуры» [Воркачев 2009: 10].

Следует признать, что в большинстве существующих публикаций рассматриваемого направления исследуются концепты, связанные с

именами нарицательными или словами иных грамматических классов (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, М. В. Пименова, Т. В. Симашко, И. А. Стернин, Л. О. Чернейко, Е. С. Яковлева и др.). В частности, М. В. Пименова различает биологические концепты (птица, зверь, цветок), социальные концепты (вождь, государство, диктатура), психические концепты (душа, радость, грусть), предметные концепты (фабрика, конвейер, ваза), оценочные концепты (хорошо, красиво, чисто), количественные концепты и др. [Пименова, Кондратьева 2009: 65–68].

Для данного обзора важно то, что существуют исследования, в которых по специальной методике рассматриваются концепты, связанные с именами собственными: *Россия, Америка, Германия, Рузвельт, Бисмарк, Линкольн* и др. [Гришина 2004; Куданкина 2004; Кулявцева 2007; Кулявцева 2008; Орлова 2002; Слышкин 2004; Черноморец 2010 и др.]. В этом случае последовательно выделяются и описываются мотивирующие и понятийные признаки концепта, его синонимические связи и внутренняя форма соответствующего слова, категориальные признаки концепта (функциональные и ценностно-оценочные), далее рассматриваются метафорические признаки концепта (образные и символические) и соответствующие ему типовые сценарии.

В исследованиях Г. Г. Слышкина прецедентные феномены рассматриваются как особого рода концепты – единицы, которые принадлежат сознанию, детерминируются культурой и опредмечиваются в языке [Слышкин 2000: 9]. Исследователь выделяет особую прецедентную концептосферу – группу концептов, которые ориентированы «на утверждение уникальности и культурной значимости индивидуального объекта» и «обеспечивают мышление и коммуникацию средствами наглядности и иллюстративности» [Слышкин 2004: 116].

Концепты, связанные с антропонимами (*Штирлиц, Ленин, Мюллер, Талейран* и др.), детально охарактеризованы в монографии Г. Г. Слышкина «Лингвокультурные концепты и метаконцепты» [Слышкин 2004], которая основана на когнитивной теории концептуализации, но базируется преимущественно на исследовании прецедентных имен как своего рода культурных знаков, как формы существования культурной информации. Используя тщательно разработанную многоаспектную методику, автор ярко демонстрирует особенности в восприятии одних и тех же концептов на разных этапах развития общества представителями различных социальных, национальных, профессиональных и иных групп. В несколько ином плане представлено лингвокогнитивное описание целого ряда концептов, связанных с литературой и историей (*Чичиков, Буратино, Наполеон* и др.), в нашей

монографии «Прецедентные имена в массовой коммуникации» [Нахимова 2007].

В докторской диссертации Н. М. Орловой [Орлова 2010] наряду с другими прецедентными феноменами детально проанализирован ряд прецедентных концептов, восходящих к Библии (*Хам, Мафусаил, Вифлеем, Голгофа, Неопалимая Купина*). Особый интерес в этом исследовании вызывают «парные» имена, ранее не привлекавшие специально-го внимания лингвистов (*Адам и Ева, Каин и Авель, Содом и Гоморра, Гог и Магог, Исаа и Иаков*).

В основе исследовательской программы Г. Г. Слышкина лежит принцип «от единицы культуры к единице языка», тогда как в работах В. В. Красных реализуется принцип «от единицы языка к единице культуры», а в диссертации Н. М. Орловой – «от (библейского) текста к прецедентным концептам». Каждый из этих принципов позволяет добиваться существенных результатов, однако в нашем исследовании предпочтение отдается направлению движения от концепта к его роли в дискурсе массовой коммуникации.

Лингвокогнитивный вариант концептуальных исследований онимов представлен в исследованиях Тамбовской когнитивной школы во главе с Н. Н. Болдыревым. При данном подходе в центре внимания оказывается «ономастический концепт как особая единица знания об имени собственном», который «встраивается в концептуальную систему и помогает человеку выйти за границы его индивидуального опыта, отражает сведения о менталитете отдельного человека, сообщества людей, народа, нации; иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке» [Щербак 2007: 41]. Ономастическую репрезентацию концепта обеспечивают механизмы когнитивной деятельности.

Важное место в исследованиях, относящихся к рассматриваемому направлению, занимает характеристика функций антропонимов, их роли в развитии репрезентированного концептуального содержания. Среди указанных функций особенно выделяются креативная, оценочная и интерпретирующая [Голубева 2004, 2010]. При таком подходе, в соответствии с общими принципами когнитивной лингвистики, признается необходимым «рассматривать концептуальное содержание, передаваемое именем, в рамках взаимодействия двух типов знания: языкового и неязыкового» [Голубева 2010: 63]. Креативная, оценочная и интерпретирующая функции антропонимов особенно ярко проявляются при их непрототипическом использовании, в том числе при метафоризации.

Следует подчеркнуть, что между лингвокогнитивным и лингвокультурологическим вариантами концептуальных исследований нет ярко

выраженной границы: чаще всего различия проявляются лишь в терминологии и объеме привлекаемой культурологической информации.

6. Теория когнитивной дефиниции и профилирования. Еще один путь когнитивного исследования рассматриваемых метафор связан с именем польского этнолингвиста Е. Бартминьского. Его методология основывается на классических для когнитивистики приемах когнитивной дефиниции (что восходит к Дж. Лакоффу) и профилирования как разграничения фона и фигуры (по Л. Талми). По мнению Е. Бартминьского, основная цель когнитивной дефиниции заключается в том, чтобы «ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, то есть о закреплённом в обществе и доступном через язык и употребление языка способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках» (Бартминьский 2005: 55). Соответственно, «профилирование является субъективной (т. е. имеющей своего субъекта) языковой и понятийной операцией, заключающейся в своеобразном формировании образа предмета посредством восприятия его в определенных аспектах, таких как, например, происхождение, свойства, внешний вид, функции, события, переживания и т. п.» (Бартминьский 2005: 106). В данном случае термин «аспект» используется для обозначения однородных комплексов признаков, приписываемых предмету в когнитивной дефиниции. Таким образом, профиль образа предмета – это свойство закреплённого за предметом представления (стереотипа). Он проявляется в своеобразном отборе и структурировании аспектов, в которых истолкован предмет, а также связан с комплексом относящихся к этим аспектам конкретных качественных характеристик [Бартминьский 2005: 48–53]. Позднее подобная методика была использована при характеристике онимов *Дон* [Полубоярин 2010], *Брижит Бардо*, *Золушка*, *Эйфелева башня* и др. [Елисеева 2010].

Н. П. Попова, применила методiku когнитивной дефиниции и профилирования при рассмотрении закономерностей использования имени героя романа Гончарова в современной публицистике [Попова 2010: 136] и на этой основе выявила три профиля прецедентного имени *Штольц*. Во-первых, это имя может употребляться для обозначения определенных качеств личности («внутренний Штольц»), во-вторых, оно может выражать позитивную оценку, а в-третьих – негативную оценку. Как отмечает автор, семантический профиль «внутренний Штольц» составляют характеристики, которые в наивной картине мира русского языка мыслятся как «типично немецкие». В рамках этого профиля обнаруживаются следующие аспекты: бытовой (*аккуратный, точный, порядок, тщательный, скрупулезный, пунктуальный, эконом-*

ный), ментально-психологический (*рациональный, умный, прагматичный, активный, энергичный, уверенный, требовательный, дисциплинированный*), социальный (*деятельный, деловой, деловитый, работоспособный, действующие, профессиональный, успешный, удачливый*). Эквивалентами к антропониму *Штольц* выступают такие слова и словосочетания, как *немец, европеец, инородец, подданные Германии, западный человек, Запад* и др. [Попова 2010: 137]. В конкретных контекстах эти аспекты могут восприниматься и как позитивные, и как негативные свойства личности.

Следует подчеркнуть, что методика когнитивной дефиниции и профилирования призвана выявить не особенности литературного образа в художественном тексте, а мифологему героя – специфику его восприятия авторами современных российских публицистических текстов. Вполне закономерно, что мифологемы одного и того же героя в различных культурах или на разных этапах развития общества могут существенно различаться. Это же относится и к мифологемам реальных личностей.

Заканчивая рассмотрение когнитивных концепций, связанных с анализом нестандартных употреблений имени собственного, можно сделать вывод о том, что каждая из охарактеризованных концепций представляет значительный интерес, поскольку позволяет полнее выявить когнитивную семантику соответствующих имен. Едва ли имеет смысл выделять среди рассматриваемых концепций наиболее оптимальную, и можно предположить, что все они находятся в отношениях дополнительности (по Нильсу Бору), то есть, с одной стороны, в той или иной степени противоречат друг другу, а с другой – позволяют полнее понять сущность рассматриваемого явления.

Показательны также «научная биография» и «научная география» данных теорий. Первая из них (теория концептуальной метафоры) возникла в Соединенных Штатах и нашла множество приверженцев во всем мире, в том числе в нашей стране. Теория концептуальной интеграции, которая также возникла в США, получила значительную популярность во многих регионах мира, но пока недостаточно известна в России. В несколько большей степени в России популярны исследования референции как когнитивной операции, соотносящей языковые феномены и объекты реального мира, а также теория когнитивной дефиниции и профилирования. Наконец, теория прецедентности, в рамках которой рассматриваются и прецедентные имена, возникла и получила широкую известность именно в нашей стране, но недостаточно известна в западных научных центрах. Это же можно сказать и о лингвокультурологическом варианте концептуальных исследований.

В настоящей монографии используются все названные выше варианты когнитивно-дискурсивной методологии, однако в качестве ведущих предпочтены методы, характерные для теории концептуальной метафоры, теории прецедентности, а также собственно когнитивный и лингвокультурологический варианты исследования концептов.

1.4. Основное и вторичные значения имени собственного

В современной теории имени собственного четко различаются его основное и вторичные значения, которые, в свою очередь, подразделяются на метафорические и метонимические.

Закономерности развития метафорических значений у имен собственных уже неоднократно привлекали внимание специалистов. Так, в широко известной монографии по теории ономастики подчеркивается, что «имя человека, широко известного благодаря какой-либо черте внешности или характера, легко переносится на других людей, обладающих теми же чертами, при этом не подвергаясь полной апелляции» [Теория и методика ономастических исследований 1986: 45]. Специальные наблюдения показывают, что в основе метафорического развития семантики имен собственных чаще всего лежат индивидуальные признаки референта (человека, события, города и др.), носящего соответствующее имя и имеющего широкую известность. Отметим также, что сама по себе широкая известность еще не предполагает обязательной метафоризации имени собственного. Специальные наблюдения показывают, что в основе метафорического развития семантики имен собственных чаще всего лежат индивидуальные признаки референта (человека, события, города и др.), носящего соответствующее имя и имеющего общенациональную известность.

В исследовании О. Н. Долозовой при рассмотрении метафорического использования прецедентного имени литературного персонажа *Золушка* представлены следующие составляющие:

- *первичный референт (R1), или прототип (предмет, обозначенный именем)*, – героиня сказки Ш. Перро / Е. Шварца – кинофильма / мультфильма;

- *денотат (D) (экстенционал)* – представление о референте, целостный образ, возникающий в сознании при назывании имени вне контекста: *Золушка – бедная падчерица, которая вышла замуж за принца*;

- *сигнификат (S) (интенционал)* – понятие или комплекс дифференциальных признаков, складывающихся на основе инварианта денотативного образа (*Какой? Что делает? Что происходит с ним?*);

– *вторичный референт (R2)* – X, обладающий признаками (одним из признаков), входящими в понятие S [Долозова].

Метонимические значения обнаруживаются в нескольких группах имен собственных. В частности, широко известен перенос по модели «Человек – его творческие произведения». Ср.: *Читать Чехова, слушать Чайковского, «Белинского и Гоголя с базара понесет»* (Некрасов) и т. п. Не менее известно и употребление названия столицы государства для обозначения его правительства, политического руководства и страны в целом. Ср.: *Москва отказала Вашингтону; Официальный Пекин выступил с протестом* и др. Наконец, название населенного пункта может использоваться для обозначения связанных с ним событий. Ср.: *Сталинград* – Сталинградская битва; *Беслан* – террористический акт в осетинском городе Беслан.

Следует отметить, что базирование на иных лингвистических теориях закономерно приводит к использованию иной терминологии. Так, Д. Б. Гудков в рамках теории прецедентности разграничил денотативное (интенциональное) и коннотативное (экстенциональное) употребление прецедентного имени [Гудков 2003: 154]. В данном случае коннотативное значение выступает как своего рода аналог метафорического значения. Соответственно денотативное значение в определенной степени аналогично основному значению.

Важно подчеркнуть, что денотативное использование прецедентного имени очень значимо для формирования и закрепления представлений о прецедентном феномене в сознании читателей. Как известно, человек может черпать информацию о мире из двух источников – своего опыта осознания действительности и из текстов, причем для современного человека второй источник оказывается даже более значимым. Как пишет Ю. Н. Караулов, «человек живет в мире текстов» [Караулов 1987: 216]. Формирование в процессе речевой деятельности коннотативного значения и его адекватное восприятие возможно только тогда, когда говорящий и слушающий в полной мере осознают денотативное значение соответствующего прецедентного имени.

Рассмотрим ряд контекстов с использованием имени собственного *Хиросима* в различных значениях. При употреблении в основном (в другой терминологии – номинативном, денотативном) значении имя собственное обозначает соответствующий предмет. Например, имя собственное *Хиросима* в традиционном значении обозначает город в Японии. Так, в энциклопедии «Википедия» сообщается: «*Хиросима* – японский город в устье реки Ота на шести островах, соединенных 81 мостом». Прямое значение обнаруживается и в следующих контекстах:

По замыслу Трумена и Черчилля бомбардировка Хиросимы и Нагасаки должна была не только закончить войну, но и дать мощный предостерегающий сигнал Советам (Е. Велихов // Вестник РАН, 2004). *О заявках вспомнили только после бомбежек Хиросимы и Нагасаки* (В. Гаташ // Знание – сила. 2003. № 9).

В других контекстах имя собственное *Хиросима* метонимически обозначает уничтожение американской атомной бомбой соответствующего города. Ср.:

Недавно Буш сказал, что Америку с Японией связывают 150 лет дружбы. Или Буш не знает про Хиросиму, или думает, что атомная бомба была испытана на японцах в XIX веке (А. Минкин // Московский комсомолец. 2003. 1.04). *Запомнилось еще одно фирменное высказывание Кости: «Всегда быть равным самому себе – хуже только Хиросима»* (И. Сахновский // Октябрь. 2003). В данном случае слово *Хиросима* используется для обозначения американской бомбардировки и ее последствий.

При метафорическом использовании имя собственное *Хиросима* обозначает уже не город в Японии и не разрушивший его взрыв, а совершенно иные объекты. Чаще всего при метафоризации актуализируются семы «взрыв» или «город, уничтоженный взрывом». Ср.:

Безопасное расстояние при подрыве открыто лежащей на грунте тротиловой шашки – полсотни метров. А у тебя уже четвертая спичка гаснет, и совершенно ясно, что всем пришел полный звездец, ибо еще мгновение – и тут будет маленькая Хиросима! (Н. Рубан // Боевое искусство планеты. 2003). *Ну что прикажете делать с такими народами? И ничего не делать! Они издохнут сами по себе. У них то и дело грохочут демократические взрывы, фурункулезы, Хиросимы, напалмы, Нагасаки, и вообще жрать нечего* (В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора).

Разумеется, возможны и совершенно иные пути развития семантики прецедентного имени при его коннотативном использовании. Ср.:

В СПС у Ирины Хакамады было два прозвища. Один из лидеров партии называл ее не иначе как Хиросима. (М. Ростовский // Московский комсомолец. 2004. 3.02).

Очевидно, что возможна различная интерпретация сходства между японским городом, пострадавшим от атомной бомбардировки, и лидером одной из российских политических партий.

Различия между стандартным (номинативным), метонимическим и метафорическим значениями характеризуются тем, что в первом случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), во втором – наблюдается перенос названия города на события, связанные

с этим городом, а в третьем – перенос названия на феномены, в какой-то мере похожие на те, которые характеризуются при помощи традиционного и метонимического значений. В одном случае прецедентное имя *Хиросима* обозначает город, во втором – связанное с этим городом событие, а в третьем – нечто (не обязательно город), в той или иной мере похожее на те феномены, что отражают прямое или метонимическое значения. На основе рассмотренных критериев целесообразно разграничивать три феномена: первичное (основное, номинативное), метонимическое и метафорическое значения имени собственного.

В некоторых случаях возможно совмещение метафорического и неметафорического значения в рамках одного словоупотребления. Показателен следующий пример.

Никто не знает, что такое русская цивилизация – то ли отрезанная голова у седла опричника, то ли позолоченный купол очередной никому не нужной церкви, то ли загибающийся у тюремной парашки Мандельштам, то ли оперетта Никиты Михалкова с градоначальниками, фейерверками и блинами (А. Невзоров // Аргументы и факты. 2002. № 24).

В рассматриваемом случае, с одной стороны, имя собственное *Мандельштам* использовано в основном значении, поскольку имеется в виду именно поэт Осип Мандельштам, трагически погибший в лагере для заключенных. С другой стороны, в данном случае *Мандельштам* – это символическое обозначение всех деятелей российской культуры, которые были погублены в нашей стране по вине властителей.

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению специфики метафорического значения имени собственного, необходимо специально остановиться на особенностях когнитивного подхода к метафоре.

Теоретической основой современной когнитивной метафорологии уже давно признана книга Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «*Metaphors We Live by*» («Метафоры, которыми мы живем») [Lakoff, Johnson 1980], которая, по меткому выражению ее переводчика А. Н. Баранова, очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюровского “Курса общей лингвистики” в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7]. На русском языке отрывки из этой книги опубликованы в сборниках «Язык и моделирование социального взаимодействия» [1987] и «Теория метафоры» [1990]. Полный перевод указанного исследования на русский язык, сделанный профессором А. Н. Барановым, появился только в 2004 г. («Метафоры, которыми мы живем»). В указанной книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона впервые была представлена теория концептуальной метафоры. Авторы ярко пока-

зали, что метафора представляет собой не просто украшение речи, а отражает особый когнитивный процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов, первый из которых называется сфера-источник, а второй – сфера-мишень. По представлению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в результате подобной метафорической проекции сформировавшиеся в ходе взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют более сложную для осознания концептуальную сферу-мишень. Здесь, как и во многих других случаях, происходит своего рода объяснение сложной идеи через более простой и понятный феномен.

В соответствии с рассматриваемой теорией метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует. Поэтому изучение функционирования метафор в различных дискурсах признается важным источником данных о человеческом разуме и его свойствах.

В настоящем исследовании, в соответствии с общими принципами когнитивной лингвистики, метафора понимается максимально широко, то есть к числу метафор относятся все компаративные тропы и конструкции. Когнитивисты не придают большой значимости принадлежности метафоры к той или иной части речи, к лексическому или фразеологическому уровню. В подобных исследованиях понятийная близость воспринимается как более важный аргумент, чем единство языкового уровня или структурные различия.

Многочисленные примеры из работ Дж. Лакоффа показывают, что он рассматривает многие словоупотребления, которые относятся к числу прецедентных имен, в качестве самых обыкновенных метафор. Примером может служить анализ широко известных политических метафор «Саддам – это Гитлер сегодня» и «Если бы “Титаником” был Клинтон, то утонул бы айсберг». Поэтому при дифференциации основных и метафорических значений в настоящей монографии к числу метафорических относятся и такие, которые при традиционном подходе были бы охарактеризованы как сравнения или иные компаративные феномены. Рассмотрим несколько конкретных примеров, призванных показать многообразие формальных способов акцентирования в сравнительных конструкциях дифференциальных признаков прецедентных имен.

*Есть три основных варианта решения проблемы-2008: сильный новый президент, при котором Путин уходит в тень (например, готовить Олимпийские игры), слабый президент (при нем **Путин становится «Дэн Сяопином»** и возглавляет неформальный центр решений) и, наконец, коллективное руководство... В случае прихода Иванова тоже будет определенная система договоренностей, хотя и менее*

кардинальная, чем в 1999-м. – *Ходорковских и Березовских будет больше, получается. – Да нет. Ходорковский в 99-м году тоже входил в систему договоренностей, но оказался нарушителем конвенции, как Паниковский. А Иванов – фигура, похожая на Путина того времени, он пока не оброс системой жестких связей, поэтому ему будет легче заключить конвенцию с остальными элитными группами* (Диалог: С. Марков, В. Жарихина и Д. Орешкина // Известия. 2007. 25 июля).

В данном относительно небольшом фрагменте прецедентные имена представлены то в виде классической метафоры («Путин становится «Дэн Сяопином», «Ходорковских и Березовских будет больше»), то в виде различных конструкций с семантикой сравнения («как Паниковский», «фигура, похожая на Путина»). Однако между этими вариантами нет принципиальных различий в функционировании: и в том и в другом случае прецедентные имена используются для обозначения совсем иных людей в условиях акцентирования соответствующих дифференциальных признаков.

Итак, в последующих разделах предпринятого нами исследования будут разграничиваться основные, метафорические и метонимические значения имени собственного. В соответствии с общими принципами когнитивного исследования метафор [Чудинов 2001], к числу метафорических будут относиться и случаи использования имени собственного в составе сравнительных конструкций или иных компаративных тропов.

1.5. Прецедентные имена и прецедентные концепты. Критерии прецедентности имени собственного

При исследовании и описании прецедентности специалисты употребляют как собственно лингвистические термины *прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст* [Гудков 1999; Красных 2002, Блинова 2007, Алексеева 2008; Быкова 2009 и др.], *прецедентный оним* [Нахимова 2007], так и когнитивные термины *прецедентный концепт, прецедентный мир* [Слышкин 2000, 2004; Лавриненко 2007 и др.]. В концепции Д. Б. Гудкова и В. В. Красных активно используется преимущественно термин *прецедентный феномен*, который может предполагать как когнитивную, так и собственно лингвистическую интерпретацию соответствующего явления.

Отметим также, что термин *концепт*, в современной науке используется и в собственно когнитивном смысле, и в качестве понятия, совмещающего когнитивные и лингвистические характеристики. В

частности, С. Г. Воркачев называет концептом «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в “снятом”, редуцированном виде. В качестве “законного наследника” этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Воркачев 2005: 10–113].

Для оптимальной оценки существующих расхождений необходимо учесть положение Е. С. Кубряковой, в соответствии с которым «в когнитивной лингвистике перспективным является то направление в семантике, которое защищает идеи о противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому). Данное положение нашло воплощение в так называемой двухуровневой теории значения» [Кубрякова и др. КСКТ 1996: 93]. Представляется, что в соответствии с указанной теорией прецедентное имя (прецедентное имя собственное, прецедентный оним) – это языковая репрезентация прецедентного концепта, то есть единицы ментального лексикона. В настоящей диссертации в зависимости от потребностей номинации и специфики раздела для обозначения различных аспектов прецедентности используются и собственно лингвистические термины (*прецедентное имя*, *прецедентный оним*), и когнитивные понятия (*прецедентный концепт*, *прецедентный мир*), и термины, которые могут быть интерпретированы как максимально широкие, то есть не дифференцирующие когнитивный или языковой характер прецедентности (*прецедентный феномен*). Дело в том, при описании различных аспектов прецедентности необходим разнообразный терминологический арсенал, поскольку прецедентным феноменам присущи многоуровневость, динамизм, вербально опосредованный характер, обуславливающий тесное переплетение лингвистических и энциклопедических знаний.

В современной лингвистике активно обсуждается и вопрос о критериях выявления прецедентных феноменов, в том числе прецедентных имен собственных. В процессе дискуссии высказывались мысли о высокой значимости следующих факторов:

- связанность соответствующих имен с классическими произведениями [Караулов 1987] и/или важными историческими событиями [Нахимова 2007];
- общеизвестность соответствующих феноменов [Красных 2002] или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества [Гудков 1999; Слышкин 2000];

- взаимосвязь с прецедентными ситуациями, текстами и высказываниями [Красных 2002];
- сближение с именами нарицательными, утрата отдельных признаков, характерных для имен нарицательных [Блинова 2007], «срединное положение между абсолютными («чистыми» онимами и аппеллятивами» [Отин 2003: 56].

Вместе с тем существуют несомненные сложности в использовании этих критериев при квалификации конкретных онимов. Действительно прецедентные феномены часто связаны с классическими произведениями, но не существует строгих (и особенно лингвистических) критериев принадлежности отдельных текстов к числу «классических».

Не существует бесспорных критериев и при выделении настоящего «общеизвестных» онимов. Кто в состоянии составить список таких онимов и при этом доказать, что в полной мере знакомы и понятны именно каждому русскому человеку? В несколько меньшей степени это относится и к списку онимов, которые «известны большинству» наших соотечественников. В нашем специальном исследовании на основе массового опроса информантов было обнаружено, что критерию «всеобщей известности» не соответствуют очень многие имена собственные, которые рассматриваются специалистами в качестве прецедентных. В частности, было показано, что менее половины уральских студентов (будущих юристов и педагогов) смогли объяснить смысл имен собственных майор *Пронин*, *Альхен*, *Растињьяк*, *Дзержинский* [Нахимова 2004: 169]. Таким образом, оказывается, что критерии «общеизвестности» и даже «известности большинству» членов языкового коллектива не могут считаться ведущими признаками прецедентности.

При более широком подходе, который можно назвать текстовым или даже дискурсивным, в качестве существенных признаков прецедентных имен собственных рассматриваются также следующие критерии:

- регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах [Кушнерук 2004];
- регулярность неденотативного (коннотативного, метафорического, образного) использования того или иного имени в функции культурного знака [Нахимова 2004, 2005, 2007].

Для подтверждения такой регулярности целесообразно представить цитаты, иллюстрирующие возможность метафорического использования соответствующего онима в текстах.

При рассмотрении таких цитат следует разграничивать два типа контекстуальных условий использования онима. В первом случае в контексте имеются специальные указания на истоки метафоризации:

например, сначала дается необходимая информация о человеке и только затем его имя используется в метафорическом контексте. Во втором случае оним используется метафорически без объяснения истоков соответствующей метафоры. Показателен следующий пример.

*Сегодняшний режим в России вполне уместно сравнить с Реставрацией Бурбонов во Франции в 1815 году. Людовик XVIII вступил в Париж в обозе оккупационных войск: русские казаки были среди них, ну и всевозможные европейцы: австрийцы, англичане, пруссаки. Людовик не изгнал и не перевешал политический класс, возникший во Франции за 26 лет революции и империи – с 1789 по 1815 год. Часть наполеоновских сановников (а тот их взял у революции) Бурбон оставил, и **все эти Фуше и Сийесы** служили ему верой и правдой. Людовик смешал **Сийесов** (по имени самого знаменитого депутата Конвента, который выжил в годы террора благодаря своей умеренной бесцветности) со своими эмигрантами, скрывающимися от Революции в Англии и России. (Э. Лимонов // Независимая газета, 11.09.01).*

В данном контексте метафорически использованы два онима (*все эти Фуше и Сийесы*; *Людовик смешал Сийесов со своими эмигрантами*), однако детально объяснил истоки метафорического использования только одного из них. Можно предположить, что Эдуард Лимонов не был уверен, что читателям известно, кто такой Эммануэль-Жозеф Сийес. Вместе с тем автор не посчитал нужным объяснять, кто такой Жозеф Фуше, что позволяет предположить, что Э. Лимонов воспринимает это имя как прецедентное, достаточно известное современным российским читателям.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, само по себе метафорическое использование онима не свидетельствует об его широкой известности. Поэтому при решении вопроса о прецедентном характере онима важно учитывать возможность образного (метафорического коннотативного) использования без дополнительных пояснений в тексте. Такой контекст позволяет предположить, что, по мнению автора, читатели уже вполне знакомы с этим онимом, что им не надо разъяснять смысл метафоры и ее истоки.

При изучении прецедентных онимов и особенностей их реализации в тексте необходимо учитывать тот факт, что функционирование прецедентных феноменов в различных видах дискурса может иметь существенную специфику [Алексеев 2003; Блинова 2007; Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997; Лавриненко 2007, Пикулева 2003; Смулаковская 2004; Слышкин 2000 и др.]. В частности, в массовой коммуникации без дополнительных пояснений должны использоваться только прецедентные имена, известность которых имеет общенацио-

нальный характер (соответствующие имена известны в различных регионах России, они знакомы людям, относящимся к определенным социальным, профессиональным и возрастным группам). Поэтому важным, а, возможно, и ведущим критерием общеупотребительности прецедентного имени следует считать регулярное метафорическое использование в текстах массовой коммуникации без дополнительных разъяснений истоков его метафоричности.

Соответственно в научной коммуникации могут использоваться имена собственные, которые хорошо известны только ученым; существуют прецедентные онимы, которые характерны для религиозного, спортивного, финансового или же регионального дискурса. Иначе говоря, существуют как общеупотребительные прецедентные имена, так и стилистически окрашенные прецедентные имена, известность которых ограничивается рамками того или иного дискурса.

Важно подчеркнуть, что в нашем понимании *термин общеупотребительная лексика* вовсе не означает, что соответствующие слова употребляют или хотя бы понимают все, кто говорит по-русски. В данном случае имеется в виду «общеупотребительная, нейтральная в стилистическом отношении лексика», которой противопоставлена «лексика, применение которой ограничено определенными условиями речевого общения (специальная научная и техническая лексика, разговорная лексика, лексика официально-деловых документов и т. д.) [Шмелев 1977: 9]. Как показывает далее Д. Н. Шмелев, сама по себе принадлежность слова к числу общеупотребительных вовсе не означает, что его знают и правильно понимают все, кто владеет русским языком [Шмелев 1977: 228].

Для нашего исследования представляет значительный интерес также некоторые формальные признаки, свидетельствующие о восприятии автором соответствующего имени в качестве прецедентного. Одновременно эти признаки могут рассматриваться как своего рода сигналы особого характера использования соответствующего имени собственного, предназначенные для читателя. Детальное рассмотрение указанных признаков будет способствовать более полному осознанию закономерностей функционирования прецедентных имен.

При описании прецедентных антропонимов лингвисты обычно говорят о переходе имен собственных в имена нарицательные. Такое преобразование предопределяет как возможность употребления форм множественного числа, так и использование в начале слова не прописных, а строчных букв. Кроме того, сам факт применения слова в необычном смысле делает целесообразным использование кавычек. Так, имена собственные Дон Жуан и Дон Кихот (иногда они пишутся также

с использованием дефиса: Дон-Жуан и Дон-Кихот) преобразуются в «донжуанов» и «донкихотов», то есть приобретают признаки, характерные в письменной речи для имен нарицательных.

Названные семантические, грамматические и графические изменения представляют собой формальные показатели перехода имени собственного в разряд имен нарицательных. Еще один признак такого перехода – это включение соответствующего имени в толковые словари, в которых, как правило, отсутствуют словарные статьи на обычные имена собственные.

Примером может служить следующая словарная статья в «Толковом словаре русского языка» [Ожегов, Шведова 2001].

ДОНКИХОТ, а, м. Станный для окружающих человек, рыцарски самоотверженно борющийся за отвлеченные идеалы добра (по имени героя романа Сервантеса). *Людям нужны донкихоты* // прил. *донкихотский*.

В постсоветском «Современном словаре иностранных слов» представлена следующая словарная статья на указанное существительное.

ДОНКИХОТ [от имени Дон Кихота, героя романа испанского писателя Сервантеса] – наивный мечтатель, благородный и великодушный человек, рыцарски самоотверженно борющийся за нежизненные, неосуществимые идеалы.

Переход имени собственного Дон Кихот в имя нарицательное отмечает и «Советский энциклопедический словарь», изданный в 1979 г.

ДОН КИХОТ (Don Quijote), герой романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605). Имя Д. К. стало нарицательным для обозначения человека, чье благородство, великодушие и готовность на рыцарские подвиги вступают в трагическое противоречие с действительностью.

Показательна и словарная статья на рассматриваемое слово в орфографическом словаре-справочнике «Прописная или строчная?» [Розенталь 1986], где отчетливо противопоставлены правописание имени собственного и соответствующего ему precedentного антропонима.

Дон-Кихот Ламанчский (герой романа Сервантеса); но: донкихот (фантазер, наивный мечтатель).

В другом орфографическом словаре-справочнике [Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999] различия между именем собственным и рассматриваемым precedentным антропонимом представлены следующим образом:

ДОН КИХОТ

Дон Кихот, -а (лит. персонаж)

донкихот, -а (благородный наивный мечтатель)

В орфографическом словаре А. Н. Тихонова [Тихонов 1999], в котором отсутствуют имена собственные, рассматриваемый прецедентный феномен представлен в слитном написании, начинающемся со строчной буквы, то есть как имя нарицательное.

Отметим также, что, по данным указанных лексикографических источников, рассматриваемое слово при переходе его в прецедентный антропоним утрачивает пробел (или дефис) и начинает писаться слитно, то есть *Дон Кихот* (он же и *Дон-Кихот*) превращается в *донкихота*.

К сожалению, прецедентные антропонимы из политической сферы практически отсутствуют в современных орфографических словарях, в том числе в тех, которые призваны регламентировать правописание прописных и строчных букв [Розенталь 1986; Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999; Тихонов 1999]. Отметим также, что общие рекомендации, помещенные в эти словари, не всегда способны подсказать правильное решение.

Так, в словаре Д. Э. Розенталя даются следующие рекомендации по правописанию:

– Собственные имена, ставшие нарицательными, пишутся со строчной буквы, например: *альфонс*, *держиморда*, *донжуан*, *ловелас*, *ментор*, *меценат*, *ванька* (прозвище извозчика в дореволюционной России), *ванька-встанька* (игрушка).

– Сохраняется написание с прописной буквы, если фамилия, употребленная в нарицательном значении, не переходит в разряд существительных нарицательных, например: *Мы... твердо были уверены, что имеем своих Байронов, Шекспиров, Шиллеров, Вальтер Скоттов* (Белинский).

– Но если индивидуальные названия людей употребляются в презрительном смысле как родовые обозначения, то они пишутся со строчной буквы, например: *презренные носке и шейдеманы* (предатели социал-демократы), *квислинги* (коллаборационисты) [Розенталь 1986: 306].

Следует отметить, что точные критерии уже свершившегося или еще не закончившегося перехода прецедентных антропонимов в разряд имен нарицательных не определены, а «презрительность смысла» не может относиться к их числу.

Анализируемые ниже признаки антропонимов, используемых в современных газетных текстах, не вполне однородны, они могут быть факультативными или вариантными, но это не препятствует их рассмотрению в качестве дополнительных критериев прецедентности.

1. Графический критерий (использование строчных и прописных букв). В современных публицистических текстах прецедентные антропонимы, восходящие к именам собственным, пишутся то с прописной, то со строчной буквы. Использование прописной буквы свидетельствует о том, что соответствующее существительное воспринимается автором как имя собственное. Ср.:

*За счет наших детей, пенсионеров, ветеранов труда и войны мы растили **Арафатов**, кредитовали **Саддамов Хуссейнов**. У нас и до сих пор, что ни план – то «громадьё». Мы еще не расселили коммуналки, не накормили беспризорников, а рвемся возводить показушные «сити» или строить «либеральную империю» (В. Костиков // Комсомольская правда. 2007. 12.08). Дайте нам 20 лет покоя. **Без Шариковых**, без истерик. Вы не узнаете Россию – мы будем жить лучше, чем в Европе (Б. Немцов // Аргументы и факты. 2005. № 36).*

Несомненным признаком специфического использования антропонима служит его написание со строчной буквы. Данное написание свидетельствует о том, данное имя может быть использовано для обозначения различных людей, обладающих соответствующими качествами. Ср.:

*Наша страна и без того потеряла двадцать лет исторического времени, миллионы населения, гигантские территории и зоны влияния – и все ради чего? Ради того, чтобы **абрамовичи** и иже с ними покупали себе недвижимость на Британских островах и Лазурном берегу? (Н. Коньков // Завтра. 2006. № 1). Успокаивает лишь то, что если господа **полонские** при попустительстве власти действительно доведут нас до ж..., то по пути мы захватим с собой весь список российского «Форбса» (В. Костиков. Кому мешают яйца Фаберже // АиФ. 2009. № 13).*

Интересно, что газета «Комсомольская правда» в тексте интервью с саратовским губернатором использует то прописную, то строчную букву для обозначения людей, подобных герою пьесы М. А. Булгакова. Ср.:

*– У меня, вслед за Столыпиным, на великого писателя Толстого зуб имеется. Сказав однажды, что земля – достояние Бога, он своим авторитетом благословил в России всяких **Швондеров**, которые и сейчас орут под ухом, что земля – это мать, а матерью не торгуют. А что, отцом-хлебом, торговать, значит, можно?*

*– Это кто такие, по-вашему, сельские **швондеры**?*

*– **Швондер** – это как Емеля на печи: бездельник с гармошкой, но только еще и с наганом. Слава богу, в роду Аяцковых лодырей и **швондеров** не было (Д. Аяцков // Аргументы и факты. 2004. 26.10).*

Нетрудно заметить, что в рассмотренных контекстах прецедентные антропонимы, употребленные «в презрительном смысле», о котором пишет Д. Э. Розенталь [Розенталь 1986], напечатаны с использованием как строчных, так и прописных букв.

2. Морфологические критерии (использование форм единственного и множественного числа, суффиксация, трансформация грамматического рода и др.). В соответствии с общими закономерностями русского языка имена собственные, как правило, могут использоваться только в форме единственного числа, тогда как большинство имен нарицательных способно изменяться по числам. В форме единственного числа эпизодически употребляются и прецедентные антропонимы, но сам по себе этот факт не является показателем отсутствия смысловых преобразований и принадлежности слова к числу имен собственных. Ср.:

*Демократия – это «щит» и для самих силовиков, прививка от соблазна поучаствовать в «играх власти». ...Гарантия того, что после очередной смены «**кучмы**» их не поволокут на майдан и не найдут, как Кравченко, в служебной пристройке с пулей в затылке (Костиков В. Азбука для «особистов»). Выход здесь я вижу один: для того, чтобы в судебном процессе стороны были представлены равноправно, наше государство должно в законодательном порядке обеспечить сбор доказательств как «за», так и «против». Иными словами, должны работать как бы два следственных механизма – **Жеглов и Шаранов** должны снова работать вместе (П. Полуян // Аргументы и факты. 2006. № 32).*

Специальные наблюдения показывают, что при рассматриваемых смысловых преобразованиях прецедентные антропонимы значительно чаще употребляются в форме множественного числа, что акцентирует переход антропонима в разряд имен нарицательных, возможность его применения по отношению к различным людям. Вместе с тем иногда встречаются очень близкие по смыслу высказывания, которые отличаются друг от друга именно тем, что в одном случае автор использует форму множественного числа, а в другом – единственного. Ср.:

*В результате ошибок вождей Россия почти на сто лет сошла с магистрального пути европейского развития. Где наши **Черчилли, де Голли, Рузвельты, Дэн Сяопины**? Почему все наши вожди на исторической дистанции проиграли «забег» и оказались политическими банкротами? (Костиков В. Куда ведут амбиции лидеров // Комсомольская правда. 2007. 12.04). К несчастью, у нас не оказалось своего **Дэн Сяопина**, как и своего **Людвига Эрхарда** (Ф. Бурлацкий. Сталин и Мао видят нас // Известия. 2004. 13.05).*

Как показывают данные примеры, при написании прецедентных антропонимов, употребленных в формах множественного числа, используются как строчные, так и прописные буквы.

Крайне редко, но встречаются случаи, когда показателем метафоричности становится изменение рода прецедентного имени. Ср.:

Наконец-то высветился Данко, который выведет заблудшую Россию из тьмы. Вернее – «высветилась». Ради торжества справедливости Ирина Муцуовна Хакамада готова вырвать сердце из груди. Новоявленная Данка вчера призвала голосовать за себя на президентских выборах «как за символ некоего мужества и готовности к борьбе» (Е. Баюн, Н. Галимова // Московский комсомолец. 2004. 15 янв.). В данном контексте речь идет об Ирине Хакамаде, которая, будучи кандидатом в президенты, обещала, подобно герою А. М. Горького, повести страну вперед даже ценой самопожертвования.

В другом случае фольклорная Баба-яга становится «коварным БАБом-ягой», то есть мужчиной. Ср.:

*Вся история, связанная с пропажей Ивана Рыбкина, за развитием которой с волнением и интересом следили российские граждане весь минувший месяц, на проверку оказалась интригой, сострепанной главным интриганом современности Борисом Березовским. <...> Видимо, ностальгируя в туманах Альбиона, он придумал сюжет вполне в духе русских народных сказок. С хрестоматийными персонажами – простодушно-хитроватым **Иванушкой-дурачком**, коварным **БАБом-ягой**, **соловьями-разбойниками** украинско-чеченской национальности... Зато финал сказки оказался нетрадиционным. Иванушка, нутром почувствовав коварные замыслы **БАБа-яги**, не бросился бежать сломя голову, а вернулся в избушку на курьих ножках, что стоит недалеко от Лондона* (Ю. Сергеев // Комсомольская правда. 2004. 03.03).

В данном случае обозначение *Иванушка-дурачок* употребляется применительно к кандидату в президенты И. П. Рыбкину, а Б. А. Березовский в соответствии с первыми буквами имени, фамилии и отчества становится «БАБой-Ягой» мужского рода. Подобные трансформации создают эффект языковой игры и способствуют эмоциональному воздействию на читателей.

3. Словообразовательный (деривационный) критерий. Дери-
вационная активность, возможность образования от имени собствен-
ного разнообразных производных также является признаком актуали-
зации коннотативных признаков. Это особенно относится к тем случа-
ям, когда семантика производных слов связана именно со вторичными
значениями имени собственного. Яркими примерами могут служить
суффиксальные образования, обозначающие свойства людей, в той или

иной степени похожих на широко известных персонажей художественных произведений (*хлестаковщина*, *обломовщина*) или же реальных людей, широко известных своими поступками, подвигами, свойствами характера и др. (*сталинщина*, *гайдаровщина* и т. п.). Сюда же относятся случаи аффиксации, связанной с частеречными преобразованиями (например, *стахановский*, *по-сталински*). Ср.:

Россия 90-х экзотики миру не выдала... Скучной оказалась страна Россия, когда революция схлынула, – по-чеховски скучной и заселенной чичиковыми да маниловыми, башибазиными да собакевичами (Т. Щербина // Новое время. 2005. № 3). Путин и действует по-наполеоновски решительно и быстро: начал борьбу с региональными царями, делит 89 провинций на семь, хочет назначать и снимать губернаторов; он, наконец, начал атаку на независимую прессу (Морозов А. Владимир Бонапарт // Московский комсомолец. 2000. 17.05). Третий в а-ля суриковской тройке – Владимир Катренко. Медведев – он и в Думе медведь, как его ни шойгуй (Ю. Сергеев // Комсомольская правда. 2001. 05.05). Подумал невольно: поганые демократы, ну, ладно меня привязали нищетою к своему земляному клоку, но животинка-то родная чем провинилась? Ведь Гайдарова собачонка, поди, пожирала парное мясо, брезгуя свинными отбивными, чтобы не стать похожей на хозяйина, а моему ласковому Барону даже залежалой косточки не досталось (В. Личутин // Завтра. 2004. № 43).

Нередко обнаруживаются и более сложные трансформации имен собственных, связанные со своего рода языковой игрой, которая может основываться на использовании слов-гибридов:

Украина: смена Виктора. «Бандюкович» пэрэмог «Тимошенни-цу» (Аргументы и факты, 2010. № 6). В этом контексте «гибридизации» подвергнуты имена украинских политиков: из словосочетания бандит Янукович образован гибрид Бандюкович, а из словосочетания Тимошенко-мошенница возник гибрид Тимошенница.

4. Пунктуационный критерий (употребление кавычек). Еще одним свидетельством использования прецедентного имени в качестве культурного знака, лишь косвенно связанного с носителем соответствующего имени собственного, могут служить кавычки, которые указывают на употребление слова в каком-то необычном смысле. Ср.:

Нынешняя война либералов с властью – это путь маргинализации демократического движения. Да и не годятся наши оранжевые «немцовы» на роль плакальчиков за Россию (В. Костиков // Комсомольская правда. 2007. 16.06). Вполне понятна идеология «вольфовичей» из ЛДПР: тащи все, что плохо лежит (Н. Коньков // Завтра. 2006. № 1).

В других случаях авторы газетных текстов не считают необходимым использовать кавычки для выделения прецедентных антропонимов, что в целом не мешает правильному восприятию их смысла. Ср.:

*Есть люди, навсегда потерянные для партнерства. У фальшивых либералов и настоящих фашистов все больше общего. Ничего удивительного. О таких писал еще Достоевский. И сегодня все эти **Смердяковы и Лямины** приятно проводят время в разного рода комитетах по ожиданию восьмого года, где проповедуют целесообразность поражения собственной страны в войне с террором. Бог им судья* (В. Сурков // Завтра. 2003. № 36).

Показательно, что в заголовке опубликованной «Комсомольской правдой» статьи В. Баранца *Нам нужны новые **Штирлицы!*** прецедентный антропоним напечатан без кавычек, но в тексте самой статьи этот же антропоним приводится в кавычках:

*Пока же на боевом счету наших спецслужб наберется немного удачных агентурных операций, связанных с внедрением чеченских **«Штирлицев»** в штабы террористических бандформирований.*

Следует отметить, что в преобладающем большинстве случаев прецедентные антропонимы употребляются в тексте без кавычек (соответствующие примеры представлены в настоящем параграфе при рассмотрении всех иных критериев акцентирования неденотативного употребления собственных имен).

5. Синтаксический критерий. Показателем неденотативного использования прецедентных антропонимов часто служит их использование в определенных синтаксических конструкциях. Особенно показательны в этом отношении предложения со структурой *N (имя собственное) – N (имя собственное)* с вариантами *N (имя собственное) есть N (имя собственное)*; *N (имя собственное) – это N (имя собственное)*. Ср.:

*Чубайс — это базовый элемент системы в стране. Вроде **Энгельса** у коммунистов. **Маркс** у них — **Гайдар**. **Энгельс** — это **Чубайс**. **Ленин** — **Горбачев**. **Ельцин** — **Сталин**. Если вытащить базовый элемент, система зашатается* (А. Митрофанов // Комсомольская правда, 14.04.2005). *Психологически **Путин** — это **Штирлиц**, достигший своей мечты: стать фюрером. Только у **Штирлица** был Центр, куда можно было направлять радиогаммы, и приближающаяся Красная Армия. А что есть у **Путина**?* (М. Хазин // Завтра, 2002, № 4).

Такие предложения построены как некие алогизмы: очевидно, что Б. Н. Ельцин – это не И. В. Сталин. Однако именно это заставляет предположить метафоричность смысла.

Это же можно сказать о конструкциях, построенных по близкой структурной схеме N (имя собственное) – это не N (имя собственное). Ср.:

А все потому, что в дело вмешался человек по имени Виктор Степанович Черномырдин. Посол Российской Федерации в Незалежной. Безусловно, он не принадлежит к дипломатам классического образца, как мы их представляем себе по книгам, воспоминаниям и облику Сергея Лаврова. Виктор Степанович, грубо говоря, не Талейран. (Известия, 15.09.2005).

И вновь очевидность того, что В. С. Черномырдин – это не французский дипломат начала XIX века заставляет предположить, что в данном случае *Талейран* – это метафорическое обозначение талантливого дипломата, блестяще владеющего словом.

Еще одна конструкция, заставляющая предположить метафоричность смысла онима, – это выраженное онимом приложение при имени собственном. Ср.:

Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер «ситцевой» революции, принял меня соответственно — в типовой квартире подпольщика (В.Ворсобин // Комсомольская правда, 12.07.2004).

Показательна также следующая организация текста:

Ох уж этот блаженной памяти бывший депутат ГД адвокат Андрей Макаров? Его необъятная шкаф-комплексия осталась навечно в памяти думской. Сейчас этот «Пьер Безухов» захаживает в Думу, передвигаясь увальнем по коридорам и ревниво поглядывая по сторонам – есть ли кто его могуче? (Ю. Сергеев // Комсомольская правда, 05.05.2001).

Подобное использование имени собственного показывает, что некий человек способен выполнять те или иные функции, присущие другому человеку, что эти люди в чем-то похожи. Отметим, что в аналогичных контекстах, как правило, есть указания на то, по каким именно признакам политические лидеры отождествляются с деятелями прошлого или персонажами произведений литературы и искусства. Например, *Робеспьер ситцевой революции; Штирлиц, достигший своей мечты.*

6. Атрибутивный критерий (использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени). В подобных случаях при прецедентном антропониме имеется определение, которое свидетельствует о том, что соответствующее имя употреблено в особом смысле. В качестве указанных определений могут использоваться, в частности, такие прилагательные и местоимения, как *новый, современный, русский, наш, свой* и другие. Ср.:

*«Набравшая 4% голосов Хакамада находится в прострации. Борис Абрамович прибыл из Лондона, чтобы вывести ее из критических дней и оплодотворить новыми идеями», – намекнули в окружении русско-японской Жанны д'Арк (П. Апрельев // Вечерний Екатеринбург. 2006. 1.04). Березовскому выгодна смерть ТВ-6. Он понимал, что канал не удержать, но сделал все, чтобы эпатировать публику и власть. Теперь он политический изгнанник, мученик, **новый Троцкий** – это гарантирует ему свободу и финансовую активность на Западе (А. Проханов // Завтра. 2002. 12.08). Так вот, действительность выглядит совершенно иначе. В 80-х годах в КНР активно проводилась политическая перестройка и либерализация по советскому образцу. В КНР были и **«китайский Горбачев»**, и даже **«китайский Ельцин»** (В. Лещенко // 2004. 25.09).*

Представление современных отечественных политиков как имеющих своего рода прототипы в иных странах или эпохах (а также иные подобные преобразования семантики) позволяет провести важные аналогии и обладает значительным прагматическим эффектом.

7. Темпоральный критерий (использование имени собственного в необычном темпоральном контексте, представление деятелей прошлого как ныне живущих или даже способных воскреснуть). В подобных контекстах фамилии политических лидеров прошлого используются в контексте будущего или настоящего времени, что предопределяет неденотативность речевого смысла соответствующих антропонимов. Ср.:

*Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и добр. **Будет Сталиным и Сергием Радонежским, Петром Великим и Николаем Федоровым, Пушкиным и Королевым.** Он среди нас. Ищите его по нимбу вокруг головы (Проханов А. Передовая статьи газеты «Завтра»). Если я не выиграю эти выборы, у нас в 97-м году все равно будет переворот. Потому что народ хочет Сталина. И я народу говорю: **«Хотите? Я буду Сталиным! Но без ГУЛАГа и массовых репрессий».** Психологически людям это приятно. Если увижу сопротивление, перейду к репрессиям (Жириновский В. В. Я давно в конфликте с обществом).*

Обозначение современных политических лидеров при помощи метафорического использования имен людей, прославившихся в других исторических условиях, позволяет провести знаменательные параллели и обладает значительной воздействующей силой.

8. Ссылки на источники прецедентности. Обращает на себя внимание тот факт, что в одних случаях прецедентные феномены используются в публицистических текстах без каких-либо ксенопоказа-

телей, тогда как в других случаях в тексте присутствуют те или иные сведения об источниках прецедентности. Это может быть указание на название художественного текста или его автора, на историческую эпоху или социальное положение политического деятеля. Ср.:

(1) *Так что БАБ все больше становится похож на Фирса из «Вишневого сада» А. П. Чехова. Пришли новые олигархи – и старый больше не нужен. Демонизированная фигура окончательно отлучена от российской политики* (Угланов А. // Аргументы и факты. 2003. № 24).

(2) *Главные спонсоры «демократической оппозиции» – навишие олигархи Березовский, Невзлин. «Человеческая обида» этих «графов Монте-Кристо» вполне понятна. Но это – их личные проблемы* (Радзиховский Л. // Российская газета. 2005. 27.03).

В первом случае автор использует для характеристики Б. Березовского прецедентное имя *Фирс* и, видимо не надеясь, что читатели сразу поймут, какой *Фирс* имеется в виду, упоминает название пьесы и ее автора. Во втором случае автор называет Березовского (а также Невзлина) «графом Монте-Кристо» и не считает необходимым напомнить читателям, кто автор соответствующего произведения, и тем самым актуализировать в сознании читателей признаки, которые объединяют французского аристократа и российского олигарха.

Проведенные наблюдения показывают, что наиболее известные прецедентные имена, как правило, используются без каких-либо уточнений. Если же автор не до конца уверен, что соответствующее имя относится к числу широко известных, то он использует те или иные способы актуализации прецедентного имени. Можно предположить, что одной из функций ксенопоказателей в подобных контекстах является именно акцентирование неденотативного употребления прецедентных феноменов, то есть использования их как своего рода культурных знаков, символов определенных личностных качеств.

Специальный анализ свидетельствует, что во многих случаях в контексте присутствует не один, а сразу несколько элементов, указывающих на использование соответствующего прецедентного феномена в неденотативном значении. Ср.:

Накануне Победы горстка «детей Арбата» пишет «саги», снимает «штрафбаты». Опираясь на путинское телевидение, спуская с поводков «радзинских», «розовских» и «радзиховских», тцится в очередной раз вбить кол в сталинизм (А. Проханов // Завтра. 2004. № 49). *Зашевелились и всплыли на телеэкране, казалось бы, позабытые немцы с хакамадами. И даже жгучая брюнетка Новодворская прошепелявила что-то с какой-то там наспех сколоченной трибуны.*

Экранное явление этих политических теней в высшей степени симптоматично (П. Владов // Завтра. 2004. № 14).

В первом контексте к числу признаков близости к имени нарицательному относится их написание со строчной буквы, использование формы множественного числа и кавычек. Во втором случае фамилии известных российских политиков употреблены в форме множественного числа и написаны без использования заглавных букв.

Вполне возможно, что рассмотренный выше перечень показателей неденотативного актуального смысла прецедентных антропонимов не является законченным, однако представленный материал показывает, что при внимательном анализе контекста в нем нередко можно обнаружить формальные (орфографические, пунктуационные, словообразовательные, морфологические, семантические, сочетаемостные, лексические и иные) знаки того, в каком именно смысле используется соответствующий культурный знак. При отсутствии указанных показателей в непосредственном окружении имени собственного следует обратиться к широкому контексту и дискурсивным характеристикам соответствующего текста.

Материалы данного исследования свидетельствуют также о том, что в нашем правописании пока не сложились строгие правила оформления прецедентных антропонимов при их использовании в неденотативном значении. Указанные слова начинают то строчной, то прописной буквой. Некоторые журналисты в подобных случаях используют кавычки, но другие не считают это необходимым. В отдельных случаях подобные антропонимы используются в форме единственного числа, тогда как в других текстах отдается предпочтение формам множественного числа. В современных толковых и орфографических словарях рассмотренные существительные представлены крайне редко, а имеющиеся в словарях общие рекомендации по правописанию не в полной мере соответствуют наблюдаемой в СМИ практике.

Рассмотренные в проведенном нами исследовании факты свидетельствуют о том, что в настоящее время правописание прецедентных антропонимов можно отнести к числу вариантных. Вместе с тем можно заметить, что чем более общеизвестным и высокочастотным становится тот или иной антропоним, тем выше вероятность его написания со строчной буквы, в форме множественного числа и без использования кавычек. Определенное влияние на предпочтение написания со строчной буквы может оказать и наличие в контексте негативной эмоциональной оценки соответствующих людей, однако и в этом случае рекомендации словарей не полностью соответствуют практике современных печатных СМИ.

Итак, при решении вопроса о прецедентном характере имени собственного следует принимать во внимание прежде всего не столько его общеизвестность (и даже известность большинству) или высокую частотность, сколько возможность образного (коннотативного) употребления. Целесообразно также учитывать общекогнитивный принцип «фамильного сходства», то есть в качестве дополнительных (но не обязательных, а факультативных) критериев прецедентности онима учитывать целый комплекс признаков. Среди этих признаков выделяются следующие типы:

- графические признаки (написание со строчной буквы);
- пунктуационные признаки (использование кавычек);
- морфологические признаки (образование форм множественного числа);
- синтаксические признаки (использование специфических определений);
- лексико-семантические признаки (специфические синонимические или антонимические связи);
- контекстуальные признаки (использование в специфическом контексте);
- дискурсивные и иные особенности использования соответствующего онима.

Широкая известность и высокая частотность также могут рассматриваться как дополнительные показатели прецедентности имени собственного.

1.6. Корпусная методика в исследовании прецедентных онимов

Специфика настоящего исследования в значительной степени определяется тем, что впервые корпусная методика использована для изучения функционирования прецедентных онимов. Поэтому необходимо коротко остановиться на общих закономерностях корпусных исследований, охарактеризовать специфику корпусов, из которых отбирался материал для монографии, и представить методику работы с лингвистическими (текстовыми) корпусами.

Корпусная лингвистика базируется на постулате, в соответствии с которым языковедческие исследования должны основываться на больших массивах естественного языка, а не на отдельных (часто придуманных лингвистами) примерах (как это случалось, например, в генеративистике). В соответствии со сложившейся научной традицией лингвистическим (текстовым) корпусом называется совокупность текстов,

которые прошли необходимую компьютерную обработку: размечены по определенной схеме и обеспечены поисковой системой, позволяющей легко выявлять те или иные лингвистические феномены [Баранов 2001; Национальный корпус русского языка 2005; Плунгян 2005; Corpus Linguistics 2005 и др.]. В нашем случае корпус должен позволять обнаруживать разнообразные контексты, в которых использованы прецедентные онимы, и быть максимально объемным, поскольку очень многие онимы относятся к числу слов с крайне низкой частотностью.

Если ориентироваться именно на компьютерную методику создания и обработки корпуса, то следует согласиться с тем, что корпусная лингвистика как научное направление родилась в шестидесятых годах прошлого века под воздействием развития информационно-компьютерных технологий. Однако сама по себе идея создания больших корпусов текстов и отдельных контекстов, с опорой на которые можно проводить лингвистические исследования, возникла значительно раньше. По существу одним из видов таких корпусов могут считаться словарные картотеки, на основе которых создаются толковые и иные картотеки и проводятся разнообразные исследования.

Подробный анализ разнонаправленной эволюции корпусной лингвистики во второй половине XX–начале XXI века представлен в ряде специальных работ [Баранов 2001; Гвишиани, Герви 2001; Национальный корпус русского языка 2005; Плунгян 2005; Corpus Linguistics 2005; Dipper 2008; Heid 2008 и др.]. В указанных обзорах показано, что в современной лингвистике при описании различных типов корпусов используется следующие противопоставления:

- специализированные корпуса, в которых представлены только тексты, принадлежащие к определенному стилю, сфере коммуникации, автору (группе авторов), дискурсу, и сбалансированные корпуса, где представлены источники, относящиеся к различным функциональным стилям, жанрам, дискурсам, которые используются для получения выводов о языке в целом;

- отрывочные (неполнотекстовые), включающие только определенное количество слов из текста и тем самым обеспечивающие количественное равенство долей из разных текстов, и полнотекстовые, гарантирующие наличие в корпусе всех словоупотреблений из соответствующего текста;

- открытые (пополняемые, позволяющие учесть все больше и больше текстов) и закрытые, обеспечивающие стабильность корпуса, важную для выявления статистических закономерностей.

С точки зрения корпусной лингвистики, создание и использование корпуса представляет собой новую стратегию не только в качестве

«метода, подчеркивающего значимость реальных фактов языка, но и в качестве теории, позволяющей по-новому взглянуть на природу ранее сформулированных положений» [Гвишиани, Герви 2001: 49]. Использование корпуса позволяет, с одной стороны, привлечь для исследования максимально объемный материал, а с другой – статистически точно описать особенности тех или иных феноменов в составе корпуса, отчетливо разделить типичное и единичное, малочастотное, в той или иной мере случайное.

Корпусный подход получил широкое распространение в современных исследованиях массовой коммуникации [Баранов 2001; Национальный корпус русского языка 2005; Baker et al. 2008; Corpus-Assisted Discourse 2009; Fairclough 2000; Johnson, Suhr 2003 и др.]. Однако корпусные исследования прецедентных онимов пока немногочисленны. Это объясняется несколькими причинами. Первая из них – отсутствие достаточно объемного корпуса языковых данных, который позволил бы полноценно изучить столь низкочастотную группу лексических единиц. Вторая причина связана с тем, что прецедентные онимы часто изучаются в рамках корпусного анализа метафор, а поэтому на фоне высокой частотности собственно метафор описание прецедентных онимов носит фрагментарный и спорадический характер.

Среди примеров подобного изучения онимов можно привести корпусный анализ британского и немецкого политического дискурса, проведенный А. Мусолффом [Musolff 2004]. Наряду с анализом метафор строения, семьи, организма и пути лингвист рассматривает случаи метафорического использования таких имен собственных, как *Leviathan*, *Hamlet*, *Romeo and Juliet*, *Babel*. Схожим образом поступает Дж. Чартерис-Блэк, посвятивший две монографии корпусному анализу американского и британского политического дискурса [Charteris-Black 2004, 2005]. Британский исследователь не разделяет традиционные случаи использования метафор из сфер-источников «Религия», «Путешествие», «Война», «Природа», «Финансы» и метафорическое употребление таких прецедентных онимов, как *Boedicea*, *Hitler*, *the Adams* и др.

Современные русскоязычные корпусные исследования обычно базируются на материалах «Национального корпуса русского языка» (далее НКРЯ), объем которого составляет около 150 миллионов словоупотреблений (по данным на конец 2010 года) и который доступен любому пользователю в Интернете по адресу ruscorpora.ru. В нашем исследовании, как правило, использовался только публицистический подкорпус, то есть не учитывались художественные и иные не публицистические тексты.

Указанный корпус включает и имена собственные, то есть может служить надежной базой для исследования прецедентных онимов. Следует, однако, отметить, что поскольку имена собственные часто относятся к числу относительно малочастотных слов, то материалы указанного корпуса иногда не позволяют сделать достаточно обоснованные выводы, поскольку в нем не в полном объеме представлены материалы некоторых общероссийских газет, издаваемых массовым тиражом. Поэтому оказалось целесообразным использовать дополнительные корпуса, которыми по существу стали интернет-архивы ряда российских СМИ. В специальных исследованиях подобные корпуса называются оппортунистическими (приспособленными), тогда как специально созданные лингвистические корпуса именуются представительскими.

Рассмотрим несколько примеров, свидетельствующих о том, что использование данных интернет-архивов СМИ (оппортунистических корпусов) при анализе имен собственных позволяет проанализировать словоупотребления, которые не представлены в НКРЯ.

В публицистическом подкорпусе НКРЯ по запросу *Наполеон* с учетом всех словоформ обнаруживается 1 433 документа. По аналогичному запросу выявлено в интернет-архивах газеты «Завтра» – 134 документа, «Комсомольской правды» – 278, «Известий» – 426, «Московского комсомольца» – 501 документ (итого 1 239 документов). Таким образом, оказывается, что при использовании четырех оппортунистических подкорпусов количество документов по указанному запросу значительно возрастает.

Показательно, материалы НКРЯ и материалы указанных интернет-архивов не вполне совпадают: многие словоупотребления, представленные в указанных интернет-архивах, отсутствуют в НКРЯ. Например, в интернет-архиве газеты «Завтра» от 01.06.2005 зафиксирован такой контекст из статьи А. Проханова:

И только продолжали истошно мигать фиолетовые маячки на президентском кортеже, в котором маленький и испуганный, как Наполеон в горящей Москве, мчался Путин.

Однако поиск по фразе *как Наполеон в горящей Москве* в НКРЯ дает отрицательный результат. Возьмем другой пример – название статьи И. Ленцева от 26.11.2002 из корпуса газеты «Завтра»:

У Наполеона – Тулон, у Путина – «Тулун»

Начинаем поиск в НКРЯ по слову *Тулун*, однако указанное слово отсутствует в публицистическом подкорпусе. Проанализируем возможности поиска словоупотреблений, зафиксированных в других высокотиражных газетах. Проверим некоторые контексты из газеты «Известия».

Стиль Владимира Путина – это бонапартизм. Бонапартизм Луи Наполеона III. Странно, что никому не пришло в голову сравнить В. В. Путина с Наполеоном, который после побед 1806 г. проделывал примерно сходные рокировки с многочисленными немецкими державами...

В корпусе НКРЯ эти контексты не зафиксированы, хотя газета «Известия» числится в списке ресурсов НКРЯ. Аналогичные результаты дает поиск контекстов, зафиксированных в интернет-архивах газет «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец»:

Наш президент – Евгений Онегин сегодня (В. Устюжанин // Комсомольская правда, 29.11.2001).

Поиск контекста по прецедентному ониму *Евгений Онегин* не приносит результатов. Не оказалось среди фраз, представленных в НКРЯ, и названия статьи А. Морозова «*Владимир Бонапарт*» из «Московского Комсомольца» (17.5.2000).

Вместе с тем следует отметить, что современные российские СМИ широко представлены в публицистическом подкорпусе НКРЯ, а поэтому легко привести примеры контекстов, которые обнаруживаются и в НКРЯ, и интернет-архивах СМИ.

В качестве еще одного оппортунистического (приспособленного) пополняемого полнотекстового корпуса можно рассматривать материалы поисковых интернет-систем, в том числе русскоязычной поисковой системы «Яндекс». Использование этой системы позволяет находить документы, содержащиеся на самых разнообразных интернет-сайтах, в том числе региональных, профессиональных, временных.

Итак, в настоящем исследовании использовались два основных корпуса.

1. Представительский неполнотекстовый НКРЯ (публицистический подкорпус), в рамках которого учитывались прежде всего тексты, относящиеся к постсоветской эпохе.

2. Специализированный (масс-медийный) оппортунистический (приспособленный) полнотекстовый корпус, включающий тексты из 228 федеральных и региональных российских периодических изданий (с 2000 года) общим числом 2 138 959 статей, включающих 879 687 056 словоупотреблений. Индексирование корпуса и работа с конкордансами осуществлялась с помощью программы Archivarius 3000 v. 4.21.

Указанный корпус создан Э. В. Будаевым, который неоднократно представлял его материалы в своих публикациях по метафорологии [Будаев 2010а, 2010б, 2009 и др.].

В тех случаях, когда требовалось определить лишь общие закономерности использования онимов (например, при выявлении типовых

сфер-источников прецедентности в текстах начала XXI века) или когда анализировался прецедентный оним с высокой частотностью (например, *Брежнев*, *Иван Грозный*, *Чернобыль*), использовались только тексты НКРЯ, дополненные материалами выборки из общероссийских газет («Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Завтра», «Московский комсомолец», «Известия», «Новая газета», «Новое время», «Российская газета», «Труд»).

Если же требовалось проанализировать использование онима максимально детально (например, в разделах, которые посвящены урбонимам *Пикалево* и *Кондопога*, антропониму *Керенский*, хронониму *Смутное время*) или же найти примеры использования малочастотных онимов (например, *Рюрик*, *Анна Иоанновна*), то рассматривались полные материалы специализированного массмедийного корпуса. Постоянное обращение к полным материалам специализированного корпуса оказалось практически невозможным из-за крайне высокой трудоемкости.

В качестве дополнительных при изучении прецедентных онимов использовались, во-первых, тексты из Интернета, которые привлекались на основе применения поисковой системы «Яндекс», а во-вторых, – фрагменты текстов, представленных в личной картотеке автора (эта картотека отражает, помимо прочего, материалы СМИ, не включенные в число источников для названных выше корпусов).

Использование материалов общероссийских и региональных интернет-сайтов оказалось особенно полезным при исследовании прецедентных онимов-неологизмов, которые связаны с теми или иными событиями в новейшей истории России (*Беслан*, *Кондопога*, *Пикалево*, *Куцевская и Цапки*, *Чикатило*, *Мавроди*, *Березовский* и др.).

Выводы по первой главе

Рассмотренный в настоящей главе материал позволяет сделать следующие выводы, важные для дальнейшего конкретного анализа прецедентных имен собственных.

1. Проблемы соотношения основного (в другой терминологии – первичного, номинативного, денотативного, стандартного, интенционального), метафорического (в другой терминологии – коннотативного, эстенционального) и метонимического использования имени собственного являются предметом рассмотрения специалистов, принадлежащих к самым различным направлениям лингвистики, философии, логики, литературоведения, антропологии и иных гуманитарных наук. Использование современной когнитивно-дискурсивной методологии,

применение новых идей и эвристик способно дать новый импульс к изучению данной проблемы.

2. Давние дискуссии о семантике и функционировании пока не привели к формированию единой точки зрения на специфику имени собственного, поскольку многие считают, что у имени собственного нет лексического значения. Однако наиболее обоснованным представляется мнение о том, что лексическое значение существует у всех знаменательных слов, но характер этого значения у имен собственных совершенно иной, чем у имен нарицательных. Вместе с тем у прецедентных имен могут быть обнаружены дифференциальные признаки, подобные тем, что выделяются у имен нарицательных.

3. Различия между первичным, метонимическим и метафорическими значениями имени связаны с тем, что в первом случае слово ассоциируется с традиционным денотатом (референтом), во втором – происходит перенос наименования по смежности на события или результаты деятельности, так или иначе связанные с феноменом, содержащимся в основном значении, а в третьем – происходит перенос названия на предмет, обнаруживающий определенное сходство с теми, на которые указывают основное или метонимическое значение.

4. Существует несколько научных направлений, в центре внимания которых находится специфика использования имен собственных в стандартном, метонимическом и метафорическом (в другой терминологии – денотативном и коннотативном, интенциональном и экстенциональном) значениях. В основе настоящего исследования лежит когнитивно-дискурсивная методология, что, разумеется, не препятствует признанию и, при необходимости, использованию достижений иных направлений – грамматического, риторического, литературоведческого, контекстного, метафорического, интертекстуального и др. В процессе лингвистического анализа целесообразно учитывать идеи и методики различных вариантов когнитивной теории. Наибольшую роль в этом отношении может сыграть использование теории концептуальной метафоры и теории концептуальной интеграции, теории и практики когнитивного дефинирования и профилирования, теории референции, теории прецедентности с учетом ее лингвокультурологического варианта, теории и практики концептуальных исследований.

5. При отнесении онимов к числу прецедентных и рассмотрении специфики их использования в соответствующем контексте и дискурсе следует иметь в виду в первую очередь не столько его общеизвестность (и даже известность большинству), сколько возможность образного (коннотативного) употребления. С учетом общекогнитивного принципа «фамильного сходства» в качестве дополнительных призна-

ков прецедентности онима целесообразно учитывать графические (написание со строчной буквы), пунктуационные (использование кавычек), морфологические (образование форм множественного числа), синтаксические, лексико-семантические, дискурсивные и иные признаки. Широкая известность и высокая частотность также могут рассматриваться как дополнительные факультативные показатели прецедентности соответствующего имени собственного.

6. В целом уже существующие публикации, посвященные рассматриваемым в данной главе вопросам, позволяют опереться на достаточно надежный теоретический фундамент, однако в области теории смыслового варьирования имени собственного и практики его исследования еще осталось немало «белых пятен» и дискуссионных проблем. К числу наиболее перспективных направлений исследования имени собственного на данном этапе развития науки относятся, в частности, проблемы классификации образных смыслов, специфика метафорического и метонимического использования имен собственных, относящихся к различным смысловым сферам, группам и разрядам, закономерности реализации прецедентных имен в тексте и дискурсе, соотношение смысловых сфер-источников и сфер-мишеней метафорических преобразований. Именно эти направления и будут детально рассмотрены в последующих главах настоящей монографии.

ГЛАВА 2.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Существующий в лингвистике опыт изучения precedentных имен собственных показывает, что проведенные на однотипном материале исследования могут значительно различаться между собой в зависимости от аспекта исследования, задач автора и научной школы, к которой он принадлежит. Данная монография по методологии и принципам научного исследования относится к когнитивно-дискурсивному направлению. Однако в настоящей главе активно используется и иная лингвистическая методология – системный лексико-семантический анализ имен собственных, их лингвокультурологическая характеристика, сопоставление метафорической активности онимов на различных этапах развития русского литературного языка. Представляется, что в данном случае совмещение собственно лингвистической и когнитивной методологии – это не эклектика, а использование разнообразных научных ресурсов для решения поставленных задач.

Основная цель настоящей главы – общая характеристика в когнитивно-дискурсивном и общелингвистическом аспектах precedentных онимов, используемых в современной российской массовой коммуникации, выявление их основных свойств и закономерностей функционирования. Для достижения названной цели необходимо решение следующих частных задач.

1. Рассмотрение существующих в современной науке принципов классификации precedentных онимов и выделение на этой основе наиболее перспективных направлений и аспектов их исследования.

2. Характеристика основных смысловых разрядов precedentных онимов (антропонимы, зоонимы, топонимы, урбонимы, астрономы и др.) с точки зрения возможностей их метафорического использования в современной массовой коммуникации.

3. Исследование тенденций развития системы precedentных онимов в постсоветскую эпоху и выявление смысловых сфер, к ко-

торым принадлежат онимы, проявляющие максимальную активность в массовой коммуникации начала текущего столетия или же, наоборот, существенно снизившие метафорическую активность. Не менее важно рассмотрение специфики возникновения прецедентных онимов-неологизмов и тенденции к архаизации прецедентных онимов.

4. Детальный анализ урбонимов *Кондопога* и *Пикалево*, которые в начале текущего десятилетия оказались среди ключевых слов текущего момента (термин Т. В. Шмелевой). Это обусловило их максимальную метафорическую активность, которая, однако, начала заметно снижаться после постепенного падения общественного интереса к соответствующим политическим событиям. Скрупулезное описание первоначального стремительного взлета метафорической активности указанных урбонимов и последовавшего быстрого ее снижения является своего рода иллюстрацией к закономерностям, которые выявляются в предшествующем параграфе при описании процессов неологизации и архаизации прецедентных онимов.

5. Детальный анализ истории прецедентных онимов *Куцевская* и *Цапки*, образные значения которых сначала были известны только в Краснодарском крае, а осенью 2010 года получили широкое распространение в общероссийских СМИ, ориентированных на массовую аудиторию.

6. Выявление исторических (с точки зрения периода создания) и национальных (исконная лексика, варваризмы, интернационализмы) истоков современных российских прецедентных онимов на основе количественного анализа всего корпуса прецедентных онимов, рассматриваемых в диссертации.

Таким образом, реализуется характерная для настоящей монографии модель исследования: сначала рассматриваются общие принципы классификации прецедентных онимов и характеризуются их основные разряды, затем с использованием корпусной методики анализируются исторические изменения в составе прецедентных онимов, и на этой основе выявляются смысловые сферы, к которым принадлежат наиболее активные онимы начала текущего столетия, а на заключительном этапе предлагается скрупулезное описание «под лингвистическим микроскопом» (термин Н. М. Шанского) отдельных онимов-неологизмов.

Представляется, что решение указанных задач создаст благоприятные условия для более детального описания в последующих

разделах отдельных групп прецедентных онимов и закономерностей их функционирования в современной российской массовой коммуникации.

2.1. Принципы классификации прецедентных имен собственных

В современной науке вопрос о классификации прецедентных имен собственных относится к числу дискуссионных. До настоящего времени не существует общепризнанной классификации прецедентных онимов, однако едва ли не в каждом исследовании, посвященном прецедентности, представлен свой вариант систематизации указанных явлений. Рассмотрение публикаций, посвященных данной проблеме, свидетельствует о многообразии возможных оснований для классификации. Различия в выборе принципов систематизации зависят от цели и задач исследования, от рассматриваемого материала, от научной школы, к которой принадлежит автор, и ряда иных факторов.

Всякое рассмотрение прецедентных феноменов закономерно начинается с определения их сущности и характеристики основных типов. В настоящее время наиболее широко используется классификация Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Багаевой [1997], которые предложили разграничивать следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные тексты. Дискуссионным остается вопрос о принадлежности к рассматриваемому классу фразеологизмов, метафорических моделей и некоторых иных феноменов.

Во многих исследованиях, начиная с основополагающей монографии Ю. Н. Караулова [Караулов 1987], разграничиваются прецедентные феномены вербального и невербального характера. Так, в диссертации А. А. Евтюгиной рассматриваются не только вербальные, но музыкальные прецедентные знаки [Евтюгина 1995]. Особенно детальная классификация невербальных прецедентных единиц представлена в диссертации Ю. Б. Пикулевой, которая обнаружила в телевизионной рекламе такие невербальные феномены, как узнаваемые голоса, музыкальные цитаты, культурно значимые предметы вещного мира, типовые жесты, поведенческие формулы, ритуалы и др. [Пикулева 2003]. Показательно, что еще в 1987 году Ю. Н. Караулов отмечал, что элементы интертекстуальности способны присутствовать во всех сферах, связанных с передачей информации [Караулов 1987].

Чаще всего за основу для классификации принимаются понятийные сферы-источники, к которым принадлежат прецедентные феноме-

ны в своих основных значениях (литература, религия, политика, бизнес, кино, спорт, музыка, живопись, наука, субкультура и др.). Подобные классификации предлагают О. А. Ворожцова [2007], Ю. А. Гунько [2002], Е. А. Земская [1996], С. В. Елисеева [2010], А. Ю. Ларионова [2010], Н. Ю. Новохачева [2006], Г. Г. Слышкин [2004], Р. Л. Смулаковская [2004], А. Е. Супрун [1995], С. Л. Кушнерук [2006] и многие другие специалисты. Возможно также разграничение в качестве сфер-источников классической культуры и субкультуры [Долевец 2005; Ларионова 2010], авторских текстов и фольклора [Земская 1996 и др.].

Значительно реже встречаются исследования, в которых за основу для классификации принимаются понятийные сферы-мишени, к которым принадлежат прецедентные феномены в своих вторичных значениях. Это могут быть такие сферы, как реклама, спорт, политика, наука, СМИ и др. [Нахимова 2004, 2005]. Обычно исследователи ограничиваются в своих публикациях характеристикой лишь какой-то одной сферы. Так, С. Л. Кушнерук [2006] исследует рекламный дискурс, О. А. Ворожцова [2007] – предвыборный дискурс, Ю. А. Гунько [2002] – бытовой дискурс, Е. А. Земская [1996] – современную прессу, Л. В. Быкова [2009], С. В. Елисеева [2010], Н. Ю. Новохачева [2007] – публицистический дискурс, А. А. Моисеев [2005] и М. Б. Шинкаренкова [2007] – дискурс рок-поэзии, Г. Г. Слышкин [2004] – смеховой дискурс, Н. М. Орлова [2010] – дискурс художественной литературы, А. Ю. Ларионова [2010] – неформальный студенческий дискурс (на материале граффити).

В процессе исследования нередко разграничиваются прецедентные феномены, которые используются без каких-либо изменений, и прецедентные феномены, подвергающиеся тем или иным смысловым или структурным трансформациям (М. С. Алексеева, О. С. Боярских, Е. А. Земская, М. Ю. Илюшкина, А. Ю. Ларионова, Н. М. Орлова, Р. Л. Смулаковская, А. Е. Супрун, О. А. Солопова и др.).

В публикациях М. С. Алексеевой, О. С. Боярских, Л. В. Быковой, С. В. Елисеевой, О. А. Ворожцовой, Д. Б. Гудкова, С. В. Елисеевой, С. Л. Кушнерук и ряда других исследователей представлена дифференциация контекстов, в которых наблюдаются денотативное (экстенциональное) и коннотативное (образное, метафорическое, интенциональное) использование прецедентных имен.

В исследованиях Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук, Н. В. Немировой, Р. Л. Смулаковской детально рассмотрена классификация по характеру взаимодействия различных видов прецедентных феноменов друг с другом. В процессе такого исследования, в частности, рассматриваются механизмы построения и развертывания преце-

дентных цепочек, в которых один прецедентный феномен актуализирует другой.

Важное место в публикациях В. В. Красных, Г. Г. Слышкина, Н. М. Орловой и ряда других авторов занимает подразделение прецедентных феноменов по характеру прецедентности (в зависимости от степени известности в различных странах, социумах и др.). В этом случае выделяются феномены глобально прецедентные (например, прецедентные имена *Дон-Кихот*, *Отелло* и *Наполеон Бонапарт* известны в самых различных странах), национально прецедентные (это феномены, которые активно используются преимущественно в одной стране) и социумно прецедентные (феномены, которые не имеют общенациональной известности, но популярны в некоторых социальных, профессиональных, возрастных или иных группах); возможны также прецедентные феномены, известные лишь в малых группах, например, в отдельной семье. Г. Г. Слышкин разграничивает также прецедентные феномены, остающиеся известными на протяжении многих веков, и прецедентные феномены, которые попадают в центр внимания общества лишь на короткий период времени. Как показала Н. М. Орлова [2010], библейские тексты являются ярким примером источника глобально прецедентных феноменов, остающихся в центре внимания на протяжении многих веков.

В ряде публикаций основой для классификации становится способ указания на источник прецедентности (маркер) или же отсутствие таких указаний (Н. С. Бирюкова, О. А. Ворожцова, Е. В. Михайлова, Е. А. Нахимова и др.). В частности, выделяются такие маркеры прецедентности, как библиографическая ссылка, ссылка на автора, расширенная ссылка на автора, ссылка на название произведения, двойные ссылки, неопределенные ссылки, другие виды ссылок на источник, использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени и графическое указание на прецедентность.

Значительно реже встречаются исследования, которые ориентированы на классификацию прецедентных имен по историческому периоду, к которому они относятся [Ворошилова 2009; Кушнерук 2006], по национально-культурной принадлежности соответствующих прецедентных феноменов [Кушнерук 2006; Боярских 2007]. В этом случае обычно противопоставляются прецедентные имена отечественного и зарубежного происхождения, а в последнем классе дифференцируются имена, принадлежащие к отдельным национальным культурам (американская, британская, немецкая, французская, японская и др.), и «интернациональные» имена, которые используются в различных национальных культурах. Ярким примером последних могут служить биб-

лейские по происхождению прецедентные имена, детально рассмотренные Н. М. Орловой [Орлова 2010].

В классификации Е. Г. Ростовской за основу берется соотношение отечественных и зарубежных источников [Ростова 1993]. При разработке методики обучения иностранцев автор предлагает по критерию «источник возникновения» разграничивать пять групп прецедентных текстов:

- тексты, возникшие на русской культурной почве: русские фольклорные произведения, художественные авторские тексты или цитаты из них, имена персонажей, анекдоты, лозунги и т. п.;

- инокультурные и иноязычные знаменитые цитаты, названия, изречения; тексты, написанные на иностранных языках, без перевода или с частичным переводом;

- отечественные тексты, возникшие на основе иностранных; русские прецедентные тексты, причиной создания которых послужили общеизвестные, знаменитые факты и события истории и культуры других стран;

- тексты, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов» (преимущественно сказки);

- тексты, возникшие на основе общечеловеческих прецедентных текстов (в первую очередь, библейские сюжеты и мифы Древней Греции) [Ростова 1993: 7–15].

Можно предположить, что обнаруженные различия в подходах к классифицированию объясняются, с одной стороны, тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический, художественный и др.), а с другой – особенностями методов исследования и задач, которые ставят перед собой авторы.

Основания и виды классификации зависят от задач исследователя, а также от того, что именно подвергается систематизации. В связи с этим можно выделить следующие обобщенные виды оснований для классификации.

1. Если ставится задача провести классификацию ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ, то выделяются рубрики, типичные для этого явления: дифференцируют прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации, разграничивают вербальную и невербальную прецедентность, рассматривают соотношение прецедентности и интертекстуальности.

2. Если ставится задача классифицировать прецедентные ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ (ОНИМЫ), то выделяют традиционные для ономастики разряды, определяемые по характеру обозначаемых объектов:

антропонимы, топонимы, астронимы, гидронимы, зоонимы, каронимы и др., а также рассматривают соотношение естественной и искусственной номинации, виды мотивации и т. п.

3. Поскольку прецедентные имена собственные – это единицы ЛЕКСИКИ, то к ним могут быть применены традиционные для лексикологии противопоставления слов общеупотребительных и необщеупотребительных (регионализмов, профессионализмов), слов исконных и заимствованных (варваризмов и интернационализмов), архаизмов, историзмов, неологизмов и окказионализмов, а также классификация по семантическим (тематическим, смысловым) группам (сферам, классам). При необходимости могут быть выделены онимы, имеющие синонимы и омонимы, хотя подобные виды связей для рассматриваемого разряда слов достаточно редки.

4. Поскольку прецедентные онимы способны иметь МЕТАФОРИЧЕСКИЕ значения, то к ним могут быть применены типичные для метафор основания для классификации: по характеру смысловой сферы-источника, по характеру смысловой сферы-мишени, по мотивировочному признаку; сюда же относится разграничение языковой (сохраняющей образность и стертой) и окказиональной (речевой) метафоры.

5. При когнитивном подходе должны быть учтены основания для классификации, ориентированные на БАЗИСНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ (стереотипы, оппозиции, элементы картины мира и др.), которые находят внешнее выражение в соответствующих прецедентных именах.

6. При исследовании прецедентных онимов во многих случаях оказываются важными признаки, которые могут быть положены в основу разнообразных СТИЛИСТИЧЕСКИХ классификаций (оценка, экспрессия, принадлежность к разговорной или книжной лексике), а также классификаций социолингвистического характера (принадлежность к элитарной культуре или субкультуре).

Следует отметить, что значительный интерес могут представлять и отсутствующие пока классификации по гендерным, профессиональным и возрастным характеристикам прецедентных имен.

В задачи настоящего раздела входит рассмотрение прецедентных онимов, во-первых, с позиций ономастики (антропонимы, зоонимы, топонимы, хрононимы и др.), во-вторых, с точки зрения исторической динамики словарного состава (неологизмы, окказионализмы, архаизмы, историзмы), в-третьих, с точки зрения принадлежности онимов к общеупотребительной и необщеупотребительной (регионализмы, профессионализмы) лексике.

В последующих главах монографии представлены преимущественно классификации, основанные на когнитивных свойствах соответствующих концептов.

2.2. Ономастические разряды прецедентных онимов и возможности их образного использования

Термином «оним» (онома, имя собственное) в ономастике традиционно обозначают «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации» [Подольская, Агеева 1978: 6]. В предложенной Е. С. Отиным классификации коннотативных онимов (в другой терминологии – прецедентных онимов) выделяются следующие разряды: антропонимы, зоонимы, мифонимы, топонимы, гидронимы, астронимы, хрематонимы (названия продуктов материальной и духовной деятельности человека), хрононимы (название событий и явлений) и др. Далее разграничиваются узусальные и окказиональные коннотативные значения, а также онимы, восходящие к литературным текстам (шире – к сфере искусства) и к реальности [Отин 2003: 55–58].

Исследование коннотативных онимов имеет давние традиции в отечественной и зарубежной науке, однако в настоящее время перед учеными «по-прежнему стоит множество сложных вопросов, которые так и не нашли своего окончательно решения в традиционной парадигме лингвистического знания» и требуют использования когнитивных методик и эвристик [Слышкин 2000: 40], в том числе созданных в рамках теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Дж. Гуднайт, П. Друлак, И. М. Кобозева, Р. Пэрис, Й. Цинкен, П. Чилтон, А. П. Чудинов и др.) и теории прецедентности (Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Н. М. Орлова, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин и др.). Изучение метафоры и метонимии в сфере имен собственных очень важно и для постижения общих закономерностей категоризации окружающей действительности как фундаментального проблемного поля когнитивной лингвистики.

Как показывают наши наблюдения, существуют значительные расхождения в частотности метафорического употребления различных разрядов онимов и характере их образного значения. Поскольку основная проблематика массовой коммуникации – человеческая деятельность, вполне закономерно, что ведущее место в ней занимает использование антропонимов, на которые приходится более 90% онимных метафор [Нахимова 2007: 82–83]. Столь существенное преобладание антропонимов отчасти объясняется также наличием у них более

широкого спектра семантических признаков по сравнению с другими разрядами имен собственных. Вот несколько типичных примеров:

*Есть ли у нас сегодня свои **Кутузовы**, **Суворовы**, которые за Россию готовы отдать жизнь? – Есть. Но какой парадокс. У нас если человек патриот, ему сразу прилипают клички «националист», «шовинист» (И. Глазунов // Аргументы и факты. 2006. № 6). К несчастью, у нас не оказалось своего **Дэн Сяопина**, как и своего **Людвига Эрхарда** (Ф. Бурлацкий // Известия. 2005.29.03).*

В данных контекстах фамилии знаменитых русских полководцев – **Кутузов** и **Суворов** – служат обобщенным обозначением людей, которые совершают подвиги, а фамилии **Дэн Сяопин** (политический лидер Китая) и **Эрхард** (канцлер Германии) обозначают государственных руководителей, активно способствующих экономическому и социальному расцвету своих стран. Таким образом, оказывается, что в образных смыслах они **Кутузов** и **Суворов** (а также **Дэн Сяопин** и **Эрхард**) оказываются очень близкими, они по существу реализуют смыслы «великий полководец» и «великий государственный деятель», то есть воспринимаются как синонимичные.

Очень часто образно используются антропонимы, восходящие к произведениям художественной литературы и других видов искусства. Ср.:

*Сколько перьев было поломано в свое время в спорах о том, что **Тонков** и **Владимиров** недостаточно хорошие актеры, что мало внимания уделяют текстам. Но **Авдотья Никитична** и **Вероника Мавриковна** рядом с теми, кто работает сейчас, – как минимум **Лев Николаевич Толстой**. А то и **Шекспир** (А. Лысенко // Собеседник. 2007. № 4).*

Основой для подобных метафор становятся признаки, характеризующие деятельность (творчество) носителя имени, продукты его деятельности (творчества), заслуги, черты характера, внешность, стиль и манеру творчества, события, период времени, связанные с носителем имени, и многие иные признаки.

Метафорическое использование антропонимов в массовой коммуникации позволяет провести параллели между деятельностью, взглядами, личными качествами в чем-то сходных людей, выразить отношение автора к этим людям и оказать эмоциональное воздействие на адресата текста. Подобные значения антропонимов уже неоднократно привлекали к себе внимание специалистов [Блинова 2007; Боярских 2009; Быкова 2009; Гудков 1999; Елисеева 2010; Красных 2003; Нахимова 2007; Слышкин 2000; Goodnight 2004; Paris 2002 и др.], тогда как образные значения иных онимов исследованы не столь досконально.

На втором месте (после антропонимов) по распространенности образного использования и разнообразию вторичных значений находятся топонимы. Выделим наиболее типичные виды «топонимических» метафор в соответствии со спецификой ментальных субсферисточников, к которым относятся соответствующие метафорические значения.

1. Обозначения стран способны служить напоминанием об исторической судьбе соответствующих государств и их современном состоянии, что позволяет проводить аналогии. В результате название страны приобретает символический характер. Ср.:

*Любые расчеты на чилийский вариант, хотя об этом вслух никто не говорит, оказались наивными и безграмотными. Пытаясь стать **Чили**, мы стали **Нигерией**: та же коррупция и та же нефть* (И. Хакамада // Независимая газета. 2004.28.12). *Россия – это почти **Зимбабве**. Поэтому Украине надо брать пример с ЕС, а не с России* (Т. Ларитах // Regnum.ru. 23.10.2010).

В данном случае обозначение *Чили* характеризует государство, в котором жесткая и даже жестокая власть смогла организовать хозяйственную деятельность и тем самым способствовала экономическому прогрессу. Соответственно оним *Нигерия* образно обозначает государство, в котором даже богатство недр не обеспечивает экономической устойчивости, поскольку ненасытность продажных чиновников делает невозможным успешное развитие государства, а название *Зимбабве* является символом очень бедной, слаборазвитой страны, в которой совершенно нет демократии.

В следующем контексте *Германия* и *Франция* выступают как обобщенное обозначение богатых, сильных и авторитетных стран, играющих значительную роль в мировой политике:

*Просто Украина решила, что она теперь **Германия** или **Франция** и может диктовать России правила торговли путем запугивания. Только за это можно из Евросоюза вылететь, да еще штраф хороший получить за это воровство* (В. Воробьев, И. Горина // Российская газета. 2006. 17 января).

Примечательны и следующие фрагменты:

*В свое время канцлер Коль мне сказал: «Западная Германия до сих пор не может переварить Восточную». А ведь никакой «**Западной России**» у нас нет* (Б. Ельцин // Российская газета. 2007. 20 апреля). ***Вьетнам** на Балканах может убить Клинтона как публично политика* (В. Петров // Общая газета. 1999. № 13). *Наступит час – и Запад увидит то, от чего содрогнется: еще один **Афганистан**, управляемый разношерстными религиозными догматиками. Не исключено, что,*

осознав ошибку, он бросится ее исправлять – и получит еще один **Ирак**, в котором народ не желает мириться с присутствием оккупантов и не приемлет ценности, которые ему навязывают извне (П. Воинов // Новая газета. 2004. 19.04).

Топонимические метафоры обычно носят оценочный характер и обладают значительным прагматическим потенциалом. Читатели воспринимают их как проявление своего рода языковой игры, как призыв обнаружить компоненты, сближающие названия, казалось бы, совершенно различных государств.

2. Названия мегарегионов, включающих в себя несколько государств. Показателен следующий контекст: *Думаю, миллиарды долларов, которые раньше шли на Остоженку и Рублевку, теперь перетекут на Лазурный берег, в Лондон и Марбелью... Ну а куда делись покупатели с валютой? Ну, во-первых, на Лазурный берег и в прочие **европы*** (Г. Куликов // Интернет-блог. 26.06.2009). В данном случае строчная буква и форма множественного числа подчеркивают метафоричность названия континента, который представлен как своего рода символ территории, на которой богатым людям созданы условия для спокойной и безопасной жизни.

В следующей фразе название полуострова на юге Европы служит метафорическим обозначением региона, где в течение долгих лет полыхают войны и межнациональные конфликты: *Северный Кавказ не должен стать **российскими Балканами*** (Н. Меликова // Независимая газета. 2003. 11.06).

Примечательно также использование названия полуострова, на котором расположены богатые нефтью арабские страны, для обозначения нашей страны как источника углеводородов, необходимых нашим западным соседям: *Если Европа надеется снять со своего горла арабскую нефтяную удавку, у нее один выход – нефть **“российской Аравии”**. Идеологическое сходство будет нарастать, основа для экономического союза есть, общий (пусть не имеющий лица и имени) враг наступает* (Л. Радзиховский // Российская газета. 2004. 15.03).

Обозначение нашей страны как еще одной Аравии побуждает читателя к поиску оснований для сближения и ответа на вопрос, почему запасы нефти не обеспечили России уровень жизни, сопоставимый с уровнем жизни владеющих нефтью арабов. Ср. также:

Кроме того, полковник Каддафи коснулся вопроса нелегальной миграции: «Ливия берет на себя обязательство остановить нелегальную миграцию, если вы предоставите, по крайней мере, 5 млрд. евро и техническую помощь. Ливия больше не будет береговой охраной Европы. Это в интересах самой Европы. В противном случае, под напором

миллионов иммигрантов она превратится в **Африку**», – указал он. (Д. Мазасва // Независимая газета. 2010. 1.12).

3. Получившие широкую известность урбонимы (а также названия сел, деревень и т. п.) нередко используются для образного обозначения иных населенных пунктов. В этом случае основанием для метафоры служит сопоставимость тех или иных существенных признаков соответствующих населенных пунктов (размер, богатство, расположение, функции, эстетическая оценка и др.). Ср.:

*Чуть поодаль расположен езидский **Ватикан** – священный город Лалеш, где живут посвященные и куда со всего мира стекается паства с богатыми дарами* (Э. Султанов // Завтра. 2006. № 1). *Я думаю, что Петербург вполне может стать российским **Гонконгом** – свободной экономической зоной с особым режимом* (интервью В. Матвиенко «Петербург – северный Гонконг» // Аргументы и факты. 2005. № 36).

В данном случае город, который считается священным в соответствии с религией езидов, назван по аналогии со священным городом католиков. Соответственно быстро разбогатевший китайский город Гонконг становится в устах губернатора обозначением цели развития Санкт-Петербурга, нередко называемого Северной Венецией.

Заслуживает внимания также метафорическое использование названий городов, известных как центры азартных игр: *Уважаемые либералы! Вы хотели слабых и бессловесных спецслужб? Вы их получили. Не жалуйтесь. Беслан – ваша заслуга. То же случилось и с армией. В напояженном **Лас-Вегасе** русского либерализма ей места не нашлось* (В. Баранец – Комсомольская правда. 2007. 23.10). *Однако злые языки сразу заговорили о превращении Горного Алтая в российское **Монте-Карло**, что, дескать, не за горами то время, когда Республика Алтай превратится в «игорный оазис», который при соответствующих налогах расцветет пыльным цветом* (В. Рыжов // Российская газета. 2004. 30.01)

Хорошо известно, что топонимы способны метонимически обозначать те или иные события, которые происходили в соответствующем населенном пункте или поблизости от него. Например, *Бородино* – не только географическое название, но и обозначение величайшего сражения, название осетинского города *Беслан* часто в последние годы используется для обозначения захвата террористами школы в этом городе. Соответственно название японского города *Хиросима* служит для обозначения варварского разрушения города при помощи оружия массового поражения. Однако возможно и дальнейшее развитие семантики топонима по метафорическому типу. В этом случае название одного населенного пункта используется для обозначения ино-

го населенного пункта, а основанием для подобной метафоры оказывается сходство соответствующих событий. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

Багдад – это иракский Сталинград. Проиграть битву за Багдад означает проиграть и всю страну в целом (Ш. Мамаев // Политический журнал. 2007. 05.02). В данном случае метафорическое отождествление иракского и советского городов объясняется тем, что в названных городах происходили кровопролитные сражения, которые вели защитники города с иноземными захватчиками. Одновременно *Сталинград* – это еще и символ военной победы советских войск над армией фашистской Германии.

По поручению президента Б. Н. Ельцина в городе Хасавюрт было подписано мирное соглашение между Россией и Чечней, которое, по мнению многих специалистов, принесло огромный урон России, поскольку едва ли не узаконило режим сепаратистов. Поэтому название города *Хасавюрт* стало образным обозначением юридического договора, который негативно расценивается обществом и может стать причиной новых несчастий. Ср.: *После захвата заложников в Норд-Осте был критический момент с развитием событий по варианту «Хасавюрт – 96»* (В. Тетекин // Советская Россия. 2003. 06.03). В данном случае *Норд-Ост* – это название спектакля, во время которого террористы захватили заложников, а *Хасавюрт-96* – образное обозначение гипотетического договора, который мог быть подписан в результате выполнения требований террористов.

Как известно, террористы 1 сентября 2004 года захватили в Беслане школу и, угрожая смертью малолетних заложников, потребовали выполнения своих требований. Поэтому название осетинского города Беслан стало образным обозначением террористического акта, унесшего множество жизней. Ср.: *Обилие в некоторых республиках ваххабитских медресе, замещение традиционных мулл ставленниками «саудитов» делают Поволжье взрывоопасным районом, который может сдетонировать при очередном Беслане* (А. Проханов // Завтра. 2004. № 45).

В качестве образного обозначения тех или иных событий нередко используются и названия других городов. Ср.: *Вспомните, когда были сделаны первые прогнозы относительно «Новочеркасска-2009». Год назад. И где эти массовые беспорядки?* (В. Иванов // АиФ. 2009. № 36). *Украине грозит фосфорный Чернобыль* (Я. Соколовская // Известия. 2007. 18.07). *Совершенно ясно, что всем вам пришел полный звездеч, ибо еще мгновение – и тут будет маленькая Хиросима!* (Н. Рубан // Боевое искусство планеты. 2003).

Отметим также, что в современных отечественных СМИ активно используется и традиционный метонимический перенос по модели «название столицы – название государства – обозначение правительства соответствующего государства. Ср.: *Багдад опять стал препятствием на пути имперских планов Вашингтона, и это Саддаму еще могут припомнить* (А. Проханов // Завтра. 2001. № 45).

Специальные наблюдения показывают, что образное употребление названий населенных пунктов – это наибольшая по количеству единиц и частотности их использования группа вторичных значений топонимов.

4. Возможно обозначение важного политического события при помощи указания на микротопоним (улицу, площадь и др.), где происходили аналогичные события. Ср.: *В Киргизии быстро обнаружился местный Ющенко и даже тянь-шаньская Тимошенко. Майданы запыхали гневом* (В. Воробьев, И. Горина // Российская газета. 2006. 17.01). *«Осторожно, пропустите женицин», – кричала одна из сотрудниц президентской пресс-службы, пытаясь хоть как-то снять натиск напавшей на узкую дверь толпы. Перспектива провести два часа на морозе никого из собравшихся журналистов обрадовать не могла. Казалось, еще немного, и начнется настоящая «ходынка»* (Н. Меликова // Независимая газета. 2004.13.02). *Однако Амин Раис не решился вывести своих сторонников к президентскому дворцу на площадь Монас. Командование столичного гарнизона предупредило его, что в случае новых беспорядков армия «не остановится перед тем, чтобы учинить в Джакарте “Тянаньмэнь”»* (Коммерсант-DAILY. 1998. 21.05).

В представленных контекстах *Майдан* – это обозначение места, где проводятся массовые антиправительственные митинги (так называется площадь в Киеве, на которой проходили митинги протеста против предполагаемых подтасовок результатов парламентских выборов). *Ходынка* – это наименование места, где гибнут люди в результате массовой давки из-за плохо организованного публичного мероприятия. Это обозначение связано с названием Ходынского поля в Москве, которое стало местом гибели людей, участвовавших в торжествах по случаю коронации Николая Второго. Наконец, пекинская площадь *Тянаньмынь* известна как место, где произошла жестокая расправа со студентами, требовавшими политических реформ.

Примечателен также следующий пример: *Мы все-таки собираемся создать не Кипр. Мы собираемся создать лондонский Сити. В смысле, привлекательный финансовый центр, а не просто оффшор* (А. Кудрин // АиФ. 2008. 2.04).

В данном контексте название *Сити* (район в центре Лондона, где находятся ведущие банки Великобритании) служит обозначением центра хорошо организованной деловой жизни мощного государства. Соответственно название государства Кипр выступает как обозначение относительно небольшого государства, которое не может служить ориентиром для России.

В подобных значениях используются также следующие наименования: *Красная Пресня* (московская улица, место столкновений восставших с полицией в 1905 году), *Бродвей* (улица в Нью-Йорке, на которой расположено множество развлекательных учреждений), *Красная площадь* (центральная площадь города), – однако количество названий улиц и площадей с ярко выраженным ассоциативным потенциалом значительно меньше, чем число подобных названий городов.

5. В немногих случаях наблюдается метафорическое использование названий отдельных зданий, с которыми связаны те или иные исторические события. Приведем примеры.

*И я пошел на поиски революционеров. ...Не стал оригинальничать. У коммунистов, думал я, наверняка уже есть **Смольный**. ...Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер «ситцевой» революции, принял меня соответственно – в типовой квартире подпольщика (В. Ворсобин // Комсомольская правда. 2005. 02.02). Бюджетные деньги будут направлены в семинарию и на постройку разрушенного в 30-х годах собора Александра Невского, который Аяцков назвал «**вторым храмом Христа Спасителя**, но на саратовской земле» (С. Оганезова // Известия. 2002. 12.01).*

В первом контексте *Смольный* – это уже не обозначение здания, где обосновались большевики в 1917 году, а наименование помещения, в котором находятся организаторы антиправительственных акций, произошедших уже в другое время и в другом городе. Во втором контексте саратовский губернатор говорит о саратовском соборе, который, как и московский храм Христа Спасителя, был уничтожен большевиками и восстановлен в постсоветскую эпоху.

В сходных значениях могут использоваться также названия *Белый дом*, *Кремль*, *Версаль*, но количество подобных наименований со значительным метафорическим потенциалом очень невелико.

Отметим, что эпизодически возможно метафорическое использование иных топонимов, в том числе названий гор – примерами могут служить библейский образ *Голгофы* или использование слова *Гималаи* для обозначения максимальных страданий.

*Или Юрий Любимов. «Я прошел советскую **голгофу**», – говорит он о себе. Мы все знаем, что такое **голгофа**, – это бичевание и Рас-*

пятие. Но Любимова никто не распинал (С. Ямщиков // АиФ. 2008. 2.04). Залитый кровью Беслан будет внесен в священные тексты России, как страшная притча **о русской Голгофе**, Сошествии в ад и неизбежном ослепительном Воскресении (А. Проханов // Завтра. 2004. № 37). Мы с тобой **Гималаи** (цитирование слов И. В. Сталина, обращенных к Н. И. Бухарину, в изд.: Известия. 1999. 1.09).

Не менее показательны и следующие примеры использования названий гор.

Это как в истории про восхождение на Эверест. Оказывается, было 128 восхождений, и каждая третья команда погибла. Но самое удивительное, что из этих погибших сорок процентов погибло при спуске. Вот и я был на таком политическом **Эвересте**, на самом большом **Эвересте**, с концентрацией власти, которая даже не снилась американскому президенту. И вот я на спуске. Но видите – мы с вами беседуем, и это меня утешает. (М. Горбачев // Московскийсомолец. 1997. 14.12).

Наверное, вы уже поняли, что речь пойдет о напастях почти не обратимо циклонного характера, обрушивающейся на Челябинск с началом теплых дней, – ремонтом теплотрасс и водопроводов, дорожного покрытия. Город преобразается. Это уже не совсем город. Это более дикое кручи, **Анды**, диких, возникшие за одну ночь, провалы и траншеи, **Кордильеры**. У каждого челябинца возникает ощущение, что ему предстоит как минимум семь лет провести в **Тибете**, подобно австрийскому альпинисту Харреру. Но тот хотя бы был альпинистом, а нам-то за что эти испытания? (А. Гизатуллин // Вечерний Челябинск. 2000. 25.05).

Среди иных топонимов, способных к метафорическому использованию, можно назвать такие гидронимы, как **Цусима** (пролив, где в 1904 г. произошло крупное сражение с японцами, закончившееся разгромом российского флота), **Дарданеллы** (пролив, который воспринимался как одна из целей Первой мировой войны, и одновременно – обозначение места прорыва, преодоления), **Бермуды** (как загадочное место, где часто происходят необъяснимые явления), **остров Святой Елены** (как место ссылки и последнего приюта политического лидера). Ср.:

В любом случае Токио готов любовно решать этот вопрос и дает понять, что новой **Цусимы** из-за военно-воздушных неурядиц не будет. (В. Головин // Известия. 2001. 18.04). Так Черноморский флот уже не в состоянии противостоять турецкому и – не дай Бог, если сейчас России придется воевать на море, – второй **Цусимы** не избежать. (С. Перов // Кубанские Новости. 2001. 27.07). В момент пред-

выборной кампании *Б. Н. Ельцин пообещал в станице Новомышастовской построить Храм. И, действительно, прислал три миллиарда тех, неденоминированных денег. Часть из них тут же пропала. Бермуды да и только!* (Голос правды. 2002. 16.02). Неудивительно, что доверие к власти – и законодательной, и исполнительной – опустилось ниже уровня *Марианской впадины* (Н. Шарова // Московский комсомолец. 1997. 31.05).

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что, как правило, имена собственные имеют лишь одно вторичное значение: например, *Лас Вегас* – это американский город, где процветают азартные игры, но так может быть назван и центр азартных игр в другой стране. Соответственно *Гонконг* и *Сингапур* – это богатые города, финансовые центры в Азии, но эти названия могут быть образно использованы и для обозначения совершенно иных городов, известных как крупные финансовые центры или стремящихся получить такой статус.

В других случаях топоним имеет два вторичных значения – метонимическое и метафорическое. Например, *Нюрнберг* – это, во-первых, название немецкого города, во-вторых, метонимическое обозначение судебного процесса над нацистами, который проходил в указанном городе, а в-третьих, метафорическое обозначение любого судебного процесса над военными преступниками, имеющего важное политическое значение. Соответственно *Чернобыль* – это, во-первых, название города, во-вторых, метонимическое название технологической катастрофы на атомной электростанции в названном городе, а в-третьих, потенциальное метафорическое название для иных крупных техногенных катастроф.

Вместе с тем некоторые топонимы способны выступать в различных метафорических значениях. Так, имя собственное *Швейцария* может обозначать, во-первых, горную страну, в которой есть прекрасные возможности для отдыха; во-вторых, финансовый центр, отличающийся надежностью и давними традициями; в-третьих, нейтральное государство, не вступающее в политические и особенно военные союзы; в-четвертых, страну с высоким уровнем жизни населения и давними демократическими традициями; в-пятых, очень красивую (обычно горную) местность.

Функционирование и восприятие метафорических топонимов тесно связано с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью соответствующего народа. Например, сербы с особым чувством воспринимают прецедентный топоним *Косово поле* (место сражения сербов с турецкими войсками, закончившееся сокрушительным поражением славян). Подобные факты нередко обнаруживаются в

самых различных национальных культурах. Как показывает Р. Пэрис в статье «Косово и метафорическая война» [Paris 2002], американские политики традиционно рассматривают внешнюю политику через фильтр исторических аналогий, а поэтому вполне закономерно, что события в Косово образно представлялись при помощи четырех групп метафор, в основе которых лежали прецедентные феномены *Вьетнам*, *Холокост*, *Мюнхен* и *Балканская пороховая бочка*. Соответствующие метафоры выступали как важные аргументы в дискуссии об адекватном ответе на военный и гуманитарный кризис в Югославии. Одни политики видели в Косово новый Холокост, другие – еще один Вьетнам, многие опасались повторения Мюнхенского сговора и напоминали о пороховой бочке на Балканах.

В исследовании Й. Цинкена показано, что польские политики и журналисты при описании борьбы «Солидарности» с коммунистами активно использовали литературные метафоры, в том числе основанные на именах собственных («*Научный прогресс ведет к новым Франкентейнам*»), образы, восходящие к войне поляков с немецкими рыцарями-крестоносцами, фашистской Германией и др. [Zinken 2003].

В национальном сознании поляков важную роль играет *Освенцим* (название фашистского концентрационного лагеря), а украинцы и евреи с особой горечью вспоминают *Бабий Яр* (место, где в годы Второй мировой войны были уничтожены тысячи жителей украинского города Киева). Топонимы *Ватерлоо* и *остров Святой Елены* вызывают совершенно различные ассоциации во Франции и Великобритании, поскольку именно после битвы при Ватерлоо французский император Наполеон оказался в ссылке на острове Святой Елены.

Используя когнитивную методику, Дж. Гуднайт показывает, что при рассмотрении причин и следствий войны в Персидском заливе многие американские политики и журналисты из лагеря противников войны использовали метафорические образы «*Ирак – это Вьетнам Буша*» и «*вьетнамское болото*», тогда как сторонники Буша чаще вспоминали Вторую мировую войну и сопоставляли Саддама с *Гитлером* [Goodnight 2004]. Это позволяло провести аналогии, с одной стороны, между американским вторжением в Ирак и войной во Вьетнаме, а с другой – между событиями в Ираке и Второй мировой войной.

Нередко обнаруживаются и своего рода «зарубежные эталоны», в рамках которых политическая реальность одной из стран становится сферой-источником для заимствования прецедентных феноменов, необходимых автору для описания политической реальности другого государства. В результате возникают такие обозначения, как *Россий-*

ская Швейцария или Северный Гонконг, китайская Красная площадь или киргизский Майдан.

Коммуникативные смыслы подобных словоупотреблений служат основой для создания межнациональных параллелей, в рамках которых и существует международный политический интердискурс. В самых различных лингвокультурных сообществах топонимы *Монако* и *Лас-Вегас* выступают как обозначение мест, где разрешены азартные игры, название реки *Рубикон* уже два тысячелетия воспринимается как символ границы, переход через которую означает кардинальные изменения; соответственно названия *Бабий Яр* и *Бухенвальд* выступают как символ бесчеловечного уничтожения людей.

Метафорические и метонимические смыслы наиболее характерны для названий городов и иных населенных пунктов, однако подобным образом могут употребляться также названия мегарегионов, стран и их регионов, наименования улиц, площадей и даже отдельных зданий. По частотности подобного использования топонимы, с одной стороны, существенно уступают антропонимам, а с другой – значительно превосходят все иные виды онимов.

Типичные признаки образного употребления топонимов – использование специальных определений и иных распространителей (*вторая Швейцария, очередной чернобыль, Вьетнам на Балканах, Новочеркасск-2009, словесная Ниагара, своя Византия*). Этой же цели может служить применение кавычек, форм множественного числа и строчной буквы в начале слова (*«ходынка», прочие европы, новые Афганы* и др.) или использование специфических синтаксических конструкций (*Екатеринбург – это не Париж; Нет, это не Рио-де-Жанейро*).

В абсолютном большинстве случаев топонимические метафоры носят окказиональный, индивидуально-авторский характер, хотя метафорические значения некоторых топонимов превратились в узуальные, что отражается, в частности, на их правописании (*голгофа, рубикон, содом*). Впрочем, эта закономерность обнаруживается и при анализе антропонимических метафор [Нахимова 2008].

Итак, широко известные топонимы способны выступать как прецедентные имена, в том числе метонимически обозначать названия событий, так или иначе связанных с данным населенным пунктом. Подобные топонимы активно используются также в метафорических смыслах, обозначая при этом реалии, в той или иной степени метафорически сближающиеся с теми, которые служат источником метафоры. В связи с однотипностью подобных смысловых вариантов рассматриваемые значения нередко приобретают интернациональный характер.

Топонимические метафоры способны значительно усиливать эмоциональное воздействие на читателя, вызывая множество дополнительных ассоциаций, пробуждая культурную память и воображение адресата. Использование подобных метафор – мощное средство прагматического воздействия на адресата, способ пробудить внимание к метафорическим следствиям и оценкам, содержащимся в этих образах.

Помимо уже рассмотренных выше антропонимов и топонимов, вторичные образные значения могут иметь и иные виды онимов. Обратимся к анализу конкретных групп таких метафор.

1. Прецедентные имена собственные, которые обозначают художественные или иные произведения, созданные интеллектуальным трудом человека. Ср.: *Шолохов – русский Гомер, написавший «Илиаду» гражданской войны на юге России и «Одиссею», где русская душа безнадежно странствует в поисках родимого берега* (А. Проханов // Завтра. 2005. № 21).

В данном контексте названия произведений Гомера используются как обобщенные наименования эпоса: это описание длительной войны и судеб ее героев (Илиада) и повествование о долгом путешествии и связанным с ним событиях. Соответственно имя их автора представлено как обобщенное обозначение великого писателя.

2. Прецедентные имена собственные, которые обозначают важные события (хрононимы) при помощи указания на дату. Ср.:

Конституцию можно изменить. Никто не говорит о “18 брюмера”! Но в Конституции прописана подобная процедура. (Л. Радзиховский // Российская газета. 2007. 21 апр.).

В данном случае дата переворота, совершенного Наполеоном Бонапартом во Франции, образно используется как обозначение изменения государственного устройства в России. Ср. также:

История движется. И вдруг, разрывая покровы иллюзий, случается «11 сентября», когда алюминиевые птицы Судного Часа врезаются в небоскребы. И рушатся в дыме и пламени грандиозные близнецы – Власть и Культура (А. Проханов // Завтра. 2005. № 21). *Незадолго до сыр-бора с ЮКОСом Чубайс как раз и выступил со своим манифестом, заявив стране, что его «партия меньшинства» возглавит второй этап либеральной реформации в России. Ставки сделаны и – все эти стенания вокруг «термидора» питерцев и «второй 37-й год» – неважно, на публику* (В. Попов // Завтра. 2003. 18 нояб.). *А вы смотрите, что творится на улицах! Ведь там уже на почве монетизации пошел лозунг «Бей богатых!».* *Но нельзя же повторять 17-й год!* (А. Литвинов // Газета. 2005. 20.01). *Сейчас молодые призывники,*

случись **41-й год**, не стали бы надежной защитой Отечеству (Л. Дикунь // Московский комсомолец. 2001. 22.01).

3. Прецедентные имена собственные, которые обозначают объекты бизнеса – компании, заводы, банки и т. п. Например:

*Тысячи граждан погорели в МММ и прочих **хопрах**, а непреодолимое желание потратить деньги вознагло половину страны в сумасшедшие долги перед банками* (Н. Бероева // Комсомольская правда. 2010.16.11).

В данном случае названия корпораций МММ и «Хопер» выступают как обобщенные обозначения «пирамид», которые разорили множество наших соотечественников. Ср. также:

*У Бушей нефтяной бизнес, и им выгодно общаться с арабами – тогда цены на нефть будут высокими. В Техасе у них там свой «**Лукойл**» местный или **ЮКОС**. С арабами они деньги зарабатывают* (В. Жириновский // Аргументы и факты. 2004. № 16). *А чего Бушу много работать? Лето, экономика отлажена. **БАМ** не надо строить, Чечни у них нет* (В. Жириновский // Аргументы и факты. 2004. № 16).

В устах лидера российских либеральных демократов названия крупных российских нефтяных компаний служат обобщенным наименованием нефтяных компаний, работающих в Соединенных Штатах, а прецедентное имя БАМ используется как обозначение дорогой национальной стройки, требующей больших финансовых вложений.

4. Прецедентные имена собственные, которые восходят к названиям кораблей. Самые известные и самые частотные из подобных имен – «Титаник», «Варяг» и «Летучий голландец». Название корабля, погибшего в результате столкновения с огромным айсбергом, в современных СМИ часто используется для образного обозначения катастроф, которые происходят не только с кораблями. Соответственно образ «Варяга» употребляется как символ героической гибели, которую герои предпочитают позорному плену, просьбе о пощаде. «Летучий голландец» – это легендарный кораблю-призрак, который не может пристать к берегу и обречен бороздить волны мирового океана до второго пришествия. Рассмотрим конкретные примеры.

***Титаник** подходит к айсбергу. Раскол КПРФ возможен. Но не по-кремлевскому* (М. Виноградов // Известия. 2003. 26.12). *Я помню, как много лет назад разгоняли «Новый мир» во главе с Твардовским... В редакции на эту критику сначала реагировали пренебрежительно, свысока и насмешливо. Когда сообразили, что не до шуток, стали впадать в патетику, поминая осажденную Брестскую крепость и гордо тонувшего «**Варяга**». Произнося при этом что-то клятвообразное* (В. Войнович // Известия. 2001. 14.04). *Что же станет с Шанды-*

биным? Есть подозрение, что он уже превратился в некое подобие «**летучего голландца**» и начнет свое скитание по всем городам и весям, где проходят выборы, довыборы и перевыборы (М. Озерова // Московский комсомолец. 2004. 25.03). Трени – просто «**летучий голландец**». Но обидно, что Россия вынуждена расплачиваться за такие «фантомы». (А. Гамов // Комсомольская правда. 2004. 05.05).

5. Прецедентные имена собственные, которые восходят к кличкам животных (зоонимы). Очень часто в этой функции выступают клички так называемых друзей человека – собак (Каштанка, Муму, собака Баскервилей). Ср.:

Г-н Митрофанов, ЛДПР: «Речь идет о серьезном вопросе – о судьбе орбитальной станции “Мир”, которую сегодня, как **Муму**, хотят потопить наши специалисты в области космонавтики».

КОММЕНТАРИЙ «МК»: Угу, а стратегические запасы страны потерялись, как **Каштанка**, силовики ведут себя, будто **собаки Баскервилей**, и над экономикой ставят опыты, словно над **собакой Павлова!** (Московский комсомолец. 2000. 19.12).

Но для реального производства НДС – все равно что кирпич на шею. Какая уж тут конкурентоспособность. Не повторить бы судьбу **Муму** (Ф. Иноземцев // Комсомольская правда. 2005. 30.03).

Вторую подгруппу образуют прецедентные имена, обозначающие лошадей – Россинант, Буцефал, Конек-Горбунок, Боливар, Пегас. Ср.:

Трезвые экономисты, которых достаточно в нынешней президентской команде, наверняка говорят президенту, что **Боливар**, то есть российский бюджет, двоих не выдержит. (Московский комсомолец. 2000. 16.10). В последние дни уходящего года Генрих Падва почувствовал себя, что называется, на коне. Вышли из тюрьмы фигуранты скандала вокруг «Голден АДА», которых он неудачно защищал несколько лет назад. Но не замечает престарелый адвокат, что этот конь – отнюдь не ахалтекинский скакун, а дряхлый **Россинант** (Московская правда. 2002. 16.01). Никогда ему не стать этим благородным животным, **Буцефалом!** Он антропологически не выдерживает сравнения с конем. Как Заболоцкий сказал: «Лицо коня прекрасней и умней». Этого не скажешь о Венедиктове. (А. Проханов // Завтра. 2001. 6.07). Поскольку «по щучьему велению» сильно влияет на «по моему хотению» выросших в больших политиков маленьких людей, потаенное ожидание **Конька-Горбунка** нарисовалось у них в образе национальной идеи. Дескать, обрести ее – все равно что жар-птицу за хвост поймать (Б. Ноткин // Московский комсомолец. 2004. 06.01).

Имена собственные, относящиеся к иным смысловым группам, выступают в коннотативных значениях крайне редко.

Итак, рассмотренный в настоящем разделе материал показал, что наиболее распространенный вид прецедентных имен – это прецедентные антропонимы, далее по частотности следуют прецедентные топонимы. Другие виды прецедентных имен (названия художественных и не только художественных произведений, событий, кораблей, бизнес-структур и др.) встречаются значительно реже. Поэтому именно прецедентные антропонимы и прецедентные топонимы будут основным предметом дальнейшего исследования.

2.3. Тенденции развития системы прецедентных онимов в постсоветскую эпоху

Историческая динамика лексических систем – это универсальная закономерность, давно и тщательно изученная на материале самых различных языков. При конкретном описании словарного состава каждого естественного языка последовательно выделяются архаизмы и историзмы, неологизмы и окказионализмы.

Для нашего исследования важен тот факт, что скорость исторических изменений в различных пластах лексики может быть различной. В частности, давно замечено, что подобного рода изменения малохарактерны для числительных, для слов, обозначающих основу цветового спектра, для наименований животных и птиц, для лексики родства. С другой стороны, известно, как быстро в последнее время появляются новые названия одежды и обуви, косметики и домашней утвари и как стремительно некоторые из них становятся историзмами.

В этом контексте требует специального рассмотрения вопрос об исторической динамике метафорического использования имен собственных, о типовых источниках метафорических наименований, в основе которых лежат слова указанного разряда.

Исследования по истории и теории политической метафоры свидетельствуют о существовании в этой сфере двух противоположных тенденций. Так, на протяжении многих веков и даже столетий обнаруживается удивительная стабильность метафорических образов. Еще в середине прошлого века Майкл Осборн отмечал, что «высокая популярность архетипичных метафор представляется неизменной во все времена, при этом наблюдается сохранение предпочтительной модели и ее повторение из поколения в поколение без существенных изменений» [Осборн 2008: 184; оригинал на английском языке – Osborn 1967]. Далее Майкл Осборн пишет о том, что и «в кросс-культурном аспекте архетипичные метафоры также подтверждают свое постоянство, оставаясь неизменными в разных культурах. Поэтому, когда Данте

говорит о Боге как об ослепительном свете и об аде, полном мрачной тьмы, а Демосфен описывает беспокойные Афины, сравнивая их с поднявшимся над морем штормом, смысл их слов доходит до нас и становится ясным, преодолевая временные и культурные барьеры» [Осборн 2008: 184; Osborn 1967].

На современном этапе развития науки об устойчивости концептуальных метафор в политической коммуникации, об исторических корнях большинства доминантных метафорических моделей писали Дж. Лакофф и М. Джонсон [2004], а также многие другие специалисты. Так, американский исследователь Ричард Андерсон отмечает, что метафоры продвижения вперед и отступления, верха и низа с древних времен встречаются в самых различных культурах и обычно имеют сходные смыслы [Андерсон 2007: 12]. Поэтому зачастую крайне сложно делать предположения о том, где и когда появился тот или иной метафорический образ. Даже если он впервые фиксируется у Гомера, вполне может быть, что подобная метафора существовала в фольклоре.

Как показано в докторской диссертации Н. М. Орловой [Орлова 2010], в современных художественных текстах, созданных в самых различных странах, связанных с христианской культурой, обнаруживается множество прецедентных феноменов, восходящих к Библии. Об устойчивости многих древних прецедентных концептов и их глобальном распространении пишет и Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004].

Трудно не согласиться с приведенными высказываниями весьма авторитетных специалистов (подобные мысли обнаруживаются и в трудах других языковедов), при этом необходимо отметить, что степень исторической устойчивости метафор в различных разрядах и группах лексики часто оказывается неодинаковой. Существуют серьезные основания считать, что метафорические значения онимов часто оказываются «недолговечными»: многие из них то стремительно получают широкую популярность, то не менее стремительно уходят из активного употребления.

Широко известные специалисты постоянно отмечают и историческую динамику метафорических образов в политической коммуникации, тесную связь метафорических арсеналов с социальными условиями жизни общества и господствующей идеологией. Например, еще в 1947 году Виктор Клемперер писал о том, что захват власти фашистами сопровождался существенным изменением метафорики, и выделил излюбленные образы гитлеровцев, восходящие к сферам-источникам «Война» и «Техника» [Клемперер 1998].

Рассматривая эту тенденцию, А. Н. Баранов пишет, что традиционный для российского политического дискурса арсенал органических

метафор, который предполагал активное использование образов, восходящих к концептуальным сферам «Мир растений», «Мир животных» и «Человек», был «заметно потеснен в советскую эпоху механистическим, рациональным способом метафорического осмысления политической реальности (метафоры машины, мотора, строительства)» [Баранов 1991: 190]. По наблюдениям А. П. Чудинова, в постсоветский период доминирующими стали метафорические модели с концептуальными векторами жестокости и агрессивности (военные и криминальные метафоры), отклонения от естественного порядка вещей (морбиальные метафоры), неправдоподобия происходящего (театральные метафоры) и материальных расчетов (финансовая метафора) [Чудинов 2001: 224–225].

Как показывают наши наблюдения, сосуществование тенденции к стабильности с тенденцией к постоянному обновлению обнаруживается и при исследовании метафорической активности прецедентных имен собственных. В сфере политической коммуникации до настоящего времени используются некоторые прецедентные имена, получившие известность еще много веков назад. Например:

*Распределение денежных субсидий – занятие по определению мутное, поскольку отбор неизбежно субъективен, а обделенные неизбежно будут обижены. Проще всего дело раздачи грантов было поставлено при абсолютной монархии, когда **Шекспир** и **Мольер** процветали под великодушным покровительством короля* (М. Соколов // Известия. 2006. 22.09).

В данном контексте имена собственные *Шекспир* и *Мольер* использованы для обобщенного обозначения писателей, которые работали в эпоху абсолютизма (кстати, у нас, в отличие от журналиста Максима Соколова, нет полной уверенности в том, что британский монарх действительно покровительствовал Шекспиру и помогал ему материально).

Подобные примеры можно продолжить, обратившись и к более древним источникам прецедентности, в том числе возникшим в эпоху античности. Например:

*По ее книгам археологи будущего станут судить о нашей цивилизации. И о России. Маринина – наш будущий **Гомер**. И с этим ничего не поделаешь* (А. Никонов. Наш **Гомер** // Story. 2010. № 3).

Можно предположить, что Гомер – это прецедентный антропоним, имеющий наиболее длительную историю существования. Еще в ранней античности на основе этого имени собственного возникло обобщенное обозначение создателя эпоса, а названия «Илиада» и «Одиссея» со временем превратились в метафорическую характери-

стику произведений, посвященных военным действиям или длительным путешествиям. Как показывают приведенные примеры, указанный вариант метафорического переноса обнаруживается и в современной российской политической коммуникации.

Чрезвычайно значительную по количеству группу составляют прецедентные онимы, которые связаны с реалиями, относящимися к XIX столетию. Ср.:

Мусоргский поступил на службу и долгие годы работал «Акакием Акакиевичем». Сначала в Инженерном департаменте, потом в Лесном, а потом в контрольной комиссии (Е. Иваницкая // Story. 2010. № 3). Ведь наш бизнес по сути дела тот же Раскольников. У него еще с топора капает, а к нему уже лезут с НДСом по поводу отобранных у процентщицы побрякушек (А. Невзоров // Аргументы и факты. 2002. № 24). Со мной не очень просто жить, я такая Шерлок Холмс и доктор Ватсон в одном флаконе (Н. Королева // Труд. 2006. № 45).

Однако самую большую по объему группу составляют прецедентные имена собственные, связанные с объектами, относящимися к прошлому веку. Приведем несколько характерных примеров использования указанных прецедентных имен собственных.

Но мы все потеряли. Лучшие всего это отображено у Булгакова в «Собачем сердце». Там все хорошо кончается. В истории России – все наоборот. Скрутили как раз Преображенских. Кого выгнали, кого расстреляли. Естественно, Шариковы проникли во все сферы (М. Плетнев // Аргументы и факты. 2009. №26). Одна отправляется на шопинг, проигнорировав приглашение на пикник от президента США Джорджа Буша. Вторая мнит себя новой Эвитой Перон и всерьез собирается потеснить мужа с президентского кресла. Третья, несмотря на официальный запрет, упорно является на светские приемы в традиционном мусульманском головном уборе (В. Зозуля // Известия. 2007. 14.09).

В составе рассматриваемой группы можно зафиксировать онимы, которые принадлежат к самым различным смысловым сферам – к миру литературы, живописи, музыки, сценических искусств, к таким сферам из мира реальности, как политика, право, экономика, наука и др.

Доминирование среди современных прецедентных имен онимов, созданных в XX веке, вполне закономерно: события прошлого века до сих пор живы в памяти значительной части наших современников, а искусство этого столетия, с одной стороны, еще нередко воспринимается как современное, а с другой – все чаще начинает осмысливаться как классическое.

Итак, активное использование прецедентных образов, восходящих к прошлым этапам развития человечества, – характерная особенность современной массовой коммуникации, в которой вполне закономерно сохраняется национальная память русского народа, присутствует живая связь между прошлым и настоящим, между богатствами, которые накопили прежние поколения, и современной ментальностью нашего народа.

Вместе с тем в сфере метафорического использования прецедентных имен не менее активна и противоположная тенденция – интенсивное обновление репертуара, возникновение все новых и новых образов. Одни из них надолго остаются в риторическом арсенале политиков и журналистов, выходя таким образом за рамки породившей их эпохи и пополняя «золотой фонд» образных средств русского языка. Другие антропонимные метафоры ярко вспыхивают (обнаруживают высокую частотность, активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий), но достаточно рано уходят из активного употребления. Уже через несколько лет такие прецедентные образы не вызывают прежнего эмоционального отклика читателей, оказываются не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

В 1993 году Т. В. Шмелева предложила термин «ключевое слово текущего момента», дала ему определение (слово, оказавшееся в центре всеобщего внимания), показала, что в тот период к числу таких слов относились существительные *демократия, рынок, ваучер, август*, и продемонстрировала, что рассматриваемый статус слова оказывает влияние на его деривационные, функциональные и иные признаки [Шмелева 1993: 33–41]. Позднее состав этих признаков был несколько скорректирован, и они были разделены на три группы – текстовые, лексические и грамматические [Шмелева 2009: 63].

Идея Т. В. Шмелевой об особом статусе ключевых слов текущего момента нашла широкий отклик в лингвистическом сообществе, результатом чего стал целый ряд описаний подобных слов и интенсивное обсуждение их типичных признаков, выделение специфики ключевых концептов для отдельных дискурсов и др. [Бабенко 2010; Башкова 2009; Ларионова 2010, Нахимова 2007]. Разумеется, в этой области до настоящего времени сохраняются дискуссионные проблемы. В частности, пока не вполне ясно, как определять темпоральные границы «текущего момента» – например, следует ли считать, что этот «момент» может длиться год, три года или десятилетие. Во всяком случае, описанные Т. В. Шмелевой ключевые для начала 90-х годов ушедшего века слова *ваучер* и *август* уже, несомненно, утратили прежний статус,

не привлекают всеобщего внимания и столь важные для того периода существительные *демократия* и *рынок*.

В современной науке существуют и иные термины для обозначения близких понятий. Так, В. Г. Костомаров приводит примеры слов и выражений, которые стали «ключевыми символами эпохи» [Костомаров 1997: 152]; в диссертации И. Ю. Шачковой рассматривается семантика «ключевых слов эпохи» британского премьер-министра Т. Блэра [Шачкова 2008]. З. Е. Фомина описывает «слова-хронофакты», которые в советских политических текстах соответствуют определенному срезу времени – *стахановец*, *космополит*, *гласность* [Фомина 1995: 211], а Е. А. Земская, рассматривая такие слова, как *перестройка*, *приватизация*, *гласность*, говорит, что они представляют «номинативный облик эпохи» [Земская 1996]. Несколько позднее Е. И. Шейгал писала о «лексике сегодняшнего дня», определяя ее как слова, связанные с политическими инициативами и кампаниями – *Карибский кризис*, *война в Чечне* [Шейгал 2004: 67].

Несомненный интерес для нашего исследования представляет и предложенное Н. А. Кузьминой разграничение двух видов текстов. К первой группе относятся **«сильные тексты»**, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Ко второй группе относятся **«ключевые тексты текущего момента»**, обращение к которым чрезвычайно активно лишь в очень короткий период времени (реклама, шлягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы и т. п.) [Кузьмина 2004]. При всей условности границ между выделенными типами текстов названная классификация отражает достаточно важные их свойства.

В настоящем исследовании к числу ключевых слов текущего момента (в другой терминологии – слова-хронофакты, ключевые слова эпохи, ключевые символы эпохи, слова, определяющие номинативный облик эпохи) относятся такие, которые именно в начале нашего века проявляют значительную активность. Ее признаками являются высокая частотность, метафоризация, реализация деривационных возможностей, значительный ассоциативный фон, текстообразующий потенциал, связь с феноменами, привлекающими особый интерес социума, и др. [Земская 1996; Шейгал 2007; Шачкова 2008; Шмелева 2009].

В исследовательских целях арсенал указанных слов сопоставляется с теми смысловыми группами, которые были особенно активны в конце прошлого века (начало постсоветского периода), в годы советской власти и в досоветскую эпоху. Такая периодизация объясняется

прежде всего тем, что бурные социальные потрясения закономерно приводят к существенным изменениям в функционировании прецедентных имен собственных.

Следует отметить, что Т. В. Шмелева и ее последователи до настоящего времени не рассматривали среди ключевых слов имена собственные, что представляется не вполне справедливым. Можно предположить, что к числу ключевых слов начала нашего века относятся такие имена собственные, как *Березовский* и *Абрамович*, *Кондопога* и *Пикалево*, *Чикатило* и (майор) *Евсюков*, *Путин* и *Жириновский*. Соответственно в той или иной мере утратили свой прежний статус многие важные для советской эпохи имена собственные. Среди них можно отметить имена героев гражданской войны (*Чапаев*, *Буденный*, *Котовский*), борцов с немецким фашизмом (*Ковпак*, *Олег Кошевой*, *Николай Кузнецов*), летчиков и полярников, прославившихся в предвоенное десятилетие (*Чкалов*, *Гризодубова*, *Папанин*, *челюскинцы*), знаменитых передовиков производства (*Стаханов*, *Валентина Гаганова* и др.), некоторых ученых (выдающийся селекционер *Мичурин*), большевистских лидеров (*Калинин*, *Киров*, *Дзержинский* и, конечно, *Ленин*).

Можно заметить, что в последние годы к числу «ключевых слов текущего момента» уже не относятся и некоторые имена собственные, чрезвычайно активные в конце прошлого века. Особенно быстро теряют свои позиции имена политических лидеров и государственных руководителей: как показывает специальное исследование, современные студенты, как правило, уже не помнят фамилии ближайших соратников Михаила Горбачева и приближенных Бориса Ельцина, все больше стираются из сознания и имена властителей дум и духовных вождей периода распада СССР и становления России как суверенного государства [Нахимова 2006: 120–122].

Вместе с тем в арсенале прецедентных антропонимов начала нашего века по-прежнему высока частотность и метафорическая активность таких относящихся к советской эпохе имен, как космонавт *Юрий Гагарин*, выдающиеся ученые и организаторы науки *Королев* и *Курчатов*, композитор *Шостакович*, маршалы *Жуков* и *Рокоссовский*, академики *Павлов* и *Ландау*. Эти люди по-прежнему служат своего рода эталоном высокого профессионализма, личной порядочности и достижения выдающихся результатов в своей сфере деятельности. Ср.:

*Кто будет решать проблему нехватки энергоносителей, развития нанотехнологий? Сегодня есть **новые курчатовы**, **новые королевы**, **новые цолковские**. Надо дать им возможность работать* (В. Жириновский // Комсомольская правда. 2007. 9.02). *Сегодня нужен **маршал Жуков** для финансового фронта* (Д. Тукваков // Завтра. 2006. № 1).

Характерная черта современных СМИ – ироническое использование некоторых прецедентных антропонимов, популярных в советскую эпоху. Имена Павлика Морозова, Троцкого и Макаренко воспринимаются в наше время совсем не так, как в годы тоталитаризма. Ср.:

*Когда ночью в общежитии стали дежурить мужчины, в районе действительно стало спокойнее. Порядки, которые завели новые **Макаренко и Сухомлинские**, оказались действеннее увещаний женщин-педагогов* (А. Дуэль // Комсомольская правда. 2010. 2.07). *Чтобы заслужить благоволение американских властей, нужно прослыть защитником свободы и прав человека, «личным врагом диктатора».* Вот Борис Абрамович и примеривает шинель **Льва Троцкого** (В. Костиков // Аргументы и факты. 2001. № 36).

В подобных контекстах Троцкий предстает как политический эмигрант и борец со сталинизмом, а имена знаменитых советских педагогов используются для обозначения людей, жестоко притесняющих подростков. Разумеется, подобное словоупотребление было невозможно в советскую эпоху.

Специальные наблюдения показывают, что в современной массовой коммуникации сохраняют метафорическую активность и многие прецедентные имена, относящиеся к досоветской эпохе. Особенно активны такие традиционные сферы-источники прецедентности, как «наука» (Кулибин, Ломоносов, Циолковский, Менделеев) и «искусство» (Чайковский, Репин, Пушкин, Толстой). Ср.:

*С помощью олимпиад в вузы смогут поступать 1– 1,5 процентов абитуриентов. А то с одним ЕГЭ потеряем **Ломоносовых*** (И. Ивойлова // Российская газета. 2008. 11.04). *Лучшие оркестры мира исполняют то, что было написано века назад. А где же новые **Чайковские, Рахманиновы?*** (М. Плетнев // Где взять **Чайковских?** // Аргументы и факты. 2009. № 26). *Недаром говорят, что Россия – **страна Кулибиных**, а Америка – **Эдисонов**. Если Кулибин умер в нищете, то Эдисон сделал на своих изобретениях миллионы* (Б. Салтыков // Поиск. 2010. 12.02).

Отметим, что в последнем контексте прецедентные онимы Кулибин и Эдисон по существу используются как антонимы, обозначение изобретателей, один из которых, благодаря своему дару, стал богатым, а другой – умер в бедности.

Многие традиционные для России прецедентные имена относятся к сферам-источникам «экономика и промышленность» (Рябушинский, Третьяков, Морозов, Демидовы), «государственное управление» (Столыпин, Сперанский), «военное дело» (Суворов, Кутузов, Дмитрий Донской). Ср.:

Только вот слушать профсоюзников новоявленные демидовы и морозовы категорически отказались (В. Ключков // Уральский рабочий. 2010. 19.02). *Пятнадцать лет нам внушали, что вот пройдет переходный период и из пены приватизации явятся новые русские Демидовы, Рябушинские, чуть ли не Третьяковы* (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. № 13). *У нас и сегодня есть Кутузовы, Суворовы, готовые постоять за Россию* (И. Глазунов // Аргументы и факты. 2006. № 6).

Показательно, что во всех приведенных контекстах прецедентные антропимы использованы с позитивной эмоциональной окраской: ученые, промышленники, деятели искусств, военачальники дореволюционной России предстают как своего рода эталон, пример для подражания, которому, к сожалению, не всегда следуют наши современники.

Обращение к материалам постсоветской эпохи показало, что арсенал прецедентных имен, активных в современной массовой коммуникации, продолжает интенсивно пополняться. При этом наиболее продуктивными оказываются четыре смысловые сферы.

Первую группу рассматриваемых метафор составляют прецедентные имена «олигархов» – людей, которые сумели быстро обогатиться в ельцинское десятилетие, однако не снискали народного уважения. Ср.:

Другие, которые не вышли в «абрамовичи», отлынивают от минимальных обязательств. 10 миллионов разведенных «козлов» уклоняются от алиментов. (В. Костиков // Аргументы и факты. 2008. 2.04). *Как принято поддерживать автопром эпохи 60-70-х в виде АвтоВАЗА и прочих дерипасок, так и в домостроении будет поддерживаться только панель* (blogs. 20.06.09).

Вторую группу метафор, образованных в постсоветскую эпоху на основе имен собственных, составляют имена широко известных политических лидеров некоммунистической России (*Гайдар, Горбачев, Ельцин, Жириновский* и др.). Ср.:

Этот «великий поворот» чубайсов и третьяковых, черномырдиных и путинных напрямую связан с мощнейшим давлением русского народа. Они под воздействием русского концентрированного биополя. Кто из них погибнет, а кто останется, не так и важно (В. Бондаренко // Завтра. 2001. 4.01). *В контексте заголовка заметки «Россия – родина слонов, жириновских и шандыбинных»* (В. Устюжанин // Комсомольская правда. 2002. 23.09). *Удастся ли Обама эффективно противостоять кризису? Или так называемый «черный Горбачев» развалит Штаты?* (Е. Чиркова // Комсомольская правда. 2010. 22.06).

Среди метафор данной группы отмечаются и такие, которые восходят к зарубежному политическому дискурсу (*Дэн Сяопин, Барак Обама, Маргарет Тетчер, Николя Саркози*). Ср.:

*А фамилии тех, кто в течение многих лет выстраивал преступные схемы и уводил деньги в офшоры, так и не будут названы. Ведь у них такие должности, фамилии, капиталы! Где ты, **русский Обама?*** (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. №29). *К несчастью, у нас не оказалось своего **Дэн Сяопина**, как и своего **Людвига Эрхарда*** (Ф. Бурлацкий // Известия. 2005. 29.03).

Третью группу антропоморфных метафор, созданных в постсоветскую эпоху, образуют прецедентные имена людей, которые «прославились» своими преступлениями, вызвавшими значительный общественный резонанс (маньяк Чикатило; киллер Солоник; майор Евсюков, в нетрезвом виде расстрелявший в магазине мирных покупателей; полковник Квачков, обвиненный в покушении на Чубайса; главарь бандитов из станции Кушевская Виктор Цапок). Например:

*Нам важно понять, что вождь народов был серийным **Чикатило**, который уничтожил десятки миллионов граждан нашей страны. Если бы мы воевали вопреки Сталину, то воевали бы лучше* (А. Лебедев // Комсомольская правда, 04.06.2010). *Слабо верится, что после участия в выпуске стенгазеты и хорового пения наши **«майоры евсюковы»** превратятся в доброго участкового Анискина или в дядю Степу* (В. Костиков // АиФ. 2010. № 11). *Электронному **Чикатило** – пулю в лоб! (название статьи Андрея Фефелова // Завтра. 2007. 6.06). Что же остается делать? В осознании собственного бессилия продолжать заниматься рутинными делами? Автономизироваться, уйти в леса, в скиты, прочь от мира? Уехать из «такой страны»? Или стать **Квачковым**?* (Д. Тукваков. Статья Квачковым // Завтра. 2006. № 1).

Следует особо отметить, что границы между названными группами часто оказываются изменчивыми, поскольку недавние богачи нередко оказываются среди подсудимых, а их имена (*Мавроди, Гусинский, Березовский*) становятся символами преступной деятельности, приведшей к лишению свободы или вынужденной эмиграции. Приведем примеры:

*«**Мавроди**» из США сядет на 150 лет* (Заголовок заметки об американце Бернарде Мердоффе, который создал финансовую «пирамиду»; Е. Чинкова // Комсомольская правда, 2009. 1.07). *Это их выбрал в качестве своих жертв отец Константин, как вас в свое время выбрали в качестве жертв разные там **Мавроди** да «**Властелины**» и прочие аферисты* (Н. Варсегов // Комсомольская правда. 2010. 20.11).

С другой стороны, люди, ставшие известными государственными чиновниками, в нашей стране переходят в сферу бизнеса и оказываются в числе так называемых олигархов. Своего рода символом подобной трансформации является бывший глава президентской администрации Анатолий Чубайс, который сначала возглавил крупнейшую энергетическую компанию, а в последние годы руководит развитием и внедрением нанотехнологий.

Четвертую группу антропонимов, активных в начале нашего столетия, составляют прецедентные имена широко известных тележурналистов и иных сотрудников СМИ. Ср.:

*Конечно, господин Шустер, лучше вам про ту армию и не вспоминать. При той армии **шустеры** только и могли из-за угла потягивать в сторону России. А сейчас положили ноги на стол, за который они бесцеремонно сели, и ведут себя не лучше того животного, которое в этой пословице упоминается. От **шустеров** ждать покаяния за горечи и беды, подобные октябрьской трагедии, не приходится* (С. Ямшиков // Завтра. 2003. 18.11). *Не будем делать из журналистов, из **Минкиных и Киселевых**, из **Масюк и Сванидзе** прямых агентов врага. Да и наш милейший Гришенька Явлинский лишь является верным и последовательным союзником западных ценностей...* (В. Бондаренко // Завтра. 2000. 4.01). *Усиливается информационная атака на КПРФ. В роли **Доренко** теперь выступает г-н Караулов* (А. Проханов // Аргументы и факты. 2003. № 23).

Следующую группу прецедентных антропонимов, активно используемых в современных СМИ, составляют имена, относящиеся к сфере искусства (или массовой культуры); особенно часто это – имена создателей и исполнителей песен. Ср.:

*Рассохшиеся рамы гостиницы пропускали пьяные вопли несостоявшихся **Лепсов** и **Успенских*** (С. Голуб // Комсомольская правда. 2010. 8.09.). *Конечно, в Петербурге еще не скоро появится новый **Виктор Цой**, но этот город продолжает оставаться столицей русской рок-культуры* (И. Горбов // Аргументы и факты – Урал. 2002. № 32). *Конечно, в каждом городе нет своих **Гундаревых, Табаковых, Гафтов, Филатовых, Ахеджаковых**. Комиссия по цензуре, созданная в Тмутаракани из местных безвестных поэтов и чиновников, неизбежно начнет душить все доброе и вечное* (А. Розенбаум // Аргументы и факты. 2002. 04.09).

Показательно и то, что в составе прецедентных имен собственных, связанных с постсоветской эпохой, практически нет таких, которые относятся к некоторым ранее активным смысловым группам. В частности, нет столь популярных прежде имен рядовых тружеников,

не попали в число прецедентных и имена военачальников, руководивших боевыми действиями на Северном Кавказе, и даже имена людей, совершавших подвиги в период второй кавказской войны.

Еще одна характерная черта современного периода – незначительное число новых прецедентных имен, относящихся к сфере-источнику «Литература». Имена героев произведений, написанных в последние годы, пока не стали настолько широко известными, как фамилии персонажей текстов Пушкина и Гоголя, Достоевского и Льва Толстого, Чехова и Булгакова. Необходимо отметить и то, что большинство рассмотренных прецедентных имен оказалось в контекстах с ярко выраженной негативной оценкой. Герои все больше вытесняются антигероями.

Следует указать, что в конкретных текстах нередко наблюдается сложное переплетение прецедентных имен, восходящих к различным историческим периодам, связанных с различными национальными истоками, относящихся как к миру искусства, так и к реальному миру. Такая организация текста вызывает большой интерес читателей и обеспечивает значительный прагматический эффект. Ярким примером рассматриваемого взаимодействия образов может служить следующий фрагмент.

*Кому отдастся **Татьяна Ларина**?*

*Каждая эпоха задает свои стандарты жизни, нравственности и поведения. Помните знаменитые слова **Татьяны Лариной** из пушкинского «**Евгения Онегина**»? «Но я другому отдана; я буду век ему верна». Нынешнее поколение молодежи оказалось в сложном положении: оно как бы зажато между двумя моделями жизни.*

*Значительная часть молодежи, которая была «родом из СССР», оказалась в сложном психологическом положении: капитализм рассыпал по улицам массу соблазнов. А как делать жизнь не по **Павке Корчагину**, а по **Биллу Гейтсу**, никто не научил. Научиться жевать жвачку, пить кока-колу оказалось легко. А вот как встраиваться в совсем другую жизнь, где требуется новая энергия, изворотливость, умение держать удар, рисковать и делать собственный выбор?*

*На первом этапе вживания в новый порядок в мозгах и сердцах современных **Онегиных** и **Ленских** все смешалось. Социологические опросы вскрывали удручающие перекосы молодежного сознания. **Татьяны Ларины** мечтали стать проститутками, **Онегины** осваивали бандитские ухватки, **Ленские** пристрастились к сексу и «травке». И чуть ли не все мечтали стать **абрамовичами** и **ходорковскими**.*

За последние 3-4 года ориентиры молодежи стали «остепеняться». Романтика бластного капитализма ушла в прошлое. Что касает-

ся *«списка Форбса»*, то выяснилось, что он очень короткий и для счастья нужно искать другие места.

...Пройдя через испытания кризисом, молодежь подойдет к следующим выборам серьезно повзрослевшей. И задавать себе она будет не вопросы, кто побежит за «Клиным» или кто прогремит на очередной «Фабрике звезд», а вопросы совсем другого свойства. Найду ли я в ближайшие годы работу? Удастся ли получить образование? Смогу ли позволить себе создать семью? (В. Костиков. Кому отдастся **Татьяна Ларина?** // Комсомольская правда. 2009. 01.02).

В рассматриваемом тексте удачно взаимодействуют имена собственные, которые используются в основном (прямом) и метафорическом значениях. Одни из них восходят к отечественному дискурсу, другие – к зарубежным реалиям. Многие из этих образов созданы в творческой лаборатории писателя, но их дополняют имена, заимствованные из реальности. Образы современности удачно взаимодействуют с теми, которые рождены советской и досоветской действительностью, что позволяет, говоря о вечных ценностях, использовать контраст между прошлым и настоящим.

Итак, представленное исследование позволяет сделать вывод о том, что в постсоветскую эпоху произошли значительные изменения в сфере прецедентных имен собственных. С одной стороны, в современной массовой коммуникации сохраняются живые связи с опытом прошлого, с тем арсеналом прецедентных имен, который создавался на протяжении многих столетий. Значительная часть этих онимов до сих пор присутствует в составе общеупотребительной лексики, не испытывая тенденции к архаизации. Вместе с тем арсенал прецедентных феноменов в последние два десятилетия существенно расширился. Он особенно активно пополнялся за счет имен, относящихся к сферам экономики (олигархи), политики и государственного управления (*Чубайс, Путин, Лужков*), журналистики (*Сванидзе, Доренко*), криминала (*Мавроди, Чикатило, цапки, майор Евсюков*) и массовой культуры (*Лепс, Пугачева, Киркоров, Цой, Успенская*).

Вместе с тем существенно изменились смысловые сферы, к которым относятся прецедентные онимы-неологизмы. Среди новых источников прецедентности практически нет так характерных для советской эпохи имен знаменитых рабочих, военнослужащих, летчиков и поляриков. Не проявляют активности в современной массовой коммуникации и имена героев новейшей литературы. Очевидно, данные изменения обусловлены прежде всего трансформацией социальной ситуации, динамикой сфер, которые вызывают максимальный общественный интерес, и, конечно, переходом от тоталитарного дискурса массовой

коммуникации к демократическому. Обозначенные тенденции в значительной мере обусловлены также глобальными направлениями развития современной цивилизации.

Создается впечатление, что в современной массовой коммуникации максимальную активность в качестве источников прецедентности проявляют тексты, связанные с массовой культурой. А чрезвычайно частотное обращение к этим текстам, несомненно, способствует быстрому обновлению арсенала прецедентных имен, характерных для современной российской массовой коммуникации.

Можно предположить, что уже сейчас многие ключевые антропонимы тоталитарной эпохи при упоминании в современных СМИ требуют лингвокультурологического комментария, поскольку превращаются в архаизмы и историзмы. Это же относится и к таким ярким в период перестройки прецедентным именам, как член Политбюро Егор Лигачев, следователь Гдлян, первые советские официальные миллионеры и «золотые перья» демократической публицистики.

С другой стороны, можно ожидать, что в скором будущем аналогичная судьба ожидает и антропонимы-неологизмы, получившие широкое распространение в начале XXI века. И, конечно, только в отдаленном будущем станет известно, какие из современных прецедентных имен войдут в «золотой фонд» отечественной прецедентности.

При конкретном анализе имен собственных зачастую важно различать онимы-неологизмы и онимы-окказионализмы. В последнем случае имеются в виду вторичные значения, смысл которых понятен только в рамках данного текста, определенной ситуации. Приведем пример:

*В 2007 году в Орел направили нового начальника областной милиции **Владимира Колокольцева**. Вскоре возбудили громкие уголовные дела против двух вице-губернаторов. Строев все понял... Мы все понимаем, что к каждому ветерану губернаторского корпуса можно послать своего **колокольцева**, и тот многое нароеет в его ближайшем окружении* (Е. Черных // Комсомольская правда. 2010. 7–14.10).

В рассматриваемом случае ближайший контекст свидетельствует, что имя генерала Владимира Колокольцева выступает как своего рода символ угрозы провинциальным топ-менеджерам: его назначение на должность руководителя областной милиции предвещает уголовное преследование политической элиты региона. Показательно, что рассматриваемое имя в традиционном денотативном употреблении начинается с прописной буквы, а прецедентное имя в коннотативном (метафорическом) употреблении напечатано в данном тексте со строчной буквы. Однако вполне понятно, что имя грозного милицейского гене-

рала известно лишь «в узких кругах» его соратников и потенциальных жертв.

Высокая скорость исторических изменений, постоянное обновление состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов – характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных. Одни из них приходят на миг, другие – на века, но в целом можно сделать вывод о том, что рассматриваемые метафоры, восходящие к именам собственным, как правило, менее долговечны, чем образы, восходящие к именам нарицательным. И особенности современной российской массовой коммуникации, несомненно, способствуют ускорению названных процессов.

2.4. Прецедентные урбонимы-неологизмы

Кондопога и Пикалево

как ключевые слова текущего момента

В предшествующем разделе было отмечено, что состав метафорических онимов, относящихся к числу «ключевых слов текущего момента», в начале нашего века существенно обновился. Основная задача настоящего параграфа – детальное рассмотрение истории двух чрезвычайно активных в последние годы метафор, что призвано продемонстрировать действие закономерностей, выявленных в предыдущем разделе.

Основой для рассматриваемых метафор послужили названия двух провинциальных российских городов, которые недавно получили широкую, хотя и не вполне позитивную известность.

История превращения урбонимов *Кондопога* и *Пикалево* в ключевые метафоры текущего момента очень схожа. Эти населенные пункты объединяет немало общих признаков: они находятся в соседних регионах (Карелия и Ленинградская область), имеют многовековую историю, однако статус города приобрели в советскую эпоху. Это небольшие по числу жителей (до 35 тысяч) «моногорода», основой экономики каждого из них является одно промышленное предприятие, которое было создано в годы индустриализации и от которого до настоящего времени зависит жизнь горожан. В Кондопоге она относительно благополучна (целлюлозно-бумажный комбинат успешно работает), катастрофа в пикалевской экономике связана с конфликтом между собственниками некогда единого цементного завода.

Как известно, в каждом из этих городов относительно недавно произошли массовые беспорядки, в процессе которых местные жители выражали недовольство сложившейся социальной ситуацией и демон-

стрировали негативное отношение к «чужакам» (мигрантам и олигархам). Прекращению уличных столкновений в Пикалеве и Кондопоге способствовало активное вмешательство В. В. Путина, который требовал от местных властей и владельцев предприятий соблюдать законность и в полной мере учитывать интересы местных жителей.

Для обозначения проявлений социальной активности кондопожцев и пикалевцев вскоре стали образно использовать соответствующие урбонимы. Впоследствии эти же названия начали образно употреблять для обозначения аналогичных событий в других населенных пунктах, и даже для характеристики умонастроений, способных привести к таким событиям.

Показательно, что, осуждая незаконные действия кондопожцев и пикалевцев (столкновения с мигрантами, требование выселить из города «кавказцев», препятствование движению транспорта, неподчинение требованиям милиции и оскорбительные высказывания в ее адрес, а также в адрес сотрудников прокуратуры, руководителей города и региона), многие российские политические лидеры и журналисты говорили о своем понимании истоков социального протеста. Во многих авторитетных российских СМИ высказывалось мнение, что в случившемся виноваты не только и не столько участники уличных столкновений. Журналисты писали, что мигрантам следовало бы больше уважать традиции народов, которые издавна проживают на северо-западе России, а владельцы предприятий должны думать не только о прибыли, но и об ответственности за судьбы людей, которые своим трудом создают эту прибыль.

Важно отметить, что руководители Кондопоги и Пикалева (а также руководители Карелии и Ленинградской области) в своих выступлениях говорили преимущественно о вине «чужаков» и в той или иной степени оправдывали поступки местных жителей. Создается впечатление, что участники выступлений пользовались поддержкой абсолютного большинства земляков, в том числе тех, кто не принимал участие в незаконных действиях.

Показательно, что на всех кондопожских и пикалевских интернет-форумах и чатах была представлена по существу одна точка зрения. Она сводится к следующим ключевым мыслям: «чужаки» (в одном случае «олигархи», а в другом – «кавказцы») нарушают наши обычаи, они привыкли все измерять деньгами и грубой физической силой, если мы будем бездействовать, то нас и наших детей ждут полная деградация и обнищание.

Следует отметить, что некоторые авторы, пользуясь доступностью и в известной степени анонимностью Интернета, допускали

расистские высказывания и призывали к «экспроприации экспроприаторов» и «спасению Святой Руси», то есть, по существу, к новой гражданской войне. С другой стороны, в защиту «изгнанных» кавказцев выступили некоторые руководители северокавказских республик, мусульманские религиозные лидеры и даже участники вооруженных формирований, ведущих боевые действия в Чечне и Дагестане. Нашлись защитники и у владельцев предприятий, которые, по мнению сторонников шоковой терапии, имели право вести свой бизнес вне зависимости от мнения местных жителей.

В качестве источника текстового материала в данном исследовании использованы данные «Национального корпуса русского языка» (<http://ruscorpora.ru>), создатели которого дали в руки лингвистам богатейшие источники и программу, существенно облегчающую анализ языковых фактов и закономерностей. В качестве дополнительного источника использовался массив текстов из интернет-архивов общенациональных высокотиражных российских газет – «Завтра», «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», а также иные материалы СМИ. Из Интернета заимствованы и материалы свободной энциклопедии «Википедия» [<http://ru.wikipedia.org/wiki>]. На указанном сайте представлена интересная информация о соответствующих городах и о происходивших в них событиях, которые в последние годы широко освещали отечественные и зарубежные СМИ. Важным источником для исследования послужили региональные интернет-ресурсы, ориентированные на жителей Кондопоги и Пикалева, в том числе официальные сайты администрации указанных городов.

Как сообщается в интернет-энциклопедии «Википедия», **Кондопога** – это древнее поселение (с 1938 года – город) на берегу Кондопожской губы Онежского озера в Карелии примерно в 50 километрах к северу от Петрозаводска. Проживает около 33 тысяч жителей, значительная часть которых работает на Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате.

Указанная интернет-энциклопедия также сообщает, что слово *Кондопога* восходит к карельскому сложному слову *Kondupohji* (финский вариант названия – *Kontupohja*), которое можно перевести как «медвежий угол», «медвежье место». Существуют и иные предположения о значении этимона, в том числе «медвежья лапа», «медвежий залив» и др. Значение первого карельского корня, *kond* – медведь; на счет значения второго карельского корня, *pohji*, существует несколько версий. В частности, предполагают, что название поселения образовано от наименования водоема («медвежий залив»), на берегу которого

оно расположено. Такая модель образования топонима широко распространена в ономастике, в том числе на русском Севере.

В подготовленном Ф. Л. Агеенко справочнике «Русское словесное ударение. Словарь имен собственных» [Агеенко 2001] рекомендовано ударение на предпоследнем слоге. По нашим наблюдениям, именно с таким ударением слово *Кондопога* произносят и дикторы ведущих российских телеканалов.

Следует, однако, отметить, что старожилы Карелии обычно произносят название *Кондопога* с ударением на первом слоге, что, несомненно, связано с типичным для карельского языка произношением, поскольку карельское название этого города хорошо известно большинству его жителей.

Как отмечает А. В. Суперанская, для русского языка характерна тенденция к переносу ударения в именах собственных, заимствованных из финно-угорских языков, с первого слога на один из последних [Суперанская 1969: 177].

Показателен следующий диалог журналиста Татьяны Витебской и президента Карелии Сергея Котандова.

– *В справочнике для журналистов написано, что ударение в слове Кондопога падает на третий слог. Вы делаете ударение на первый. Как правильно?*

– *И то и другое правильно. В переводе с карельского и финского Кондопога означает «Святое место». У этого города большая история. Традиционно там жили старoverы* (Известия. 24.11. 2006)

Президент совершенно справедливо говорит о вариативности ударения в слове *Кондопога*; вполне понятно и то, что человек, хорошо знающий карельский язык, использует произношение, близкое к звучанию данного слова в языке-источнике. Однако предлагаемая им этимология и ее связь с религиозными убеждениями древних жителей города у специалистов могут вызвать серьезные сомнения.

В этом отношении очень интересна точка зрения доцента университета Хельсинки Янне Саарикиви (Janne Saarikivi), известного специалиста в сфере финско-балтийско-славянских языковых контактов, которому при содействии профессора Арто Мустайоки была направлена на рецензию одна из наших статей. Ниже приводится отрывок из рецензии, в которой для названия Кондопоги предлагается совершенно иная этимология.

Кондопога – это прозрачное название. Оно состоит из двух частей. 1. kontu – «однодворное поселение»; 2. pohia – «залив, губа». Однако уже невозможно определить, было ли это место названо впервые в карельском языке или название представляет вепсский суб-

страт. Теория, согласно которой название города переводится как «Медвежий угол», – это всего лишь народная этимология. Также нет никакого основания для того, чтобы переводить это название как «святое место». Это всего лишь типичное народное объяснение любого непонятного названия субстратного происхождения. Похожие объяснения часто встречаются на русском Севере.

То, что ударение в этом названии в местном диалекте на первом слоге, – это закономерность адаптации прибалтийско-финских названий в русском языке.

В словаре-справочнике «Русские названия жителей» [Городецкая, Левашов 2003] сообщается, что город называется *Кондопога* (с ударением на предпоследнем слоге), но отмечается, что существует и «местный вариант» названия с ударением на первом слоге. Там же говорится, что жителей этого города называют *кондопожец* (родительный падеж – *кондопожца*), *кондопожцы* (родительный падеж – *кондопожцев*), *кондопожане* (родительный падеж – *кондопожан*), *кондопожанин* (родительный падеж – *кондопожанина*), *кондопожанка* (родительный падеж – *кондопожанки*), *кондопожанки* (родительный падеж – *кондопожанок*). Во всех случаях указывается ударение в именительном падеже на предпоследнем слоге, но не сообщается о возможности ударения на первом слоге в рассматриваемых словах.

По данным официального сайта администрации города Кондопога, первое письменное упоминание о нем относится к 1495 году, однако наиболее широкую известность город Кондопога приобрел в сентябре 2006 года, когда в нем произошли межнациональные столкновения, о которых детально рассказывали российские и зарубежные СМИ. Своего рода итогом этих столкновений стала смерть двух местных жителей, которых убили выходцы из Чечни, множество раненых и покалеченных, разгромленные и сожженные кафе и магазины. Милиция задержала более ста участников беспорядков, из Кондопоги спешно выехали более тридцати кавказских по происхождению семей. Несколько преступников были осуждены, но судебные разбирательства продолжаются.

Разумеется, межнациональные конфликты в нашей стране случались и ранее, но, по словам известного петербургского этнолога А. К. Байбурина, события в Кондопоге «впервые в постсоветской истории России квалифицировались как этнические погромы», тогда как ранее в официальных документах говорилось только о межнациональных столкновениях [Байбурин 2007: 153], которые стремились объяснить экономическими причинами, происками криминальных авторитетов или случайным стечением обстоятельств. Эти события получили

настолько широкий общественный резонанс в России и за ее рубежами, что это сделало уже невозможным использование прежних политкорректных эвфемизмов.

Об этнических погромах в Кондопоге детально рассказывали множество отечественных и зарубежных СМИ, а слово *Кондопога* вскоре стало использоваться для обозначения массового конфликта между коренными жителями этого города и мигрантами. Уже 14 сентября 2006 года журналист М. Бударагин писал: *Вопреки тому, что конфликт в Кондопоге находился в центре внимания СМИ, а само слово «Кондопога» стало нарицательным, едва ли не самый важный аспект происходящего оказался полностью проигнорированным...* (М. Бударагин // Известия. 2006. 14.09).

Следует учитывать, что у рассматриваемого имени собственного существует по меньшей мере три вторичных значения. В первом случае данное слово используется в значении «межнациональные столкновения, которые происходили осенью 2006 года в Кондопоге». Ср.:

***Кондопога** поставила принципиальный вопрос, который в итоге был обойден единодушным молчанием. Этот вопрос касается социального планирования современного общежития* (М. Бударагин // Известия. 2006. 14.09). *Сначала все было гладко. Но вдруг приключилась **Кондопога**. И оказалось, что русские делятся на ксенофобов и интернационалистов* (В. Волошин // Комсомольская правда. 2007. 03.09).

Подобный метонимический перенос по модели «название населенного пункта – название события, которое произошло в данном населенном пункте» относится к числу регулярных, типичных для русского языка путей развития словесной семантики. Например, слово *Сталинград* может обозначать Сталинградскую битву, а название села *Бородино* используется для обозначения соответствующего сражения. Похожее развитие значений обнаруживается и в других языках: в частности, можно вспомнить историю Франции эпохи Великой революции и империи Наполеона Бонапарта и причины развития аналогичных вторичных значений у топонимов *Вандея*, *Ватерлоо*, *Тулон*.

В других случаях слово *Кондопога* используется в обобщенном смысле для обозначения межнациональных столкновений, которые происходят или могут произойти в самых различных населенных пунктах России. Ср.:

*Удастся ли предотвратить новую **Кондопогу** на Ставрополье?* (Д. Степанов // Комсомольская правда. 2007. 06.06). *Как казаки обошлись без **Кондопоги*** (В. Ворсобин // Комсомольская правда. 2007. 20.03). *Под Саратовом предотвратили **Кондопогу*** (Lenta.ru – Известия. 15.09.2006). *Не должно быть засилья любой этнической общины.*

У нас **Кондопога** не повторится (М. Ахромова // Труд. 2007. 07.06). *Всех непьющих мужиков в России переписуют, чтобы не повторилась Кондопога* (Д. Стешин // Комсомольская правда. 2006. 24.10). Чуть менее года назад в Вольске Саратовской области произошла драка между русскими и выходцами с Кавказа. И на лентах информгентств замелькали слова: «очередная вспышка ксенофобии», «массовые беспорядки», «погромы»... Городок на Волге был назван второй **Кондопогой** (В. Выжутович // Российская газета. 2007. 8.06).

Переносное значение рассматриваемого типа образовано по менее регулярной метафорической модели «Название события – обозначение события, которое так или иначе похоже на то, которое содержится в мотивирующем значении». Подобная семантика встречается, в частности, при использовании в современной массовой коммуникации слов *Хиросима* и *Чернобыль* для номинации возможности иных катастроф.

Отметим и более сложный случай, когда слово *Кондопога* метафорически используется не для обозначения реальных столкновений, а для характеристики умонастроений, которые могут привести к межнациональным конфликтам.

Кондопога-то у нас везде. По данным Левада-Центра, сегодня идею «Россия для русских!» поддерживают уже свыше половины граждан многонациональной страны (Г. Ильичев // Известия. 2006. 05.09). Правительство запретило работу мигрантов в торговле. Это де-факто упразднило свободу торговли. Это, если определять первопричину одним словом и без политической корректности – **Кондопога** (А. Колесников – РИА Новости. 16.11.2006). Как отмечает депутат Государственной Думы Иван Мельников, сейчас «Кондопога – это собирательный образ. Потенциально **Кондопога** – сегодня в каждом российском городе» (Синдром Кондопоги // Российская газета. 2007. 8.06).

Подчеркнем, что при образном использовании данного урбонима обнаруживается особая лексическая сочетаемость: СМИ пишут о *новой Кондопоге*, о *второй Кондопоге*, о *сибирской Кондопоге*, о том, что *Кондопога у нас везде*, о *повторении* и *предотвращении Кондопоги*. Подобные словоупотребления нехарактерны для стандартных онимов, но типичны для имен нарицательных, возникших на основе преобразования семантики имен собственных.

В целом рассмотренный материал свидетельствует о том, что переносные значения, появление которых связано с межнациональным конфликтом в Карелии, широко используются в современной российской прессе для обозначения как событий в указанном городе, так и иных столкновений между коренными жителями и мигрантами, а так-

же для характеристики социальных настроений, которые могут привести к этническому конфликту. Вместе с тем материалы «Национального корпуса русского языка» и иных интернет-ресурсов показывают, что абсолютное большинство рассматриваемых словоупотреблений относится к 2006 и 2007 гг. Уже в 2008 году частотность подобных образов в общенациональных СМИ, адресованных массовому читателю, резко сокращается.

Не менее интересна и история метафорических значений города Пикалево. Как сообщает интернет-энциклопедия «Википедия», Пикалево – это город (с 1954 года) на востоке Ленинградской области в 223 километрах от Санкт-Петербурга. Население – около 22 тысяч жителей. Расположен на месте древнего поселения, упоминание о котором появилось уже в 1620 году. В 1906 году на железной дороге Петербург – Вологда была создана станция Пикалево, названная по фамилии крестьянина Пикалева – основателя соседнего хутора.

Местные жители с давних пор произносят название своего города с ударением на третьем слоге, в котором наличествует фонема [О] – Пикалѐво. Такое произношение отражено и в орфоэпическом справочнике [Агеенко 2001]. На официальном сайте администрации города подчеркивается, что это название последовательно изменяется по падежам (*Был в Пикалеве, Уехал из Пикалева*), а неизменяемые формы существительного (*Был в Пикалево, Уехал из Пикалево*), по мнению создателей сайта, не соответствуют традициям.

Однако центральная пресса в абсолютном большинстве случаев использует указанное существительное как несклоняемое (об этом свидетельствуют и все приводимые ниже примеры).

В словаре-справочнике «Русские названия жителей» [Городецкая, Левашов 2003] название города написано с буквой «ё» третьем слоге. Далее сообщается, что жителей города называют *пикалѐвцы* (форма родительного падежа – *пикалѐвцев*). Здесь же говорится, что отдельный житель города – это *пикалѐвец* (форма родительного падежа – *пикалѐвца*), но не сообщается, как называют женщин, проживающих в Пикалѐве.

Осенью 2008 года в прежде благополучном городе Пикалево осложнилась социально-экономическая ситуация, вызванная конфликтом между владельцами трех ведущих предприятий, составлявших раньше одну технологическую цепочку. Результатом конфликта стала остановка этих предприятий, невыплата заработной платы, безработица, прекращение горячего водоснабжения. В знак протеста против тяжелой социально-экономической ситуации жители города 2 июня 2009 года перекрыли федеральную трассу. Проблемы были решены

только после совещания, которое 4 июня провел в Пикалево председатель правительства В. В. Путин, убедивший владельцев подписать протокол о сотрудничестве.

Очень скоро у названия *Пикалево* появились вторичные значения, весьма похожие на вторичные значения, которые ранее возникли у слова «Кондопога». Вновь название маленького российского города стало употребляться как имя нарицательное.

Во-первых, слово *Пикалево* стало метонимически использоваться для обозначения той тяжелой социально-политической ситуации, которая сложилась в указанном городе после остановки предприятий, и того стихийного протеста жителей, который шел вразрез с существующими в стране законами. Жестокость и бескомпромиссность межнациональных столкновений в Пикалево совершенно не соответствовали российским традициям и обычаям северян, которые всегда считались спокойными и не склонными к конфликтам людьми. Ср.:

Эксперты обсуждали ситуацию «после Пикалево». Авторы показали, как капитаны бизнеса уже в кризисный 2008 год получали многомиллиардные дивиденды (В. Юрьев // Аргументы и факты. 2009. 37). Пикалево не должно повториться (Подзаголовок раздела в статье: А.Беляев // Комсомольская правда – Екатеринбург. 2009. 1.07).

Во-вторых, слово *Пикалево* все чаще употребляется для обобщенного обозначения социально-политических конфликтов, в которых люди, нарушая закон, препятствуют движению транспорта по автомобильным и железным дорогам. Примером может служить заголовок статьи «Свердловское Пикалево», в которой рассказывается о ситуации на Фарфоровом заводе в городе Богдановиче Свердловской области, где 250 рабочих, не получивших зарплату, пытались перекрыть федеральную трассу (А. Смирнова // Аргументы и факты на Урале. 2009. № 27).

Наконец, возможен вариант, когда слово *Пикалево* обозначает социальные конфликты, которые не обязательно заканчиваются перекрытием федеральных трасс и другими нестандартными формами массового протеста, но требуют срочного вмешательства высшего руководства страны. Ср.:

Пикалево у нас будет неоднократно. К концу года мы получим целый ряд локальных возмущений. Но взрыва на федеральном уровне не будет (Е. Гонтмахер // Московский комсомолец. 2009. 9.09). Поселок Сычево грозит стать новым Пикалево (Л. Иванов // Newsland. 2010. 07.02). Моногород под Кировом может превратиться во второе Пикалево... Скорее всего, бунта, подобного пикалевскому, в Вятских Полянах так и не случится. Здесь нет дорог, которые можно пере-

крыть, здесь нет конкретных виновных – они вообще малоизвестны, как и причины случившегося (А. Коц, Д. Спешин // Комсомольская правда. 2010. 27.03).

Показательно, что при образном использовании рассматриваемого урбонима обнаруживается особая сочетаемость: СМИ пишут о *новом Пикалево*, о *втором Пикалево*, о *свердловском, кировском и ставропольском Пикалево*. В подобных контекстах не обязательно имеется в виду именно перекрытие дорог: как известно, формы социального протеста могут быть различными. На первый план в значении слова выходит социальный протест, по существу, «бессмысленный и беспощадный» русский бунт. Можно сурово наказать его зачинщиков, но государство обязано в первую очередь бороться с причинами, обусловившими массовые выступления, и гарантировать соблюдение конституционных норм и общепризнанных прав человека на всей своей территории.

Проанализированный материал демонстрирует, что активность метафорического использования слова *Пикалево* пока не снижается. Вместе с тем в современных СМИ эпизодически встречается и образное использование названий некоторых других российских городов. К их числу относятся, в частности, те, которые связаны с широко известными событиями советской эпохи (*Новочеркасск, Сталинград*) и с трагическими эпизодами в истории современной России (*Беслан, Хасавюрт*).

Исследование свидетельствует о том, что в современных медийных текстах могут использоваться вторичные значения урбонимов, связанных с обозначением событий, происходящих в этих городах, а также с номинацией аналогичных событий, которые произошли в других населенных пунктах. Подобные метафоры иногда ярко «вспыхивают» (активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес у читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий), нередко быстро уходят из активного употребления. Часто оказывается так, что уже через несколько лет ранее активные прецедентные метафоры не вызывают прежнего эмоционального отклика читателей, оказываются им не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

Вместе с тем встречаются прецедентные метафорические образы, которые надолго остаются в арсенале политиков и журналистов. Например, легко вспомнить метафоры, рождение которых связано с Великой Отечественной войной (*Сталинград, Брестская крепость, Нюрнберг*). Многие из них активно используются и в современной политической коммуникации, поскольку реалии сегодняшней политики и

экономики нередко напоминают о ситуациях, характерных для военного времени, а многовековая история нашей страны обусловила высокую активность милитарных образов.

Как справедливо указывает Е. С. Отин, «коннотативные онимы с развивающимися созначениями, вероятно, являются одной из ономастических универсалий, присущей лексике большинства языков» [Отин 2003: 58]. Некоторые из этих имен имеют интернациональный характер: в самых различных языках используются такие коннотативные онимы, как *Вавилон*, *Содом*, *Эльдорадо*, *Аркадия*, *Лас Вегас*. Вместе с тем арсенал онимов, активно употребляющихся во вторичных значениях, имеет национальный характер. Он обусловлен историей и культурой соответствующего народа, тесно переплетен с социальными потрясениями, которые ярко запечатлелись в народном сознании. Для комплекса таких имен характерна постоянная изменчивость, неразрывная связь с событиями, которые находятся в центре общественного внимания на том или ином этапе развития страны. Поэтому вполне закономерно, что арсенал российских коннотативных урбонимов в постсоветский период постоянно обновляется: с одной стороны, по-прежнему активно используются некоторые значения, возникшие в советскую и досоветскую эпохи, с другой – возникают коннотативные значения у новых онимов, но они нередко быстро уходят из активного употребления. Можно предположить, что рассмотренные коннотативные значения урбонимов *Пикалево* и *Кондопога* едва ли ожидает долгая жизнь.

Авторы медийных текстов, ориентированных на массовую коммуникацию, должны учитывать, что вторичные значения урбонимов (и иных топонимов) обычно связаны с единичными и уникальными феноменами, знания о которых не всегда долго сохраняются в памяти лингвокультурного сообщества. Так, современные студенты (некоторым исключением, возможно, являются будущие политологи, социологи и историки), как правило, уже не помнят, где находился М. С. Горбачев во время путча, а также где именно лидеры России, Украины и Белоруссии приняли решение о прекращении существования Советского Союза. А такой уровень эрудиции делает невозможным правильное восприятие соответствующих коннотативных онимов *Форос* и *Беловежская пуща*. Именно этим и объясняется недолгий срок активного использования в средствах массовой информации большинства прецедентных онимов. Можно предположить, что коннотативная составляющая в названиях *Кондопога* и *Пикалево* в ближайшие годы окажется значимой лишь для немногих читателей высокотиражной прессы.

Представленные в настоящем разделе материалы, иллюстрирующие, с одной стороны, стремительное распространение в современной политической коммуникации коннотативных урбонимов *Пикалево* и *Кондопога*, а с другой – быстрое сокращение частотности использования соответствующих вторичных значений уже через год-два после соответствующих событий, легко дополнить материалами, относящимися к иным видам прецедентных онимов.

Вместе с тем анализ закономерностей преобразования имени собственного в прецедентный топоним-неологизм позволяет выделить в этом процессе несколько типовых этапов:

- повышенная частотность функционирования имени собственного в стандартном значении, которая объясняется важными событиями, связанными с соответствующим населенным пунктом;

- использование топонима в качестве образного обозначения событий, которые произошли в этом населенном пункте (Кондопога – события в Кондопоге);

- использование данного имени собственного для обозначения событий, которое произошли в ином населенном пункте (уральская Кондопога, Кондопога на Волге и др.);

Возможно также дальнейшее развитие семантики прецедентного онима, например, использование слова *Кондопога* при метафорическом обозначении не реальных межнациональных столкновений, а лишь для характеристики умонастроений, которые могут привести к межнациональным конфликтам (*Кондопога в головах и душах*).

После того как соответствующие события оттесняются на периферию национального сознания и в той или иной степени забываются, начинается процесс превращения соответствующего онима в архаизм. Например, столь важные для советской эпохи прецедентные онимы – символы межнациональных конфликтов, как Сумгаит и Фергана, в настоящее время крайне редко упоминаются в массовой коммуникации.

2.5. Региональные и общероссийские прецедентные онимы: Куцевская и Цапки

Основной предмет исследования в настоящем разделе – прецедентный топоним *Куцевская* (региональный разговорный вариант *Куцевка*) и прецедентный антропоним *Цапок* (*цапки*), которые ранее были знакомы только жителям Краснодарского края, но получили общероссийскую известность в конце 2010 года.

Первый из названных прецедентных онимов стал своего рода символом противоестественного сращения преступных сообществ и властных структур, результатом которого являются жестокие криминальные события. Второй рассматриваемый прецедентный оним превратился в метафорическое обозначение совершенно обнаглевших преступников, которые, пользуясь покровительством милиции и иных властных структур, совершают бесчеловечные преступления.

Историческая справка. История казачьей станицы Куцевская (Куцевка) начинается с 1794 года, когда по велению Екатерины Великой на Кубань были переселены запорожские казаки. Куцевские казаки прославились своими подвигами во многих боевых действиях. В настоящее время эта станица является центром самого северного района Краснодарского края с населением около 73 тысячи человек, из которых почти половина проживает в райцентре.

Филологическая справка. Местные жители произносят название своей станицы с ударением на втором слоге, где после мягкого согласного перед твердым буквой Е обозначает фонему [о]. Название станицы в разговорной речи имеет два варианта: *Куцевская* и *Куцевка*, но официальным статусом обладает только первый.

Криминологическая справка. Ситуация в станице Куцевской привлекла особое внимание СМИ после того, как 5 ноября 2010 года в доме местного фермера были обнаружены трупы 12 человек, среди которых оказалось четверо детей. Преступники подожгли дом, чтобы скрыть следы преступления. Непосредственные исполнители преступления и его организаторы вскоре были задержаны, однако выяснилось, что это убийство по существу оказалось лишь высшей точкой страшной череды преступлений, совершавшихся в Куцевской при молчаливом согласии администрации и силовых структур. Некоторые офицеры милиции оказались прямыми пособниками бандитов.

По версии следствия, руководителем преступного сообщества в Куцевской был кандидат социологических наук, депутат и бизнесмен Сергей Цапок, «продолживший» дело своего брата Николая, который руководил куцевскими бандитами до смерти в 2002 году.

В ноябре–декабре 2010 года события в Куцевской стали предметом активного обсуждения в российских электронных и печатных СМИ. В частности, проанализированный нами корпус интернет-реакций на запрос «Куцевская» насчитывает более трех тысяч текстов, причем абсолютное большинство из них тематически связано именно с преступлениями, которые в последние годы были совершены в этой кубанской станице (по данным на конец декабря 2010 года).

Преступников и попустительствовавших им чиновников осуждали самые различные авторы: политические лидеры страны, журналисты, сотрудники силовых структур, рядовые читатели и пользователи Интернета, среди которых – люди различных профессий, политических убеждений, национальностей, принадлежащие к различным религиям. В связи с событиями в Куцевской В. В. Путин, отвечая на вопросы участников прямой линии, заявил: «Я считаю, что это провал всей правоохранительной системы» [rus.ruvr.ru/ 2010.12.16]. При этом руководитель российского правительства пояснил, что ответственность лежит не только на милиции: «Там что, одна милиция не доработала? А где была прокуратура, где была федеральная служба безопасности, где была ФСКН, где были суды? А местные и региональные органы власти, они где были? Они что, ничего не видели?» [rus.ruvr.ru/2010.12.16]. О прямой ответственности властных структур за события в Куцевской говорил и президент РФ Д. А. Медведев. Показательно, что действия куцевских «беспредельщиков», не пощадивших ни в чем не повинных женщин и детей, осудили даже лидеры организованной преступности.

В процессе официального расследования выяснилось, что в Куцевской члены банды Цапков (не обязательно носящие ту же фамилию, что и главарь) еще с конца прошлого века были известны как *цапки*. Таким образом, оказалось, что фамилия *Цапков* стала восприниматься как имя нарицательное, как обобщенное обозначение членов группы преступников, возглавляемой сначала Николаем, а потом Сергеем Цапками. Рассмотрим несколько характерных примеров, представленных в электронных и печатных СМИ.

*В 1997 году к Джалилю, сыну состоятельного фермера, подошли двое «бойцов» и заявили, что если он хочет «беспроблемно» встречаться со своей девушкой, то должен заплатить. Джалиль без особых разговоров их избил. С тех пор начались драки между друзьями Джалиля, которых стали называть «татарами», и **цапками** (kprf.debesi.ru). Местные боятся, что на смену **цапкам** в Куцевскую пришли новые отморозки (КР.RU – Краснодар).*

Следующий этап развития семантики рассматриваемого преедентного онима определяется тем, что *цапками* стали называть не только членов преступной группы под руководством Николая и Сергея Цапков, но и иных преступников, среди которых было много уличных хулиганов и насильников. Ср.:

*Здесь так обычно бывает: появляется новая девушка – на нее набрасываются. У беспредельщиков есть фамилии, имена, клички, но их всех зовут **цапками** (Российская газета // Неделя. 2010. 16.12). Доходи-*

ло до того, что «**цапки**» заходили в аудитории прямо во время лекций, забирали понравившихся девушек и увозили их с собой (lenta.ru/news). Куцевский судья ответил за **цапков**. Александра Яценко лишили не только должности, но и судейской пенсии и полагающихся льгот (Комсомольская правда. 2010. 22.12).

Еще более показательны контексты, где прецедентный антропоним **цапки** используется как обобщенное метафорическое обозначение российских бандитов, которые, как известно, совершают свои преступления не только в кубанских станицах. Соответственно название станицы *Куцевская* (*Куцевка*) превратилось в обобщенное метафорическое обозначение российских населенных пунктов, где царствует криминал. Можно предположить, что многие из представленных ниже контекстов рождены болью и обидой, они представляют собой гиперболы, призванные немедленно привлечь внимание общественности к делу борьбы с преступностью. Однако именно подобные метафоры наиболее ярко демонстрируют специфику употребления рассматриваемых слов. Ср.:

*В Москву надо было писать. Так нет – все молчали, на что и рассчитывали убийцы. А ведь таких **Куцевок** и таких **Цапков** в России тысячи (eg.ru/daily/crime). Вся Россия – это большая станица **Куцевская**, которой правят **Цапок** и **Цеповяз** (livejournal.com). **Куцевская** могла быть где угодно. Не факт, что она не случится в Тюмени, Новгороде или Владивостоке, Калининграде или Свердловской области (Kiselev.leavejournal). Симбиоз чиновников, правоохранителей и уголовников является настолько типичным явлением, что Федерацию можно было бы называть **Куцевской**. На кого надеется президент Медведев, когда говорит о модернизации? На **цапков** и их подельников в органах власти? (pzrk.ru).*

Отметим, что в рассмотренных выше контекстах обнаруживаются и собственно лингвистические показатели перехода имени собственно *Цапок* в имя нарицательное. Об этом говорит, в частности, вариантность в использовании прописных и строчных букв (*цапки* и *Цапки*). Еще один показатель указанного перехода – использование форм множественного числа в случаях, когда речь вовсе не идет о членах одной семьи или однофамильцах. Своего рода показателем нестандартности словоупотребления служит и написание прецедентного антропонима с использованием кавычек.

Итак, при развитии семантики прецедентного онима *Цапок* (*цапки*) по направлению от имени собственного (фамилия *Цапок*, множ. число *Цапки*) к имени нарицательному *цапок* (множ. число *цапки*) можно выделить пять этапов.

1. Фамилия *Цапок (Цапки)* в станице Куцевской с середины 90-х гг. прошлого века начинает регулярно употребляться в контекстах, связанных с преступным поведением членов соответствующей семьи.

2. Фамилия *Цапок (Цапки)* начинает использоваться в станице Куцевской в конце 90-х гг. прошлого века для обобщенного обозначения членов банды, возглавляемой Николаем и Сергеем Цапками. Антропоним *Цапки (цапки)* становится прецедентным.

3. Прецедентный антропоним *Цапок (Цапки)* с начала прошлого десятилетия применяется в Куцевском районе по отношению к различным преступникам из станицы Куцевской (не обязательно членам банды во главе с Цапками). Данный прецедентный антропоним в первые годы своего существования имел региональный характер, то есть был известен только на севере Краснодарского края.

4. В результате широкого освещения ведущими СМИ России событий, связанных с убийством 5 ноября 2010 года 12 человек в станице Куцевской, региональный прецедентный антропоним *Цапок (цапки)* приобретает общероссийскую известность (но по-прежнему обозначает только куцевских бандитов).

5. Прецедентный антропоним *Цапок (цапки)* приобретает еще более обобщенный смысл и с конца 2010 года начинает обозначать преступников в самых различных городах России (не обязательно в станице Куцевской), то есть становится общероссийским.

Соответственно в развитии семантики прецедентного топонима *Куцевская* (разговорный региональный вариант *Куцевка*) можно наметить следующие стадии.

1. Название казачьей станицы *Куцевская (Куцевка)* начинает в пределах Краснодарского края регулярно использоваться в контекстах, связанных с разгулом преступности в соответствующей станице (конец 90-х гг. прошлого века).

2. Имя собственное *Куцевская (Куцевка)* с конца 90-х годов прошлого века начинает восприниматься на Кубани как образное обозначение поселения с высоким уровнем преступности, в результате чего топоним *Куцевская (Куцевка)* превращается в региональный прецедентный оним.

3. Название кубанской станицы *Куцевская (Куцевка)* приобретает общероссийскую известность в связи жестоким убийством 5 ноября 2010 года семьи фермера Аметова и его гостей. В общероссийских СМИ абсолютное большинство упоминаний о *Куцевской (Куцевке)* связано с убийством семьи фермера Аметова.

4. Название кубанской станицы *Куцевская (Куцевка)* становится образным обозначением жестокого убийства, жертвами которого в

ноябре 2010 года стали 8 взрослых и четверо детей. Топоним *Куцевская (Куцевка)* становится прецедентным.

5. Прецедентный топоним *Куцевская (Куцевка)* после жестокого преступления в ноябре 2010 года начинает использоваться для обозначения криминальной ситуации в названной станице. Ведущей причиной преступления стала долгая безнаказанность бандитов, которая обеспечивалась их дружескими и родственными связями во властных структурах.

6. Прецедентный топоним *Куцевская (Куцевка)* в конце 2010 года приобретает еще более обобщенный смысл и начинает обозначать криминальную ситуацию в самых различных регионах России (не обязательно в Краснодарском крае). Основной признак такой ситуации – длительная преступная деятельность, которая обеспечивается связями преступников с сотрудниками милиции, а также халатностью и безответственностью тех, кто обязан обеспечивать комфортную жизнь граждан. В результате региональный прецедентный оним становится общероссийским.

Рассмотренный материал показал, что сначала прецедентная семантика топонима *Куцевская (Куцевка)* сформировалась в Краснодарском крае, однако в ноябре 2010 года региональный прецедентный топоним приобрел общероссийскую известность. Эта же закономерность обнаруживается и при изучении истории прецедентного антропонима *Цапки (цапки)*. Подобные факты предопределяют необходимость дифференциации прецедентных онимов регионального и общероссийского характера.

Еще одну группу прецедентных онимов российского происхождения можно определить как *интернационализмы*. В данном случае имеются в виду прецедентные имена, которые получили известность не только в России, но и за ее рубежами. Социальная жизнь России в последние десятилетия предопределила широкую известность во всем мире таких прецедентных топонимов, как Буденновск, Беслан, Хасавюрт. Однако по-настоящему глобальную известность приобрел в конце советской эпохи город Чернобыль, в котором произошла страшная катастрофа на атомной электростанции. Метафорическое представление этой катастрофы детально охарактеризовано в диссертациях Н. А. Красильниковой [Красильникова 2005] и Л. К. Никифоровой [Никифорова 2010]. Что же касается рассмотренных в данном и предыдущем разделах онимов *Кондопога*, *Пикалево*, *Куцевская (Куцевка)* и *Цапки (цапки)*, то, хотя о них и писали в зарубежных СМИ, известность соответствующих событий не приобрела масштабов глобальной.

Выводы по второй главе

Представленные в настоящей главе материалы позволяют сделать следующие выводы об основных разрядах современных российских прецедентных онимов, о ведущих закономерностях их исторической динамики и об их национальных истоках.

1. Для когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов, которые активно используются в современной массовой коммуникации, наиболее существенными на данном этапе исследования оказались следующие рубрики:

- разграничение разрядов прецедентных антропонимов, прецедентных топонимов, прецедентных названий произведений искусства и иных подобных разрядов прецедентных онимов, которые могут отличаться друг от друга типами метафорических и метонимических значений, частотностью образного использования, предрасположенностью к повышенной исторической динамике и иными свойствами, важными в контексте настоящего исследования;

- дифференциация прецедентных онимов, связанных с различными историческими этапами развития общества (советский, постсоветский, древнерусский и др.), а также с различием национальных истоков (особенно важно разграничение отечественных и зарубежных по происхождению прецедентных онимов);

- разграничение среди прецедентных антропонимов смысловых групп, которые проявляют повышенную или пониженную предрасположенность к исторической динамике, к образованию окказионализмов и неологизмов, к перетеканию отдельных общеупотребительных единиц в число историзмов и архаизмов.

На последующих этапах настоящей работы внимание будет перенесено на другие аспекты противопоставления прецедентных онимов. К их числу относится разграничение прецедентных онимов по смысловым сферам-источникам и сферам-мишеням, выделение группы прецедентных онимов в общем континууме прецедентных феноменов (прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные тексты), дифференциация прецедентных онимов, относящихся к «миру искусств» и «миру реальности»

2. Подавляющее большинство (почти 90 %) современных российских онимов, которые относятся к числу прецедентных и могут употребляться метафорически, являются антропонимами. И это вполне закономерно: в центре внимания человека находится прежде всего сам человек, человеческое общество и его наиболее яркие представители.

Значительно реже в качестве прецедентных имен используются топонимы – чаще всего это названия государств и городов, а также улиц, отдельных зданий. И лишь немногие прецедентные онимы являются в первичных значениях названиями художественных произведений, корпораций, кораблей, кличками животных, обозначениями дат, с которыми связаны широко известные события.

3. Современные прецедентные онимы характеризуются крайне высокой исторической динамикой: в этом разряде слов особенно часто появляются метафоры-неологизмы. Особенно много новых имен связано со сферой экономики (олигархи), сферой политики и государственного управления, с преступной деятельностью (*Мавроди, Чикатило, Цапки, Евсюков*), со средствами массовой информации и массовой культурой. Вместе с тем среди новых источников прецедентности практически не встречаются типичные для советской эпохи имена знаменитых рабочих, военнослужащих, летчиков и полярников, а также имена героев «качественной» художественной литературы.

Многие онимы, получившие широкую известность в постсоветский период, уже через три-четыре года пополняют собою списки историзмов и архаизмов. Однако еще более активно группа архаизмов и историзмов в разряде прецедентных онимов увеличивается за счет слов, которые соотносятся с реалиями советской эпохи. Скорость этих процессов значительно выше, чем темпы обновления групп слов, не относящихся к числу имен собственных.

Все эти изменения связаны с новой социальной атмосферой, с динамикой тех сфер, которые вызывают особый общественный интерес, с глобальными процессами, с демократизацией и повышением открытости нашего общества.

4. Внимательное рассмотрение постсоветской истории прецедентных онимов *Пикалево* и *Кондопога* позволяет полнее понять социальные причины, которые обусловили стремительное превращение этих названий в «ключевые слова текущего момента» и способствовали развитию у них ряда однотипных метафорических и метонимических значений. Снижение социального интереса к соответствующим событиям и возникновение новых очагов общественного внимания послужили причинами того, что названные прецедентные имена стали все реже и реже упоминаться в СМИ и, по-видимому, скоро превратятся в метафорические историзмы (этот процесс, разумеется, не относится к основным значениям указанных урбонимов).

Исследование позволило выделить несколько типовых этапов, характерных для преобразования имени собственного в прецедентный оним:

– повышенная частотность функционирования имени собственного в стандартном значении, которая объясняется важными событиями, связанными с соответствующим населенным пунктом;

– использование топонима в качестве образного обозначения событий, которые произошли в этом населенном пункте (Кондопога – события в Кондопоге);

– использование данного имени собственного для обозначения событий, которое произошло в другом населенном пункте (уральская Кондопога, Кондопога на Волге и др.);

В истории того или иного прецедентного онима вполне могут быть выделены и иные этапы преобразования семантики.

После того как соответствующие события оттесняются на периферию национального сознания и в той или иной степени забываются, начинается процесс превращения соответствующего онима в архаизм (например, использование онима *Фергана* для обозначения межнациональных столкновений) или историзм (например, использование онима *Фергана* для обозначения столкновений между узбеками и турками-месхетинцами в начале перестройки).

5. Среди прецедентных онимов отчетливо выделяются неологизмы и окказионализмы, а также онимы, известные на региональном, общероссийском и международном уровне. Характерным примером регионального прецедентного онима, получившего общероссийскую известность, может служить антропоним *Цапок* (*цапки*), возникший на основе фамилии главарей банды, орудовавшей в кубанской станице Кущевская. Прецедентные онимы могут иметь стилистические варианты (*Кущевская* – *Кущевка*).

При рассмотрении закономерностей превращения имени собственного, известного преимущественно в отдельном регионе, в прецедентное имя, имеющее общероссийское распространение, отчетливо обнаруживаются пять основных этапов:

– повышенная частотность функционирования имени собственного в определенных контекстах (на региональном уровне),

– превращение имени собственного в региональный прецедентный оним,

– события, предопределившие повышенную частотность использования регионального имени собственного в общероссийских СМИ,

– получение региональным прецедентным онимом общероссийской известности,

– превращение регионального прецедентного онима в общероссийский прецедентный оним и его использование по отношению к феноменам, связанным с другими регионами.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ГИПЕРСФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ

Основная задача данной главы – сопоставительное исследование прецедентных имен собственных, относящихся к гиперсфере-источнику «История России», в рамках которой наше основное внимание привлекает политическая история и особенно имена собственные политических лидеров – великих князей, царей, императоров, президентов, генеральных секретарей и руководителей правительства. Это важное ментальное пространство – источник прецедентности – очень востребовано в современной массовой коммуникации, однако его специфика до настоящего времени оказалась недостаточно изученной.

При описании прецедентных имен собственных, связанных с политической историей России, в настоящем разделе чередуются, с одной стороны, методики, характерные для корпусных исследований и контент-анализа, а с другой – методики, ориентированные на детальный анализ отдельных имен собственных и их относительно небольших групп. Несомненное достоинство методик первого типа – широкий охват материала, точные количественные подсчеты, хотя очевидно, что подобный подход не позволяет учесть всех деталей текстовой реализации того или иного имени собственного, вольно или невольно происходит некоторое «огрубление» анализа. Достоинства методик второго типа связаны с тем, что материал анализируется более полно и многоаспектно, однако вполне закономерно, что в рамках одного исследования практически невозможно одинаково полно охарактеризовать все имена собственные, используемые в современной политической коммуникации.

В соответствии с указанной логикой развертывания исследования по принципу «от общего к частному» сначала рассматриваются исторические и национальные корни прецедентных онимов, используемых в современной российской массовой коммуникации. Это исследование позволило лучше понять, насколько значительное место занимают в современных СМИ прецедентные онимы, восходящие к различным эпохам в многовековой истории России. В следующем параграфе изучаются общие закономерности использования в современной политической коммуникации имен политических лидеров, которые управляли Россией с древнейших времен до нового времени. Далее предлагаются

четыре относительно автономных фрагмента, связанных с отдельными этапами истории нашей страны. Здесь анализируется очень важная для истории России и современного национального сознания мифологема «Александр Невский», далее подробно рассматриваются хрононим «Смутное время», аксиологема «Керенский» и идеологема «Сталин». Такая композиция соответствует типичной для настоящего исследования схеме построения раздела (от анализа многотысячного корпуса разнообразных прецедентных феноменов к детальной характеристике конкретных имен собственных). Вместе с тем автономное описание различных по своим свойствам прецедентных концептов (мифологема, аксиологема, идеологема и хрононим) позволяет параллельно с анализом конкретных имен собственных обсуждать важные проблемы теории прецедентности.

3.1. Исторические и национальные истоки прецедентных онимов, используемых в современной массовой коммуникации

В предшествующих разделах неоднократно отмечались постоянное появление новых метафор, архаизация многих прежних образов и связанное с этим интенсивное преобразование арсенала прецедентных онимов, используемых в современной массовой коммуникации. Вместе с тем фиксировался и тот факт, что в современных текстах часто встречаются прецедентные онимы, которые связаны с другими эпохами – от глубокой древности до второй половины прошлого века. Одновременно отмечалось, что среди прецедентных онимов преобладают такие, которые имеют российские корни, однако значительная часть прецедентных онимов, используемых в современных текстах, восходит к иным национальным культурам.

Все названные выше положения в определенной степени носили предварительный характер, поскольку в лингвистических исследованиях, как правило, важны не только конкретные примеры, но и статистический анализ значительного массива фактов. Поэтому центральная задача данного параграфа – рассмотреть исторические и национальные истоки современных прецедентных онимов на основе точных количественных подсчетов, выполненных на материале всего используемого в настоящем исследовании корпуса прецедентных онимов.

Подобные подсчеты (выполненные, однако, на ином материале и по иным методикам) уже проводились современными специалистами. Так, в кандидатском исследовании С. Л. Кушнерук [Кушнерук 2006] проанализирована национально-культурная принадлежность

прецедентных имен из сферы искусства в текстах современной российской и американской рекламы. Подсчеты показали, что в российской рекламе почти половина (47,1 %) прецедентных имен из сферы «Литература» относится к родной (русской) литературе. В других сферах доля национальных прецедентных имен оказалась значительно меньше: в сфере «Кино» национальные истоки имеют 23,5 % прецедентных имен, в сфере «Музыка» – около 35 %, а в сфере «Изобразительное искусство» – лишь около 4 % прецедентных имен. Соответственно в американской рекламе национальные истоки имеют около 40% прецедентных имен из сферы «Литература», более 93 % – из сферы «Кино», почти 85 % – из сферы «Музыка» и 16,7 % прецедентных имен из сферы «Изобразительное искусство» [Кушнерук 2006].

В диссертации И. П. Зыряновой [Зырянова 2010] с позиций исторической принадлежности и национальных истоков были проанализированы разнообразные прецедентные феномены (прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации) в заголовках российской и британской прессы. Автор выяснил, что в заголовках российской прессы 12,5 % прецедентных феноменов связаны с античностью, почти 20 % – с XIX веком, 48,9 % – с XX веком и 6,4 % – с XXI веком. Еще 3,6 % прецедентных феноменов относится к XVI веку, 4,0 % – к XVIII веку, тогда как с каждым иным столетием – менее 1 % прецедентных феноменов. При подсчетах прецедентных феноменов, восходящих к различным национальным культурам, обнаружилось, что в заголовках современной российской прессы около 82 % прецедентных феноменов соотносится с отечественной культурой, примерно 5,7 % – с американской, около 5 % – с британской, около 2 % – с французской, 1,4 % – с немецкой.

В диссертации Л. В. Быковой [Быкова 2009] представлены данные об исторических истоках прецедентных феноменов, которые используются в современных российских СМИ и восходят к немецкоязычной культуре как сфере-источнику. Автор обнаружил, что среди указанных прецедентных феноменов более половины примеров употребления хронологически относятся к XX веку, еще около 30% – к XIX веку, значительно меньшее количество прецедентных феноменов относится к периоду с V по XVIII век. В исследовании С. В. Елисевой [Елисеева 2010] рассмотрены исторические истоки используемых в современных российских и американских СМИ прецедентных феноменов, которые восходят к французской культуре как сфере-источнику. Автор обнаружил, что и в России, и в США большинство прецедентных феноменов французского происхождения относятся к XX веку и количествен-

ные показатели использования выявленных прецедентных феноменов уменьшаются по мере возрастания хронологической удаленности их происхождения.

Те или иные подсчеты национально-культурных и исторических истоков современных прецедентных феноменов представлены также в работах М. Ю. Илюшкиной [2008], С. С. Чистовой [2009], О. А. Ворожцовой [2007], О. С. Боярских [2008]. Специалисты по теории прецедентности и сопоставительному языкознанию постоянно отмечают значительную связь между временем создания прецедентного феномена и вероятностью его использования в современных текстах (чем ближе к современности, тем больше вероятность употребления) и национальную детерминированность в выборе прецедентных феноменов (в текстах чаще встречаются прецедентные феномены, связанные с родной культурой). Это связано с тем, что человек, воспитываясь в рамках родной культуры, усваивает ее эталоны и компоненты, среди которых важное место занимают прецедентные феномены.

Подобные выводы и подсчеты представляют значительный интерес, однако очевидно, что по данным о прецедентных феноменах в целом невозможно судить о количестве прецедентных онимов. Столь же очевидно, что материалы, полученные при анализе заголовков СМИ или рекламных текстов, не позволяют в полной мере судить обо всей массовой коммуникации, что анализ прецедентных феноменов, восходящих к немецкой и французской культуре, не позволяет сделать выводы о прецедентных онимах, восходящих к другим культурам. Поэтому в настоящем исследовании оказалось необходимым провести детальное исследование национальных и исторических истоков прецедентных онимов, представленных во всем корпусе текстов массовой коммуникации, послужившем базой для нашего исследования. Этот корпус не только больше по объему, чем материал указанных диссертаций, но и относится к более широкой сфере-источнику (тексты массовой коммуникации).

Вторая отличительная черта настоящего исследования – это использование иной темпоральной классификации. Если в указанных выше диссертациях рассматривались отрезки времени, которые точно соответствовали столетию (XV, XVI, XVII, XVIII и другие столетия), то в настоящей диссертации разграничиваются следующие исторические периоды в истории России.

1. Период феодальной раздробленности (древнерусский период) – до царствования Ивана Грозного.

2. Период Русского царства (от царя Ивана Грозного до царя Алексея Михайловича, царя Ивана и царевны Софьи).

3. Период Российской империи (от Петра Великого до Николая Второго и Керенского).

4. Советская эпоха, которая при необходимости подразделяется на первые годы советской власти, сталинскую диктатуру, «оттепель» и годы застоя.

5. Постсоветская эпоха, в рамках которой при необходимости различаются ранний постсоветский этап и послеельцинский этап.

При обращении к прецедентным онимам, восходящим к зарубежным реалиям, мы учитывали следующие периоды.

1. Античность.

2. Средние века.

3. Период с XVI по XVII век.

4. Период с XVIII века до Первой мировой войны.

5. Период от Первой мировой войны до завершения эпохи биполярного мира.

6. Современная эпоха (конец XX – начало XXI века).

При всей условности предложенной периодизации исторического развития зарубежных стран ее достоинство заключается в том, что она в целом соотносится с классификацией исторических периодов в российской истории, а это создает базу для оптимального сопоставления. Определенным недостатком данной периодизации является то, что некоторые выделенные периоды не имеют общепринятых названий, их рубежи небесспорны, однако, к сожалению, даже профессиональные историки не смогли рекомендовать нам периодизацию, более подходящую для решения наших задач.

При классификации конкретных онимов возник ряд вопросов, и были найдены возможности их решения.

1. К какому виду дискурса (отечественному или зарубежному) отнести золотоордынских ханов Мамай и Батый? Иначе говоря, учитывать при классификации современные границы России, брать во внимание ареал распространения русской культуры или же опираться на исторические реалии соответствующей эпохи?

В настоящем исследовании за основу принимаются исторические реалии соответствующей эпохи. Поэтому Батый относится к зарубежному дискурсу, а Муса Джалиль – к отечественному.

2. К какому дискурсу (отечественному или зарубежному) отнести эмигрантов, например, князя Курбского или Льва Троцкого?

В настоящем исследовании за основу принимаются национально-культурные корни эмигранта, а не место его проживания в тот или иной период (за границами России или же в ее пределах).

3. К какому историческому периоду следует относить имена людей, которые начали активную творческую (политическую, научную) деятельность в одну эпоху и активно продолжали ее в другую? Например, первый руководитель Советской России В. И. Ленин был широко известен и до Октябрьской революции, а председатель Временного правительства вел активную деятельность в эмиграции.

Во многих случаях можно вполне уверенно связать то или иное прецедентное имя с определенным этапом развития России. Так, А. Ф. Керенского целесообразно отнести к досоветской эпохе, а В. И. Ленина – к советской. Вместе с тем мы признаем определенную субъективность некоторых наших решений.

4. Как проводить подсчеты частотности: по количеству словоупотреблений (даже если они повторяются) или по количеству использованных онимов?

В настоящей диссертации учитываются все словоупотребления, в том числе повторяющиеся.

Основные количественные результаты классификации прецедентных онимов по национальным и историческим корням представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Виды прецедентных онимов по национальным и историческим истокам

Период, национальные истоки	Доля, %	Примеры
Античность	2,6	
Отечественные	0,0	
Зарубежные	100,0	Диоген, Цицерон, Цезарь
Древнерусский период / Средние века	1,2	
Отечественные	61,3	Рюрик, Ледовое побоище, Иван Калита
Зарубежные	38,7	Колумб, Тамерлан, Столетняя война
Период Русского царства / Период с XVI по XVII век	2,2	
Отечественные	58,8	Смутное время, Иван Грозный, первопечатник Иван Федоров
Зарубежные	41,2	Варфоломеевская ночь, Гамлет, Ньютон
Период Российской империи / Период с XVIII века до Первой мировой войны	44,3	
Отечественные	74,0	Петр Великий, Менделеев, Суворов
Зарубежные	26,0	Бисмарк, Наполеон, Кюри

Период, национальные истоки	Доля, %	Примеры
Советская эпоха/ Период от Первой мировой войны до завершения политической борьбы с Советским Союзом	40,5	
Отечественные	78,9	Жуков, Мичурин, Павлик Морозов
Зарубежные	21,1	Гитлер, Маргарет Тетчер, Пеле
Постсоветская эпоха / Современная эпоха	9,2	
Отечественные	64,9	Аршавин, Беслан, Кадыров
Зарубежные	35,1	Обама, Роналдо, Бен Ладен

Материалы представленной таблицы свидетельствуют о том, что с точки зрения исторических истоков большинство рассмотренных прецедентных онимов относится к периоду Российской империи, но их число лишь немногим уступает количеству прецедентных онимов, исторически связанных с советской эпохой. Крайне мало прецедентных онимов связано с допетровскими эпохами в русской истории, соответствующими периодами в жизни зарубежных государств и античным периодом развития цивилизации.

Материалы приведенной таблицы также показывают, что с точки зрения национальных истоков большинство рассмотренных прецедентных онимов относится к отечественной культуре. Особенно ярко эта закономерность проявляется в прецедентных онимах, связанных с советской эпохой и эпохой Российской империи. Та же тенденция в несколько меньшей степени проявляется в постсоветский период. Вполне закономерно, что в античную эпоху не могли возникнуть прецедентные онимы, связанные с русской культурой.

Вместе с тем анализ прецедентных онимов, характерных для современной массовой коммуникации, показывает, что значительную часть корпуса этих элементов составляют универсально-прецедентные (термин В. В. Красных и Г. Г. Слышкина) онимы, связанные с зарубежными источниками, в том числе с Библией. Высокая доля таких онимов обусловлена процессами глобализации, то есть сближением, взаимопроникновением и взаимовлиянием различных культур в рамках единой мировой цивилизации.

Представленные в таблице «сухие цифры» позволяют полнее осознать тот факт, что отечественная система прецедентных имен собственных стремительно обновляется. И если бы смогли воскреснуть наши соотечественники, жившие до Октябрьской революции, то они

не поняли бы смысл почти половины прецедентных онимов, активно используемых в современной массовой коммуникации.

Представленные цифры показывают также, что люди, изучающие за рубежом русский язык в отрыве от российской культуры, недостаточно знакомые с реалиями современной России, не смогут понять смысл большинства прецедентных имен собственных, которые используются в российской массовой коммуникации.

3.2. Имена властителей России в современной массовой коммуникации (общая характеристика)

Среди продуктивных полей-источников прецедентности особое место занимает прошлое России: важнейшие политические события и ситуации, связанные с ними топонимы и хрононимы, имена героев и злодеев, навеки вошедшие в народную память. Пытаясь понять настоящее и предсказать будущее, наши современники постоянно обращаются к прошлому родной страны, стремясь осознать его уроки, обнаружить аналогии, найти образцы для подражания. Такие прецедентные имена и названия легко воспринимаются в дискурсе современных СМИ и создают возможности для апелляции к соответствующим личностным качествам, ситуациям, действиям, высказываниям и текстам.

С давних пор имена политических руководителей государств (монархов, президентов, генеральных секретарей и др.) не только символизировали верховную власть и само государство в целом, но и, вследствие своей широкой известности, использовались для обозначения тех или иных качеств человека и политика. В самых различных лингвокультурных сообществах английский король *Ричард Львиное сердце* символизирует воинскую доблесть, его соотечественники *Карл Первый* и *Генрих VIII Синяя Борода* – смерть на эшафоте и жестокость к возлюбленным, а французские *Людовики* – абсолютное самовластие. Полководческие таланты символизируют *Гай Юлий Цезарь* и *Наполеон Бонапарт*, безмерную жестокость – римские императоры *Нерон* и *Калигула*. Для русского национального сознания многое значат прецедентные имена *Дмитрий Донской*, *Иван Грозный*, *Петр Великий*, *Екатерина Великая*, *Александр I*, *Николай II*, которого одни называют *Кровавым*, а другие – *Святым*. В этом же ряду находятся послереволюционные лидеры Советского Союза и России – *Керенский*, *Ленин*, *Сталин*, *Хрущев*, *Брежнев*, *Ельцин* и др. В последние годы количество подобных прецедентных концептов, используемых в средствах массо-

вой коммуникации, заметно расширяется, растет и частотность их употребления.

Изучение прецедентных имен, относящихся к данной группе, помогает полнее осознать ментально-вербальный лексикон, эрудицию, жизненный опыт, политические предпочтения, прагматические установки и речевое мастерства автора. Вместе с тем подобное исследование позволяет лучше понять представления создателя текста о его адресате. Рассмотрение арсенала прецедентных имен позволяет проанализировать интересный материал для постижения специфики национальной ментальности на соответствующем этапе развития общества [Нахимова 2007, 2008]. Как известно, каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности [Слышкин 2007]. Очевидно, что образы Ивана Грозного, Николая I или Александра II Освободителя неодинаково воспринимались в начале прошлого века, в его середине и в современную эпоху. В зависимости от политической ситуации на том или ином этапе развития общества оказываются востребованными различные прецедентные имена, при использовании которых акцентируются то одни, то другие смысловые компоненты. В частности, Александр II может быть представлен и как освободитель крестьян, и как реформатор судебной системы, и как жертва террора, и как сторонник политического либерализма, и как жестокий преследователь революционеров.

В данном разделе рассматриваются закономерности использования в современных российских СМИ прецедентных имен досоветских властителей России. При этом учитывается как денотативное употребление соответствующего имени, так и коннотативное. В первом случае прецедентное имя используется как обозначение конкретного монарха. Например, прецедентное имя *Иван Грозный* при таком употреблении обозначает именно царя Ивана (Иоанна) Васильевича, правившего в XVI веке.

При коннотативном использовании Иваном Грозным могут называть, например, нашего современника, который так или иначе похож на первого российского царя. Это может быть даже не конкретный человек, а своего рода символ определенных качеств. Ср.: *Обозреватель «Уолл-стрит джорнэл» Фредерик Кемпе опубликовал в канун саммита статью под заголовком «Получить как можно больше от объятий с русскими». Кемпе образно пишет, что на одном плече Путина примостился маленький Александр Герцен (символ западничества), а на другом — гигантский Иван Грозный (символ тоталитаризма). Если принять эту символику, то совершенно ясно: пролезть, со-*

*гнувшись, в окно, а еще лучше — пройти по-человечески в дверь Путин может только в компании Герцена. В обнимку с **Иваном Грозным** не получится. Как это ни парадоксально на первый взгляд, трагедия 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне была стратегической победой Герцена над **Иваном Грозным** (М. Стуруа // Московский комсомолец, 2001. 12.11).*

Естественно, что президент Путин не может оказаться в одной компании с реальными Александром Герценом и Иваном Грозным. В данном случае Герцен – это традиционный для российской ментальности символ «либерала-западника», а Иван Грозный – столь же традиционный символ жесткой самодержавной власти, крайне далекой от либеральных идей сотрудничества с западным миром.

По справедливому замечанию Г. Г. Слышкина, «историческое знание составляет важный элемент не только культуры, но и лингвокультуры, получая языковую реализацию в виде исторических метафор, цитат и аллюзий» [Слышкин 2007: 82]. В современных российских СМИ активно используются прецедентные имена значительного числа российских царей и – шире – высших руководителей нашего государства вне зависимости от того, как именно соответствующий лидер официально назывался – Императором, Президентом или Генеральным секретарем. Многие из этих руководителей сыграли важную роль в развитии российского государства и даже всей мировой цивилизации. Соответствующие прецедентные имена нередко становятся своего рода ориентирами, по которым оценивают деятельность, политические и личностные качества наших современников.

Значительный интерес представляет уже сам факт использования того ли иного прецедентного имени в современных СМИ и частотность такого употребления; еще более интересны актуальные смыслы, проявляющиеся при этом у прецедентных имен. Поэтому необходимо рассмотреть арсенал соответствующих имен.

Источником для настоящего исследования послужил полнотекстовый корпус современных печатных и электронных СМИ, отражающий более 82 тысяч текстов. На этой основе были выявлены тысячи апелляции к указанным прецедентным концептам.

В соответствии с важным для настоящего исследования принципом сочетания количественного и качественного анализа материала, начнем представление прецедентных имен властителей России с таблицы, отражающей количество словоупотреблений.

Таблица 2

Прецедентные имена властителей России

Прецедентное имя	Кол-во словоупотреблений в корпусе
Рюрик	359
(вещий, князь) Олег	124
(князь) Игорь	441
(князь) Владимир Святой	1 028
Ярослав Мудрый	468
Владимир Мономах	53
Александр Невский	972
Дмитрий Донской	1 189
Иван Калита	194
Иван Грозный	2 845
Федор Иоаннович	212
Борис Годунов	872
Василий Шуйский	41
Лжедмитрий	258
Михаил Федорович	199
Алексей Михайлович	687
Софья Алексеевна	141
Петр I	2 850
Екатерина I	68
Петр II	58
Анна Иоанновна	348
Иоанн Антонович	17
Елизавета Петровна	551
Петр III	110
Екатерина II	973
Павел I	913
Александр I	647
Николай I	1 685
Александр II	673
Александр III	487
Николай II	3 436
Керенский	525
Ленин	6 910
Сталин	16 409
Хрущев	2 965
Брежнев	2 363

Примечание 1. В таблицу не включены имена руководителей, которые возглавляли страну в постсоветскую эпоху, поскольку они воспринимаются как принадлежащие, скорее, к современному этапу развития страны.

Примечание 2. В таблицу включены имена наиболее известных древнерусских князей.

При использовании материалов представленной таблицы необходимо учитывать, что она составлена на основе неспециального (адаптированного) корпуса, который не был размечен, то есть включает прецедентные имена как в денотативном, так и в коннотативном употреблении.

Важно учитывать и тот факт, что в данном корпусе в полной мере учтены прецедентные имена, использованные в художественных произведениях. Например, *Борис Годунов* – это не только реальный царь, но и герой трагедии А. С. Пушкина и одноименной оперы. Исследования показали, что при рассмотрении прецедентного имени *Борис Годунов* во многих случаях невозможно определить, что имел в виду автор – героя художественного произведения или его исторический прототип.

В целом ряде случаев прецедентное имя послужило основой для наименования артефактов: крейсер «Владимир Мономах», автомобиль «князь Владимир», теплоход «Дмитрий Донской», охранное предприятие «Александр Невский» и др. Подобные словоупотребления также учитываются в адаптированном корпусе.

Отмеченные выше особенности использованного корпуса, на наш взгляд, не могут существенно повлиять на общую картину. Представленные данные ярко свидетельствуют, о том, что среди «лидеров прецедентности» оказываются политические лидеры советской эпохи: Сталин (16 409), Ленин (6 910), Хрущев (2 965). Среди русских царей «лидируют» Николай II (3 436), Петр I (2 850), Иван Грозный (2 845), Николай I (1 685). Наиболее известные древнерусские князья – Владимир Святой (1 028), Дмитрий Донской (1 189), Александр Невский (972). Разумеется, по этим цифрам нельзя объективно судить о значимости соответствующих правителей в истории нашей страны, но они определенным образом отражают важность соответствующих прецедентных имен для современного национального сознания.

Более полное понимание того, как представлены соответствующие прецедентные имена в современной массовой коммуникации, помогут сформировать приведенные ниже материалы качественного анализа прецедентных имен властителей России.

Легендарный основоположник российской государственности – предводитель варягов князь Рюрик, от которого ведут родословную древнейшие российские княжеские фамилии. В современных текстах Рюрик чаще всего упоминается не только как основоположник династии властителей России, но и в контексте приглашения руководителя «со стороны». Ср.:

Ситуация в Бурятии напоминает кровопролитные усобицы славянских кланов накануне прихода варяжских князей. И лишь пришел-

шая с Севера династия **Рюрика** на несколько веков сплотила русов в могучую и сильную державу. Вот и современная Бурятия отчаянно нуждается в независимо мыслящем опытном «варяге», не будучи связан ни с одним из местных кланов, сможет решать реальные проблемы региона на благо местного населения (А. Ильин // Время новостей, 15.05.2007).

В другом контексте выражение «от Рюрика до Ельцина» имеет смысл «на протяжении всей российской государственности, от первого до последнего (на тот момент) руководителя страны». Ср.:

*Баланс, столь филигранно выстраиваемый в живой природе, а также во всех без исключения странах, во все без исключения времена, при всех без исключения строях – от правых до левых, от теологических до демократических и даже в самой России от **Рюрика** до Ельцина, – резко нарушен. Это не имеет ничего общего ни с русской национальной традицией, ни с интересами государства* (Ю. Магаршак // Время новостей. 2007. 21.03).

Среди других князей эпохи Киевской Руси современные авторы в поисках аналогий нередко вспоминают о весте Олеге, о Владимире Мономахе, о политическом неудачнике князе Игоре и плачущей по нему Ярославне, а также о Всеволоде Большое Гнездо, Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. Ср.:

*Мы с вами – **Вещие Оледи**. Потому что живем не дольше, чем он* (Ю. Гуцко // Аргументы и факты. 2010. № 17). *В мае создали Съезд еще одних народных депутатов, теперь уже РСФСР. Эти, ценой титанических усилий, просунули-таки на место председателя Верховного Совета РСФСР будущего **мономаха** **всего Руси** Ельцина* (Е. Легостаев // Завтра. 2000. 11.07).

Но особенно часто в современных СМИ упоминается князь Александр Невский, не только прославившийся победами над немецкими и шведскими оккупантами, но и обладавший мастерством политического компромисса, которое ему позволило найти взаимопонимание даже с Золотой Ордой. Ср.:

*Святой князь **Александр Невский** прогибался еще больше – после победы на льду Чудского озера он не поленился поехать в Орду за ярлыком на княжение и поцеловать руку хана не почел за труд. Я легко могу себе представить лучшего, чем Путин, президента – с глазами Серафима Саровского, лбом Льва Толстого и решительностью Чапаева. Но я не вижу сегодня лучшего реального кандидата на пост президента России* (И. Шамир // Завтра. 2007. 01.08).

Среди властителей Московского периода современные журналисты и политики особенно часто вспоминают Дмитрия Донского и Ива-

на Калиту. Первый воспринимается как победитель в Куликовской битве и часто упоминается среди выдающихся российских полководцев. Ср.: *Сталин отодвигал марксистскую компоненту с «пролетариями всех стран» и «свободным развитием каждого», нажимал на клавиши «Суворов» и «Кутузов», «Александр Невский» и «Дмитрий Донской», «Иван Грозный» и «Петр Великий»* (А. Проханов // Наш современник. 2003).

В выступлении активиста Народно-патриотического союза Виктора Анпилова используется традиционный риторический прием: близкие ему политики объединяются в один ряд с людьми, которые, по мысли автора, на протяжении всей истории России были славой и гордостью страны. Показательно, что в этой когорте князь Дмитрий Донской оказался вместе не только с Сергием Радонежским, но и с Разиным, Пушкиным и коммунистическими лидерами:

*Какие люди! Бабурин, Тулеев, Варенников! Вот где силища! Вот где мощь нации!!! С нами **Дмитрий Донской**, с нами Сергей Радонежский! С нами Стенька Разин! Пушкин и Лермонтов! С нами Ленин, с нами Сталин!* (В. Анпилов // Завтра. 2002. 12.01).

В противоположность Дмитрию Донскому Великий князь Иван Калита постоянно предстает как символ расчетливого правителя, который сумел укрепить и расширить государство без использования военной силы и значительных репрессий. На этом основании он нередко противопоставляется более поздним лидерам, склонным к силовому решению проблем. Ср.:

*Но, может быть, России сегодня нужен **Иван Калита**, который в час распада, ига, жестокого напора истории по крохам собирал бы страну, копил силы, действовал хитро, дипломатично, выгодно?! Который расчетливым союзом и прибыльным торгом, разумными планами и бережливыми тратами вывел бы страну из тлена истории, раз уж не удалось «бабахнуть, чтоб весь мир в труху»* (Д. Тукмаков // Завтра. 2001. 20.11). *В Кремле у нас сейчас, увы, нет **Ивана Калиты**, который бы хотел и умел собирать народы, желающие жить вместе. Но если есть желание народов, новый **Калита** появится, дай только срок* (В. Бондаренко // Завтра. 2001. 6.02)

Особенно часто в современных СМИ встречается прецедентное имя Иван (Иоанн) Васильевич Грозный, который упоминается то как жестокий властитель, то как царь-преобразователь. Ср.: *Президентство Владимира Путина доказывает, что сталинизм в России никогда не закончится. Вынырнув из прошлого, российская диктатура продолжается в будущем почти без перерыва, меняя только название: **Иван Грозный**, Петр Великий, Коба Страшный* (Н. Хрущева // Мос-

ковский комсомолец. 2005. 05.03). *Я не вижу здесь ничего бредового, – отмечает все сомнения лидер «фронта» Вадим Гузинин. – Путин у нас здесь был, вклад свой внес. Я лично считаю, что нынешний президент – фигура уровня **Ивана Грозного** или **Петра Великого** (И. Смелев // Московский комсомолец. 2004. 14.04).*

Эпизодически вспоминают современные журналисты и «царя» Симеона Бекбулатовича, имя которого оказывается своего рода символом формального «царствования», бессилия и безвластия при наличии всех атрибутов верховной власти. Ср.: *Задолго до случившейся 7 мая церемонии представители самых разных политических направлений сделали все возможное, чтобы эту церемонию девальвировать. Венчание на царство **Симеона Бекбулатовича** может быть триумфом глубоких политехнологий, но к мистерии власти такой триумф имеет слабое отношение. Во всяком случае различные жесты и уставки, исходящие из Кремля и его окрестностей, объективно работали на создание образа Симеона Бекбулатовича, то есть на упреждающую девальвацию (М. Соколов // Эксперт. 2008. 12–19 мая).*

В современных СМИ активно используются прецедентные имена царей, занимавших русский престол в Смутное время (или претендовавших на него). Журналисты постоянно сопоставляют лидеров, возглавлявших Россию на протяжении последнего столетия, с царями Федором Иоанновичем, Борисом Годуновым, Василием Шуйским, а также с самозванцем (самозванцами) Лжедмитрием (Гришкой Отрепьевым, Тушинским вором). Ср.: *А кроткий, чистый, почти безупречный Николай II, пожалуй, более всего напоминая **Фёдора Иоанновича**, – не прощён тем более, чем, не по месту, не по времени, был он кротче и миролюбивей. (А. Солженицын. Размышления над февральской революцией // Российская газета. 2007. 27.02). А мне сдается, что Путин – не **Иван Калита**, а **Борис Годунов**, и после него будет не Куликовская Битва, а новая Великая Смута. Осталось дожждаться нового **Самозванца** и поляков в Кремле (Форум. Отзывы читателей на статью А. Проханова «Суверенная демократия – оборонная доктрина России» // Завтра. 2007. 24.01).*

С царями периода Смуты журналисты постоянно сравнивают и президента Б. Н. Ельцина. Ср.: *Что такое Шуйский? **Шуйский** – это в какой-то степени Ельцин. Поздний Ельцин. В этих сравнениях всегда есть некоторая доля натяжки, но они здесь настолько яркие, что даже при всей рискованности в них есть смысл (М. Леонтьев // Труд. 2006. 03.11). Даже немогущий Ельцин по ночам исповедуется Пушкину за свои злодеяния, стремясь уподобиться Ивану Грозному, хотя роль ему отведена в русской истории **Гришки Отрепьева** с его*

разорением России. Нет за Ельциным никакой присоединенной Казани, один лишь разор и мор... (В. Бондаренко // Завтра. 1999. 15.06).

Актуальные смыслы указанных прецедентных имен вполне предсказуемы: Федор Иоаннович символизирует собой прекраснодушную нерешительность, Борис Годунов – неспособность справиться с обстоятельствами, Василий Шуйский – чрезмерную зависимость от своих «ближних бояр», а Гришка Отрепьев (Самозванец Лжедмитрий) – лживость и продажность. Нетрудно заметить, что сопоставление постсоветских политических лидеров с царями и самозванцами начала XVII века, как правило, связано с негативной оценкой современных правителей.

Вполне закономерно и то, что Михаил Романов вне зависимости от своих личностных качеств становится олицетворением прекращения Смуты и начала новой династии, три столетия определявшей судьбы России, которая именно в эту эпоху выдвинулась в ряды крупнейших мировых держав. Ср.: *Отчего, кстати, все-таки смуты? Оттого что именно после смут на престол садятся **Михаилы Романовы** и основывают династии с законом о престолонаследии* (С. Землянов // Московские новости. 2003. 12.07). *Придет рано или поздно **новый Михаил Романов** и нас возглавит, новый Иван Сусанин без всякой дудочки уведет интервентов, воров и шарлатанов в болото (уж чего-чего, а этого добра в России...), новые Строгановы дадут денег на армию и заводы, а новый Столыпин спасет крестьян...* (Б. Якеменко // Комсомольская правда. 2005. 06.04).

При необходимости наши современники ищут аналогии и в эпохе царя Алексея Михайловича. Ср.: *Впрочем, эти же вопросы задавал себе и царь **Алексей Михайлович**, пытавшийся в XVII столетии решить вопрос о том, на кого из украинских партнеров России, гетманов и кандидатов в гетманы, логичнее сделать ставку – и оптимальный ответ так и не был найден за его отсутствием. Похоже, и сейчас речь может идти только о временных тактических договоренностях, а не о стратегических решениях, для которых как минимум нужна внутривнутриполитическая определенность* (А. Макаркин // Коммерсантъ. 2008. 12.02).

Среди царей из династии Романовых современные политики и журналисты чаще всего вспоминают о Петре Великом, в котором видят сильного реформатора, коренным образом изменившего Россию. Ср.:

*В кого превращают Ельцина телекудесники и виртуозы пера? В «Царя», в «**Петра I** наших дней», в «феномен», в «могучего русского мужика из глубинки во власти». На наших глазах вновь переписывает-*

ся история. Для тех, кто не знал или что-то пропустил, – Ельцин был «любим и почитаем народом», «уважаем за рубежом», а если и ошибался, то в точности, как **Петр Великий**: широко и «болея сердцем за Россию» (А. Проханов // Завтра. 2000. 8.02). Россия устала от временщиков, от слабых, не способных управлять такой огромной страной с такими чудовищными проблемами. Поэтому здесь сегодня нужен герой, нужен **Петр Первый**, нужен модернизированный Сталин, нужен Рузвельт, де Голль, Пиночет, но никак не рыхлый человек типа Рогозина (В. Жириновский // Российская газета. 2004. 22.07).

Среди других российских властителей, правивших в XVIII веке, особенно часто вспоминают об Анне Иоановне, Елизавете Петровне и Екатерине Великой. Так, фактологической основой для прецедентного использования имени первой из названных императриц может быть история ее прихода к власти и беспрецедентное число иностранцев, оказавшихся в высших государственных сферах российского государства и впоследствии удаленных от власти Елизаветой Петровной. Ср.: *Нынче мы свидетели новой редакции бироновины в еще более громадных масштабах, чем это было два с половиной века назад. Тогда Анну Иоанновну посадили на престол на условиях известных «кондиций». Складывается впечатление, что у Путина свои «кондиции» по отношению к русскому народу* (В. Петров. Путин как **Анна Иоанновна** // Завтра. 2003. 18.02). **Анна Иоанновна** умерла 17 октября 1740 года. После ее смерти под прикрытием имени малолетнего Иоанна VI Брауншвейгского страной продолжали верховодить все эти карлы, густавы и рейнгольды. Но долго это продолжаться не могло. 25 ноября 1741 года гвардия, совершив переворот, объявила императрицей дочь Петра. С «карлами» **Елизавета** обошлась милостиво: всего лишь отправила в ссылку. Думается, что с нынешними карлами и карловичами, включая известного Николая Карловича, история обойдется не столь милостиво (В. Бушин // Завтра. 1998. 01.09).

Прецедентные имена **Павел I** и **Петр III** чаще всего используются в контексте насильственной смерти от рук придворных, недовольных их деятельностью. Ср.: *При этом всякий монарх должен помнить, что ему очень важно поддерживать равновесие между многочисленными группировками в окружающей его элите, в противном случае его ждет печальный конец, о чем убедительно свидетельствуют примеры Петра III и Павла I. Живучим на Руси оказывается только тот правитель, который склонен к консенсусу* (Н. Архангельская // Эксперт. 2001. 10.12).

Во многих контекстах рассматриваемые прецедентные имена упоминаются в связи с непониманием российских реалий, стремлени-

ем к неумеренному реформаторству и пренебрежительным отношением к достижениям предшественников. Журналисты считают, что подобные качества проявляли как некоторые цари, так и отдельные современные руководители. Ср.: *Плоды Великой Отечественной войны были ликвидированы в одночасье. Горбачев, в сущности, был похож на Петра III, который после семилетней войны, как только ему присягнули войска, свел на нет все теткинны достижения.* (В. Еремина. Gazeta.ru. 2008. 08.08). *Нынешние действия России на Кавказе порой напоминают конец Персидского похода. Нет ни единой рациональной причины, которой их можно объяснить. Это означает, что во главе России стоят люди, которые думают как Павел I* (Ю. Латынина // Эксперт, 2007, №2).

Во многих случаях современные политики и журналисты в поисках аналогий с современностью вспоминают о трех Александрах и двух Николаях, управлявших Россией с начала XIX века до 1917 года. Нередко авторы сопоставляют действия современных политических лидеров с деятельностью то одного, то другого царя, причем предпочтение чаще всего отдается Александру II. Ср.: *Валерию Гальченко предстояло сыграть роль ткачихи, предложившей президенту остаться на третий срок. «Сегодня муниципальное сообщество нуждается в лидере», – изрек он. По его словам, муниципальной реформой занимались самые влиятельные люди. Например, царь Александр II. Хорошо еще, сравнил не с Николаем I.* (Н. Меликова // Независимая газета. 2007. 24.10). *Дмитрий Медведев поразительно похож на Николая II. Поскольку восприятие сместилось в сторону мужского – глазами, а не ушами, – смотрю на него с состраданием. Его не убьют, надеюсь (как не убили Ельцина, аналога Александра II), но по сути история повторяется. Путин – в роли Александра III. Но только все не буквально повторяется* (Т. Щербина // Независимая газета, 2008. 28.02).

В негативном плане современные авторы чаще всего представляют Николая I, который не только жестоко расправился с декабристами, но и, растеряв бывших союзников, потерпел поражение в Крымской войне. Ср.: *Тем более что Бушу удалось то, что редко удавалось какому-либо государственному деятелю (разве только Николай I приходится в этом смысле на ум), – оттолкнуть друзей и объединить против себя врагов* (А. Янов // Независимая газета. 2007. 25.07). *Тех слов, которыми поливал Россию батька [президент Белоруссии], мы не слышали ни от Буша, ни от Саакашвили, а вот поди ж ты! Кремль все-таки батьку терпит и бережет. Так в XIX веке Николай I подерживал против революций любой монархический режим, из одного*

чувства авторитарной солидарности, – причем поддержанные режимы обыкновенно платили **Николаю Павловичу** черной геополитической неблагодарностью (Ю. Латынина // Газета.ру. 2007. 8.01).

И даже такое качество царя, как стремление самому вникнуть в каждую деталь, лично все проконтролировать, воспринимается в негативном плане. Ср.: *Задолго до форума Герман Греф лично приезжал, собирал оргкомитет. Как **Николай I**, обошел каждую караульную будку. В итоге все, за что отвечала Москва, – ниже ватерлинии парома «Виктория», на котором проживало большинство участников* (Б. Рынска // Известия. 2007. 14.06).

Если сопоставлять образы царствовавших потомков Николая I, то можно заметить, что Александр II чаще всего упоминается как сторонник решительных либеральных реформ, политический лидер, много сделавший для страны, не оцененный по достоинству современниками и погибший от рук террористов. Ср.: *Президенту явно не хватает профессионалов, команды. Проблема тем более остра, чем очевиднее инертность постсоветского общества, пока так и не избавившегося от социальной пассивности и иждивенчества. При этом Путин подчеркнуто избегает выступать в роли Наполеона, Кемаля Ататюрка, генерала Перона, Петра Великого или **Александра II**, то есть в роли авторитарного реформатора* (С. Бабаева, Г. Бовт // Известия. 2002. 24.03). *Судьба Хрущева, как судьба Бориса Годунова и **Александра II**, – это печальная судьба реформатора в России, которая больше чтит кровавых диктаторов* (С. Хрущев // Известия. 2003. 28.09.).

Император Александр Александрович чаще всего упоминается как контрреформатор, консерватор, отказавшийся от курса своего предшественника на либерализацию. О политике Александра III нередко вспоминают, говоря об опасности сворачивания демократических реформ, положивших конец тоталитарному государству. Ср.:

*Вся эта политика абсолютно логична. Перед нами – очередное «подмораживание» России, системная контрреформа, демонтаж ряда основных элементов ельцинских реформ (историческая аналогия – контрреформа **Александра III** в ответ на реформы Александра II)* (Л. Радзиховский // Известия. 2004. 18.10). *Радзиховский сравнивает то, что происходит сегодня, с контрреформами **Александра III**, последовавшими за реформами Александра II. Мне же более уместной представляется параллель с Михаилом Романовым, наводившим в государстве порядок после Смутного времени. Потому что при Ельцине было абсолютно не понятно, кто имеет реальную власть, откуда берутся законы и вообще когда все это закончится* (А. Семенов // Известия. 2004. 02.11). *Существует угроза формирования общества*

сродни царствованию **Александра III** с его квасным патриотизмом, огосударственной церковью, политикой империалистического расширения и удушения инакомыслия (Н. Кочеткова // Известия.ru. 2005. 13.05).

Авторы многих публикаций в том или ином контексте вспоминают знаменитую фразу Александра III о том, что главные союзники России – это ее армия и ее флот. Ср.: *Где русский язык, там и сам русский народ. Здесь в первую очередь речь об отделенных от России десятках миллионов людей в так называемом ближнем зарубежье. Тут уже совершенно очевидно, что желание отгородить РПЦ от политики, скорее, злонамеренно, чем наивно. Это касается и некоторых других внешнеполитических проблем. Поэтому к известной формуле **Александра III**, согласно которой у России нет других союзников, кроме ее армии и флота, я бы добавил: и Русской православной церкви* (В. Третьяков // Известия. 2009. 05.02). Директор одного важного агентства Дм. Орлов додумался до аналогии между реформатором-демократом Путиным и контрреформатором-самодержцем **Александром III**, который полагал и сыну заповедовал, что «теперь главные друзья России – ... армия и флот». Ничего, даже отдаленно похожего на этот близорукий посыл, у Путина нет (Э. Рудник // Известия. 2006. 19.05).

Показательно, что наши патриотическая и отчасти центристская пресса чаще всего сочувственно цитируют указанные слова императора, тогда как либералы-западники нередко вспоминают эту фразу как своего рода манифест изоляционизма, следствием которого может быть излишняя милитаризация государственной политики.

Николай II в современных СМИ чаще всего выступает слабым правителем, не сумевшим справиться с грузом ответственности и тем самым допустившим кровавую смуту. *Очень скоро после снятия Хрущева страна стала жить на выбеге, пока всем опять все не надоело. Нежелание реформ во времена Брежнева создало предреволюционную ситуацию, как при **Александре III** и **Николае II*** (С. Хрущев // Известия. 2003. 28.09). *Это консерватизм, но не европейский. То, что сейчас делает Путин, – это консерватизм в духе **Николая I** или **Александра III**. А я бы предпочел консерватизм в стиле **Александра II*** (А. Закатнова // Независимая газета. 2000. 29.07.).

После канонизации Николая II можно было бы ожидать, что его имя чаще начнет употребляться с положительной коннотацией, но это пока характерно только для православных и национал-патриотических СМИ.

Можно заметить, что современные авторы используют прецедентные имена русских правителей преимущественно в негативном

контексте; как правило, без всякого сочувствия вспоминают царей, которые не по собственной воле покинули трон и отправились в иной мир (*Петр III, Павел I, Иоанн Антонович*), ветреных цариц, баснословно одаривавших фаворитов, политических неудачников. Стабильно позитивный модус оценки имеют только имена собственные *Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Калита* и *Алексей Михайлович*. Преимущественно в положительном смысле упоминается также *Петр I*, но и ему нередко ставят в упрек методы, которые он использовал, когда «прорубал окно в Европу», в том числе «построенную на костях» столицу. Эпизодически в положительном плане используются также образы «реформатора» *Александра II* и *Екатерины Великой*, но и в их деятельности отмечается множество изъянов. Часто используются с негативной оценкой имена собственные *Сталин, Иван Грозный, Николай II*. Стабильная негативная оценка отмечается у имен собственных *Керенский* и *Лжедмитрий*.

Видимо, неуважение к утратившим власть политическим лидерам – это такая же традиционная черта наших соотечественников, как и подобострастие к людям, стоящим у власти.

В целом представленный обзор свидетельствует, что область-источник «Российские монархи» активно используется современными политиками и журналистами, которые в поисках аналогий часто обращаются к истории России, сопоставляют современных руководителей России с теми, кто властвовал в прошлые столетия, а современную политическую ситуацию – с тем, как жила наша страна в прошлом. Нередко подобные параллели становятся важным средством аргументации в современных политических дискуссиях, а позитивная или негативная оценка личности и политической деятельности того ли иного монарха в значительной степени зависит от политических пристрастий автора.

Представленный обзор позволяет также выделить основные параметры, по которым целесообразно давать характеристику тому или иному прецедентному имени рассматриваемой сферы. К их числу относятся следующие свойства:

- высокая, средняя или низкая частотность, свидетельствующая о роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества);
- преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования;
- широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования;

- использование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности или же к периферии.

3.3. Мифологема *Александр Невский*

Мифологичность – традиционная черта массовой коммуникации, в рамках которой функционируют мифы, создающие иллюзию реальности, на самом деле интерпретирующие действительность в необходимом направлении, формирующие убеждения и оценки, социальные стереотипы, представления о тех или иных людях, фактах, событиях (Г. Лассвелл, Р. Барт). Как пишет Р. Барт, «внешний мир поставляет мифу некоторую историческую реальность, и, хотя ее возникновение может относиться к очень давним временам, она определяется тем способом, которым была произведена и использована людьми; миф же придает этой реальности видимость *естественности*. <...> Миф лишает предмет, о котором он повествует, всякой историчности. История в мифе испаряется, играя роль некоей идеальной прислуги: она все заранее готовит, приносит, раскладывает и тихо исчезает, когда приходит хозяин, которому остается лишь наслаждаться, не спрашивая, откуда взялась вся эта красота» [Барт 1994: 120]. Можно предположить, что Р. Барт преувеличивает несоответствие между мифом и реальными историческими фактами, но следует согласиться с тем, что реальные исторические факты отбираются и комментируются нашими современниками в соответствии с собственными интересами и представлениями.

Согласно концепции Е. И. Шейгал и ее последователей, современные мифы – это «принимаемые на веру стереотипы массового сознания» [Шейгал 2004: 133–136], для которых характерны «гиперболичность, аксиоматичность, неverifiedируемость, внерациональность» [Немирова 2010: 128–129]. Эти стереотипы в той или иной степени основываются на реальных исторических фактах, но далеко не всегда в полной мере соотносятся с данными исторической науки. Стереотипы массового сознания отличаются динамичностью, зависимостью от социального этапа развития общества и его идеологии [Шестов 2005: 34; Одесский, Фельдман 2008: 110]. Названные свойства в полной мере проявляются в социальном восприятии образов отечественных великих князей, царей, императоров и политических лидеров послереволюционной России (князь Владимир, Иван Калита, Иван Грозный, Бо-

рис Годунов, Петр Великий, Александр I, Александр II, А. Ф. Керенский, В. И. Ленин, И. В. Сталин и др.).

На каждом этапе развития страны портреты ее прошлых руководителей в массовой коммуникации заметно преобразуются, на первый план выносятся то одни, то другие поступки, качества личности, детали биографии. Наши современники (как и их предшественники) обращаются к опыту прошлого не только в стремлении к истине и справедливости, но и в поисках аналогий, которые помогут понять и решить современные проблемы [Нахимова 2008а, 2008б, 2009а, 2009б]. Аналогичные процессы наблюдаются в американской, немецкой и иных лингвокультурах. Как показывают специальные исследования, мифологемы выдающихся политических лидеров былых времен (*Бисмарк, Линкольн, Рузвельт, Черчилль, Наполеон* и др.) очень активно используются в массовой коммуникации Великобритании, Франции, США, Германии [Кулявцева 2007а, 2007б, 2008; Слышкин 2004; Черноморец 2010 и др.].

С когнитивной точки зрения мифологема – это ментальный феномен, репрезентирующийся преимущественно словом или устойчивым словосочетанием. Прецедентные имена собственные политических лидеров России часто можно охарактеризовать как репрезентанты мифологем, то есть ментальных единиц, отражающих принимаемые на веру стереотипы массового сознания, которые часто характеризуются неverifiedируемостью и внерациональностью, гиперболичностью и аксиоматичностью, динамичностью, зависимостью от социального этапа развития общества и его идеологии. Мифологема формирует концептуальные схемы и категории, обуславливающие процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином объекте.

В зависимости от политической позиции и задач текста одни современные авторы акцентируют патриотизм Александра Невского, другие – его воинскую доблесть и талант полководца, третьи – защиту православия и борьбу с католицизмом, четвертые – мудрость, дипломатические способности и умение решать проблемы с мусульманами. Таким образом, рассматриваемая мифологема приобретает признаки идеологемы – лексической единицы, использование которой в значительной степени определяется идеологической позицией автора [Купина 2003; Чудинов 2007].

Важными средствами создания мифологемы является не только профилирование, выдвижение на первый план тех или иных поступков и личностных качеств героя, но и умолчание о некоторых обстоятельствах его жизни и деятельности. Эффективным средством украшения

мифологемы служит цитирование подлинных или мифических высказываний Александра Невского, однако некорректное цитирование способно негативно сказаться на доверии к автору и его аргументации.

Мифологема *Александр Невский* принадлежит к числу ведущих героических (по классификации Е. И. Шейгал) отечественных мифологем, к которой издавна апеллируют люди, придерживающиеся совершенно различных политических убеждений. В этом отношении очень показательным является мнение Г. В. Вернадского (сына академика В. И. Вернадского), считавшего, что в личности Александра Невского счастливо сочетались мудрость и осторожность с подлинным героизмом и подчас безрассудной смелостью. В связи с этим Г. В. Вернадский резко критиковал высказывание маркиза Кюстина (памфлет «*La Russie en 1839*») о том, что «Александр Невский – образец осторожности; но он не был мучеником ни за веру, ни за благородные чувства. Национальная церковь канонизировала этого государя, более мудрого, чем героического. Это – Улисс среди святых». Прочитывая высказывание французского путешественника, Г. В. Вернадский делает вывод о том, что это «одно из звеньев большой цепи европейского русофобства, одно из проявлений ненависти Европы к России и страха Европы перед Россией. Так в XIX веке западноевропейский писатель-латинянин стремился развенчать русского святого князя, вся деятельность которого была направлена на борьбу с Западом и латинством» [Вернадский 1925: 319].

Дискуссии ученых о личных качествах Александра Невского и его роли в истории России продолжают уже не одно столетие [Вернадский 1925; Гумилев 2008; Карамзин 1992; Кучкин 1996; Шестов 2006 и др.]. Однако то, как представлен этот образ в массовом сознании, тоже очень важно. Данное исследование базируется на результатах контент-анализа материалов современных печатных и электронных СМИ (проанализировано 200 публикаций, представленных в «Национальном корпусе русского языка»; режим доступа: ruscorpora.ru) и на сайтах ведущих российских газет. Обращение к этим материалам показывает, что авторы последовательно выделяют следующие черты личности Александра Невского:

- патриотизм, защита национальных интересов Руси, способность ради них поступиться личными обидами;

- героизм, воинская доблесть и талант полководца, которые особенно ярко проявились в Невской битве (1240 г.) и Ледовом побоище (1242 г.);

- религиозность, борьба против католицизма и защита православия, причисление к числу православных святых;

– мудрость, способность найти решение, которое благотворно скажется на дальнейшей истории страны;

– «подвиг смирения», дипломатические способности, умение договориться с ханом Золотой Орды, что позволило несколько снизить тяжесть татаро-монгольского ига;

– риторические способности, умение говорить ярко, афористично и тем самым достигать необходимых результатов.

В зависимости от идеологической позиции, целей конкретной публикации и иных факторов автор может акцентировать внимание читателей на тех или иных свойствах личности князя и соответствующих фактах его биографии, а также предлагать свою интерпретацию мотивов тех или иных действий. Например, при рассказе о Ледовом побоище в одних текстах подчеркиваются патриотические мотивы, а в других – защита православия от католического мира. Все это существенно влияет на восприятие идеологемы читателями.

Важно отметить, что средством создания и развития идеологемы является не только акцентирование и интерпретация каких-то исторических фактов, но и их игнорирование, умолчание о тех или иных событиях. Показательно, что современные журналисты и политики крайне редко вспоминают о том, что могло бы негативно сказаться на восприятии образа нравственно безупречного патриота, народного защитника и дипломата. Однако внимательный анализ древнерусских летописей показывает, что Александр Ярославович активно участвовал в междоусобных войнах, жестоко расправился с изгнавшими его новгородцами и просил хана Золотой Орды покарать родного брата Андрея, который якобы незаконно присвоил себе Великое Княжение и обманывал монголов, присваивая часть собираемой для хана дани [Кучкин 1996 и др.]. Впрочем, еще Н. М. Карамзин писал, что сведения о жалобах хану и другие обвинения – это «вымысел Татищева» [Карамзин 1992, т. 4: 201]. Сторонники указанной точки зрения встречаются и среди современных историков [Гумилев 2008].

При оценке подобных дискуссий следует помнить, что Александр Невский был сыном своего времени, где господствовали такие представления о добре и зле, о законе и справедливости, которые не в полной мере совпадают с современными нормами [Гумилев 2008; Кучкин 1996 и др.]. Принципиально то, что в народной памяти его имя не связывается с чрезмерной жестокостью, стяжательством и предательством, а орден его имени считался почетным как в эпоху самодержавия, так и в советские годы. Князь Александр Невский прочно вошел в когорту героев, прославивших свою страну в борьбе с иностранными захватчиками.

При обращении к идеологеме многое зависит от социальных условий и исторического этапа развития страны, от убеждений автора и специфики адресата, от задач соответствующей публикации и лежащей в ее основе коммуникативной стратегии. Показателен следующий факт. В 2008 году российское телевидение провело конкурс «Имя России», в процессе которого была поставлена задача по итогам массового голосования телезрителей определить национального лидера, человека, наиболее значимого для отечественной истории, вызывающего максимальные народные симпатии. Таким национальным лидером оказался именно Александр Невский, которого телезрителям представлял Патриарший местоблюститель митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (в настоящее время Патриарх всея Руси), постоянно ссылавшийся на Житие Святого Благочестивого князя Александра Невского, канонизированного в 1547 году.

Позднее, отвечая на вопросы телезрителей, Патриарший местоблюститель Кирилл сказал: «Я убежден в том, что именно святой Александр Невский должен стать именем России. В своих выступлениях я многократно аргументировал свою позицию. Кто, как не святой, может и должен быть назван “именем России”? Святость – это понятие, не имеющее границ, простирающееся в вечность. Если наш народ выбирает своим национальным героем именно святого, это свидетельствует о духовном возрождении, происходящем в сознании людей. Сегодня это особенно важно» [Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл: 2008].

Для политической мифологии вовсе не характерно точное следование историческим фактам, «общеизвестность» мифологем часто воспринимается как лучшее доказательство их истинности. Это в полной мере относится и к образу Александра Невского в современной массовой коммуникации, в том числе к его высказываниям. В СМИ последних лет чаще всего воспроизводятся три афоризма, которые авторы считают словами именно Александра Невского. У каждого из них своя судьба, и происхождение их далеко не всегда восходит к глубине веков.

1. Первый из рассматриваемых афоризмов связан с победой, которую войска Александра Невского одержали над крестоносцами в 1242 году. Как пишет автор-составитель книги «Речи, которые изменили Россию» Радислав Гандопас, «во многих воинских частях России мы найдем фразу «Кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет!». И подпись под ней: «Александр Невский» [Гандопас 2010: 14]. Наши журналисты и политики постоянно цитируют этот афоризм, однако удивляет тот факт, что он был совершенно неизвестен в досоветской России и даже в первые годы советской власти. Как это могло случиться?

Дело в том, что слова «кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет!» впервые прозвучали в снятом Сергеем Эйзенштейном по сценарию Петра Павленко в 1938 году художественном фильме «Александр Невский». Их произносит актер Николай Черкасов, исполнитель роли Александра Невского, обращаясь к чужеземным воинам, которых после разгрома и пленения на Чудском озере отпускают из Новгорода в родные края [Гандопас 2010: 14]. Эта фраза в дискурсе предвоенных лет звучала как предупреждение возможным агрессорам.

По словам Владислава Быкова и Ольги Деркач, кинофильм «Александр Невский» – «это просто товарищ Сталин в роли старика Фрейда. На историческом фоне звучит прямо-таки неприкрытая угроза: “Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет”». Фраза была так хороша, что ее много лет приводили в качестве подлинного высказывания Александра Невского в школьных учебниках» [Быков, Деркач 2000: 18]. К счастью для автора сценария и режиссера, ценители искусства из НКВД и отделов пропаганды не обратили внимания на то, что эти слова Александра Ярославовича – по существу перифраз цитаты из Евангелия от Матфея: «Взявшие меч мечом и погибнут». О библейских истоках этих слов пишут и другие специалисты.

Вместе с тем некоторые современные авторы стремятся сделать рассматриваемую фразу еще более яркой. Так, в опубликованной газетой «Сельская новь» статье «Неизвестный Александр Невский» журналист пишет: «Александр всегда был предстателем и защитником России. И теперь, в годы новых бедствий, он не оставляет России, как не прекращаются и моления к нему. Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» (С. Н. Присекин // Сельская новь. 2003. 11.11). Трудно сказать, насколько сознательной была эта трансформация: возможно, автор статьи просто плохо помнил прецедентный текст.

2. Современные СМИ часто пишут об Александре Невском как о князе, который был блестящим дипломатом, умел договориться с ханом Золотой Орды и обеспечить участие татаро-монгольских отрядов в защите западных рубежей России. Так, в статье В. Прусакова «России надо искать друзей на Востоке, в Исламе», размещенной на сайте «Центральная Азия», сообщается, что «во времена Святой Руси прозвучали, как завет потомкам, слова святого благоверного князя Александра Невского: “Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке”». Далее автор пишет: «Можно лишь искренне пожалеть, что многие современные руководители России запамятовали мудрый совет великого князя, основанный не только на личном опыте, но и на геополитических реалиях» [В. Прусаков 2010].

В «Национальном корпусе русского языка» представлено более двадцати подобных контекстов, и закономерно встает вопрос об источнике афоризма, о котором «запоминали» не только руководители современной России, но и их предшественники в советскую и досоветскую эпоху.

Можно предположить, что прежние руководители нашей страны ничего не знали об этом афоризме. Анализ интернет-ссылок и иных материалов показывает, что впервые названная фраза обнародована в созданном на рубеже веков (1999) сочинении митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира (В. З. Икима). В заключительном абзаце этой книги сначала приводятся слова императора Александра III о том, что «У России есть только два друга – это ее армия и флот», а затем сообщается, что «во времена Святой Руси прозвучали и иные слова – завет благоверного великого князя Александра Невского: “Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке” [митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир 1999].

К сожалению, священнослужитель не посчитал нужным указать, каким источником цитирования он пользовался, не уточнил, где и при каких обстоятельствах он познакомился с соответствующими документами. Вместе с тем совершенно справедлива сама мысль о большой роли Александра Невского в установлении взаимодействия с восточными соседями, о его дипломатическом таланте. Показательно, что еще в досоветскую эпоху он считался святым покровителем российской дипломатии.

В нашей стране, возможно, следовало бы чаще вспоминать более точные и справедливые слова выдающегося российско-американского ученого Г. В. Вернадского, который еще в 1925 году писал: «Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа» [Вернадский 1925: 336].

3. Третья фраза, которую постоянно упоминают современные СМИ, действительно восходит к словам Александра Невского. Как сообщает Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», юный новгородский князь, получив сообщение о шведской агрессии, сказал своей дружине: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» [Карамзин 2004: 203]. Показательно, что, по данным «Национального корпуса русского языка», названное высказывание постоянно цитировалось в досоветскую эпоху (обычно со ссылками на «Житие Святого Александра Невского»), но в период господства коммунистической идеологии почти не употреблялось, что, видимо, объясняется ее антирелигиозной направленностью. В постсо-

ветские годы такое упоминание уже никого (даже коммунистов) не смущает, и соответствующая цитата активно используется в СМИ.

Следует отметить, что в современной массовой коммуникации активно используется также вариант данного афоризма с иным порядком слов. Так, в популярном националистическом издании эта фраза употребляется непосредственно в тексте статьи, посвященной проблемам собственности и приватизации промышленных предприятий Белгородской области: *«Как говорил наш святой князь-воитель Александр Невский, не в силе Бог, а в правде. Так что дело здесь не в личностных качествах, пристрастиях и антипатиях. Дело в том социально-экономическом курсе, который взят администрацией области»* (В. Алтухов // Завтра. 2003. 20.05).

Депутат Государственной думы РФ от КПРФ В. Ф. Рашкин на официальном портале своей партии пишет о том, что сила в Федеральном собрании на стороне «Единой России», а правда – на стороне коммунистов. Далее, ссылаясь на слова Александра Невского **«не в силе Бог, а в правде»**, депутат делает вывод, что победа силы («Единой России») над правдой (КПРФ) всегда временна (В. Ф. Рашкин // www.kprf.ru). В новостях интернет-сайта Е1 (Екатеринбург) сообщается, что «на Урале стартовала акция “ленточка правды” в поддержку Е. Бычкова. – Активисты фонда “Город без наркотиков” раздавали ленточки с фразой **“Сила в правде”**».

Подобные варианты словорасположения встречаются и во многих других современных публикациях, посвященных проблемам наших дней, а не древнерусской истории.

В докладе митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира, опубликованном на сайте «Интерфакс-Религия», сообщается, что фраза «Не в силе Бог, а в правде» представляет собой один из трех внешнеполитических принципов Александра Невского. По мнению автора, эта фраза имеет «прямую связь с ключевым принципом современного международного права – принципом неприменения силы или угрозы силой против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства» [митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир 2010]. Отметим также, что в текстах религиозного дискурса обычно подчеркивается, что, сражаясь с западными агрессорами, Александр Невский тем самым отстаивал интересы православия в его борьбе с католицизмом.

Рассмотренный материал еще раз подтверждает тесную связь идеологемы с историческими условиями ее существования и позицией автора. Вполне закономерно, что в конце тридцатых – начале сороковых годов прошлого века официальная пропаганда стремилась выдвигать

нуть на первый план героическую борьбу Александра Невского с западными захватчиками и его патриотизм, что было политически важно в связи с надвигающейся войной. Именно эти прагматические потребности и стали причиной появления кинофильма, где впервые прозвучал афоризм, который впоследствии в массовом сознании стал восприниматься как подлинные слова новгородского князя, обращенные к захватчикам.

На современном этапе развития массовой коммуникации все чаще акцентируются дипломатические способности Александра Невского, его умение договориться с ханом Золотой Орды и даже использовать помощь хана при военных конфликтах с западными соседями. Эта тенденция породила приписываемую Александру Невскому фразу «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке».

Традиционное для российского сознания стремление к справедливости, противопоставление духовности грубой силе делают вполне естественными все новые и новые обращения к афоризму «Бог не в силе, а в правде», который часто цитировался в досоветскую эпоху, но оставался без внимания в период господства коммунистической идеологии.

Не менее закономерно и то, что в советскую эпоху, как правило, говорили о новгородском князе Александре Невском, который, защищая Родину, одержал славные победы над немцами и шведами, но избегали упоминать об его отношении к православной церкви и борьбе с католическим влиянием. Совершенно иначе расставляются акценты в современной массовой коммуникации, в которой, как и в досоветскую эпоху, часто ссылаются на канонизированного православной церковью Святого Благоверного Александра Невского, подчеркивают его религиозность, стремление отстоять не только родные земли, но и православную религию, решительный отказ от католицизма. В подобных текстах обнаруживается профилирование, выдвижение на первый план тех или иных поступков и личностных качеств героя, а также умолчание о некоторых обстоятельствах его жизни и деятельности.

Представленные материалы позволяют также охарактеризовать (по приведенным в предыдущем разделе параметрам) основные свойства прецедентного имени *Александр Невский* в современной массовой коммуникации:

- высокая частотность, что свидетельствует о значительной роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность, предоставляющая возможность для акцентирования различных личностных и политических качеств;

- ярко выраженное преобладание позитивной оценки и нетипичность безоценочного использования;
- широкие возможности для коннотативного использования;
- типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности.

3.4. Прецедентный хрононим *Смутное время*

Как уже было показано во второй главе настоящего исследования, хрононимы (наименования отрезков времени) находятся на периферии поля имен собственных, тогда как центр (термин системно-структурной лингвистики и семиотики), или «лучший экземпляр» (когнитивный термин), представляют антропонимы и отчасти топонимы. Периферийное положение хрононимов отчасти объясняется их немногочисленностью: в богатой на события истории человечества лишь немногие отрезки времени получили собственные имена, склонные к метафорическому использованию (*18 Брюмера* Наполеона, *11 сентября* – день атаки террористов в США, *(Великий) Октябрь* как символ революции в России, *37-й год* как обозначение периода жестоких репрессий, *41-й год* как символ тяжелых поражений). В том же ряду стоит прецедентный хрононим «Смутное время».

Для нашего исследования очень важна идея Г. Г. Слышкина о том, что прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты, прецедентные ситуации и иные прецедентные феномены способны объединяться в единицы высшего порядка – ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ МИРЫ, понимаемые как комплексные лингвоконцептологические образования, которые интегрируют отдельные прецедентные феномены. В рамках рассматриваемой концепции указанные прецедентные феномены объединяются благодаря хронологической и пространственной близости и смысловым связям [Слышкин 2004]. Ярким примером такого комплексного лингвоконцептологического образования может служить детально исследованный Т. В. Лавриненко прецедентный мир «Великая Отечественная война», в рамках которого объединяются прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные тексты [Лавриненко 2007].

К числу прецедентных названий, активно используемых в современной политической коммуникации, в полной мере относится «*Смутное время*». Первоначально этим наименованием обозначалась политическая ситуация, сложившаяся в нашей стране в конце XVI – начале XVII века. В «Новейшем энциклопедическом словаре» под редакцией Е. А. Варшавской [2006] представлена следующая статья.

«СМУТНОЕ ВРЕМЯ» («смута»), общее название событий в России в период от смерти царя Ивана IV Васильевича Грозного (1584) до восшествия на престол Михаила Фёдоровича Романова (1613). Кризис государственности; народные выступления; гражданская война, правление самозванцев (Лжедмитрия I, Лжедмитрия II); польская и шведская интервенции; разорение страны. Термин «Смутное время» введен русскими писателями XVII в.

Более развернутое описание представлено в энциклопедическом словаре «История Отечества» [1999].

СМУТНОЕ ВРЕМЯ («смута»), принятый в исторической литературе термин для обозначения событий в России конца 16 – начала 17 вв., впервые введен русскими писателями начала 17 в. Эпоха социально-политического, экономического и династического кризиса в России. Начало С. в. положено катастрофическим голодом 1601-03. Резкое ухудшение положения всех слоев населения привело к массовым волнениям под лозунгом свержения царя Бориса Годунова и передачи престола «законному» государю, а также к появлению самозванцев. В результате династического кризиса после смерти Бориса Годунова (1605) и убийства его сына Фёдора Борисовича трон занял *Лжедмитрий I* (1605-06). Свергнувший самозванца *Василий Шуйский* сумел подавить *Болотникова восстание 1606-07*. Однако в 1608 Москва была осаждена отрядами *Лжедмитрия II*, для борьбы с которым Швеция предоставила наемное войско (в обмен на территориальные уступки: города Ям, Копорье и Корела с уездом). Благодаря действиям воеводы *М. В. Скопина-Шуйского* была снята осада Троице-Сергиева монастыря и Москвы. Однако в сентябре 1609 войско Речи Посполитой осадило Смоленск. Летом 1610 шведские войска подступили к Новгороду и Пскову. Ряд поражений русских войск привел к свержению Василия Шуйского. Власть перешла к «*Семибоярщине*», по инициативе которой на русский трон был избран польский королевич Владислав, а в октябре того же года Москву занял польский гарнизон. Патриотическое движение под лозунгом избрания «исконного» государя привело к формированию в Рязанских городах *Первого ополчения 1611* (руководитель *П. П. Ляпунов*), начавшего освобождение страны. В октябре 1612 отряды *Второго ополчения 1611-12* во главе с князем Д. М. Пожарским и К. Мининым освободили столицу, принудив к сдаче польский гарнизон. Земское правительство ополчения («Совет всей земли») начало подготовку к Земскому собору, который в 1613 избрал царём *Михаила Фёдоровича* Романова. Попытки короля Сигизмунда III и королевича Владислава захватить Москву в 1612 и 1617 были отражены. К началу 1620-х гг. кризис преодолен (подавлено *Баловня восстание 1615*, заключены *Столбовский мир 1617* со Швецией и *Деулинский договор 1618* с Речью Посполитой).

Название «Смутное время» в одних случаях воспринимается как имя собственное и пишется с прописной буквы, в других – как имя

нарицательное и, соответственно, пишется со строчной буквы. Ср.: *Тогда стало понятно, откуда **Смутное время** получило свое название: не в безвластии было дело, а в размытости зрения, внезапно постигшей всех* (Д. Быков // Орфография. 2002). *Видимо, еще при Иване Грозном или же в **Смутное время** что-то сломалось в нашем генетическом аппарате* (В. Пьецух // Октябрь. 2003). *Ведь именно она, идея, помогла преодолеть тяжелейшее **смутное время** в начале XVII века* (Русская идея: национальное и общероссийское // Жизнь национальностей. 2002). *Немчин сравнивает его с «малым Борисом, правившим Русью в **смутное время*** (Ю. Михайлов, Ф. Бармин // Спецназ России. 2003. 03.15).

В современных СМИ обозначение «Смутное время» часто метафорически используют по отношению к политической ситуации в нашей стране, сложившейся на рубеже XX и XXI вв. В этом случае также наблюдается варьирование написания. Ср.: *Но если всерьез считать нынешнее, третье в истории России **Смутное время**, – Революцией, Реформацией или чем-то аналогичным, то нынешний режим находится в самом начале переходного этапа* (М. Малютин // Век XX и мир, 2002). *В России контроль над символом «нация» и его значениями принадлежит сегодня антинациональной клике, пользующейся возможностью в «**смутное время**» получить колоссальные дивиденды, приватизировав и продав все, что считалось общенародной собственностью* (И. Орлова // Наш современник). *И в наше **смутное время** вы неустанно продолжали нести народу слово правды, слово поддержки, понимания и доброты* (Е. Строев // Наш современник. 2005).

Отметим различия в правописании: в первом примере использована прописная буква, во втором случае – кавычки и строчная буква, в третьем – нет ни кавычек, ни прописной буквы. Представляется, что при обозначении периода в истории России рубежа XVI и XVII вв. лучше применять прописную букву, а при метафорической характеристике иных временных отрезков – строчную. Следует, однако, отметить, что данное правописание до сих пор относится к числу вариантов [Нахимова 2006].

Нередко рассматриваемое наименование используется для обозначения сложного периода в жизни отдельных людей. Ср.: *Для оводов среда и четверг – **смутное время**, когда вероятно неопределенность в делах, в отношениях с близкими, когда придется менять планы из-за несогласованности действий, из-за невнимания к вашей персоне* (Гороскоп на неделю // Вечерняя Москва. 2002. 14.03). В таких случаях написание со строчной буквы обязательно.

В современных СМИ активно употребляется не только прецедентное название «*Смутное время*», но и прецедентные имена людей, получивших широкую известность в тот период: освободители Москвы *Козьма Минин* и *Дмитрий Пожарский*, основоположник династии *Михаил Романов*, народный герой *Иван Сусанин* и неудачливые претенденты на российский престол. Ср.:

*Подозреваю, что если в нынешних российско-чеченских взаимоотношениях ничего не изменится, то лет через 50 в Чечне будут писать книги, как отец и сын Кадыровы (фактически **Минины и Пожарские** в одном лице) боролись с международным терроризмом и Шамилем Басаевым (400 лет назад это были «польские интервенты» и **Лжедмитрий**). (Т. Алиев // Известия. 2005. 08.11).*

*Стало быть, Горбачев – провиденциальный **Гришка Отрепьев**, без которого не было бы Московского царства; а Ельцин – нечаянный **Козьма Минин**, который ровнял стези Владимиру Путину. Но оба они, Горбачев и Ельцин, суть распавшиеся половинки целого, люди смуты (С. Землянов // Московские новости. 2003. 12.07).*

Особенно часто используется в современных СМИ прецедентное имя Ивана Сусанина, который завел отряд польских интервентов в лесные дебри и тем самым спас российское государство и юного царя Михаила Романова. Ср.:

*Но может, и вправду на этот раз нам повезет, и Путин окажется не **Сусаниным**, ведущим в непроходимую чащу, а Данко, светом своего сердца освещающим дорогу народу из лесных сумерек? (М. Стурюа // Московский Комсомолец. 2004. 22.02). Но если уж Путин сказал «Стройся», а сам во главе колонны не встал, то построившиеся начинают вертеть головами и спрашивать «где **Сусанин**?». По понятиям людей, вложивших в «Единую Россию» весь жар своих сердец, Путин их, конечно же, кинул (А. Костюков // Новая газета. 2003). Сегодня, по прошествии пяти лет «пути с Путиным», мы все «идущие вместе» с ним готовы вопрошать: «Куда ты завел нас, **Сусанин-герой**» (О. Чекрыгин // Новая газета. 2003. 30.01).*

Показательно, что во всех этих контекстах прецедентное имя *Сусанин* используется для обозначения политика, который ведет общество опасной дорогой, но крайне редко встречаются ассоциации, связанные со спасением государства. В результате оказывается, что в СМИ акцентируется смысл «проводник, ведущий путников к гибели», при этом ведомыми всегда оказываются русские/Россия, но не поляки, т. е. в прецедентном имени высвечиваются именно пейоративные коннотации.

Герои Смутного времени – купец *Козьма Минин*, крестьянин *Иван Сусанин* и князь *Дмитрий Пожарский*, как и приведенный ими к царскому венцу *Михаил Романов*, – давно заняли почетное место в истории России, а их имена уже четыре столетия воспринимаются как прецедентные, как своего рода символы служения Отечеству. Однако наиболее частотными оказались апелляции не к именам спасителей Отечества, а к прецедентному имени *Лжедмитрий* (он же – *Тушинский вор*, *Гришка Отрепьев* и *Самозванец*), то есть к имени человека, который принес России много несчастий.

Следует отметить, что в нашей истории *Тушинский вор* и *Гришка Отрепьев* – это совершенно разные люди, но вот в современных СМИ их почему-то часто «объединяют» в единый концепт «Лжедмитрий». Здесь высвечивается интересная особенность прецедентного имени *Лжедмитрий*: оно может использоваться как собирательный образ сразу нескольких конкретных людей, нескольких «уникальных» субъектов, чего нельзя сказать о Керенском или Иване Калите.

Рассмотрим наиболее типичные варианты коннотативного употребления имени собственного *Лжедмитрий* в современных СМИ.

1. Человек, который, стремясь занять престол, выдает себя за сына монарха (как Лжедмитрий, который выдавал себя за сына Ивана Грозного). Ср.:

В каждой стране есть свои лжедмитрии. Во Франции таких мошенников насчитывалось несколько десятков. И все они боролись за право именоваться Людовиком XVII. С тех пор прошло два века, но точку в этой истории ставят только сегодня (А. Яшлавский // Московский комсомолец. 2004. 08.06).

2. Человек, который, стремясь получить выгоду, выдает себя за сына известного человека (но не монарха). Такой вариант отличается от предшествующего только тем, что объектом претензий становятся не права на трон, а какие-либо иные права. Ср.:

Пусть он ссылается на кого угодно. Эти «лжедмитрии» время от времени заявляют о себе преимущественно со страниц бульварных газет. Один даже требовал эксгумации отца для генетической экспертизы. В связи с этим заявляю: у меня есть единственный родной брат, Аркадий. Других не знаю (Н. Высоцкий // Труд. 2006. 25.07).

3. Женщина, которая, стремясь получить какую-то выгоду, привлечь к себе внимание, выдает себя за жену (подругу и т. п.) известного человека (как Лжедмитрий, который выдавал себя за сына Ивана Грозного). Ср.:

Следствия этой фантазии разнообразны, как и возраст поклонников, их род занятий и идеология. Абсолютно привычная картина,

когда в ходе очередного тура возникают очередные **Лжедмитрии** в гофрированных юбках, которые делают сенсационные признания. Это как прогноз погоды: раз группа выехала в тур – быть новым любовникам и внебрачным детям (О. Сапрыкина // Комсомольская правда. 2002. 28.09).

4. Человек, который без достаточных оснований выдает себя за законного главу государства (подобно Лжедмитрию, выдававшему себя за законного царя), хотя и не мотивирует это династическими либо иными законами о передаче власти. Ср.:

*Как и следовало ожидать, «альтернативным президентом Южной Осетии» избран перебежчик Дмитрий Санакоев. Более того, по данным Государственного комитета печати и информации Южной Осетии, под эгидой этого «альтернативного президента», которого уже называют осетинским **Лжедмитрием**, грузинской стороной в форсированном темпе создаются вооруженные формирования под названием «армия Нижней Осетии» (Без автора. Урановый скандал // Regnum. 2007. 14.02).*

5. Человек, который, стремясь получить какую-либо выгоду, выдает себя за более значительную персону, чем является в действительности (как Лжедмитрий, он же Гришка Отрепьев, выдававший себя за законного наследника российского престола). Ср.:

*Стало быть, ежели прет напролом гражданское авто без картинок, но с мигалками, знай – жулик, самозванец, словом – **Гришка Отрепьев**... К ногтю его! (В. Травин // Московский комсомолец. 2006. 28.09).*

6. Политический лидер, который, возглавляя государство, проводит антинациональную политику, лоббирует интересы другого государства (как Лжедмитрий, бывший проводником польских интересов в России). Ср.:

*Подозреваю, что если в нынешних российско-чеченских взаимоотношениях ничего не изменится, то лет через 50 в Чечне будут писать книги, как отец и сын Кадыровы (фактически Минины и Пожарские в одном лице) боролись с международным терроризмом и Шамилем Басаевым (400 лет назад это были «польские интервенты» и **Лжедмитрий**). (Т. Алиев // Известия. 2005. 08.11).*

7. Человек, который, спасаясь от ареста, выпрыгивает в окно, надеясь укрыться за границей (как Лжедмитрий, в аналогичных обстоятельствах пытавшийся сбежать через окно), а также любой спасающийся бегством. Ср.:

Харизма, или обаяние, вещь обманчивая, как любое чувство. Вчера Собчак был национальным героем, публика млела от его «вы-

ходов» к микрофонам Верховного Совета, его грудная насадная фистула звенела в ушах народа, как прежде голос диктора Левитана, а сегодня он – жалкий симулянт инфаркта, неубедительный актер клубной самодеятельности – в пижаме кардиологического центра прыгает в окно Европы, как **Гришка Отрепьев** (А. Лысков // Завтра. 1998. 01.07).

8. Человек, который, не имея реальных прав и достоинств, сумел хотя бы ненадолго «обольстить» Россию, повести за собой ее народ и стать высшим руководителем. Ср.:

*Однако назваться «другой Россией» всякий дурак может. Вот оправдать свои претензии, доказать, что и вправду можешь, как некий новый **Лжедмитрий**, обольстить и покорить Россию, немного сложнее. И задача эта явно не экс-премьера. Опускать российский ТЭК он, может, и рад бы – в случае, если бы оказался в Кремле. Вопрос лишь в том, как там оказаться?* (Н. Васильева // Комсомольская правда. 2006. 08.09).

9. Человек, который, получив широкую известность, говорит, что он все делает во имя интересов родной страны, но в действительности своими действиями приносит вред (как Лжедмитрий, нанесший большой урон России). Ср.:

*Григорьев называл писателей, сплотившихся вокруг «Современника» и «Отечественных записок», включая Некрасова и Салтыкова-Щедрина, «**тушинскими ворами**», то есть самозванцами, разрушителями России.* (Е. Евтушенко // Труд. 2003. 17.07).

10. Человек, способный воодушевить толпу на бунт, на иные противоправные и вредные действия (как Лжедмитрий, который встал во главе мощного восстания и захватил власть). Ср.:

*Поговаривали и о коварных политехнологах в штатском, подстроивших управляемый погром для протаскивания закона об экстремизме – возможном наморднике на прекрасное лицо наших демократов. И никто не расценил этот мини-бунт как пока еще первую волну, докатившуюся от громадной бездны деклассированной молодежи без прошлого и настоящего. И если быстро не дать им приемлемого для них будущего, обязательно объявится харизматик. Была бы критическая масса для взрыва, а уж **Гришка Отрепьев** найдется* (Б. Ноткин // Московский комсомолец. 2002. 13.08).

11. Человек, которого зовут Дмитрий, но не соответствующий требованиям к лидеру, руководителю, идейному вождю (как Лжедмитрий не обладал качествами «подлинного» царевича Дмитрия): *Также участники акции раздавали листовки, которые назывались «Патриотизм Рогозина – это блеф. Его имя – **Лжедмитрий**»* (Без автора. По-

тасовка на Московской Международной книжной выставке-ярмарке // Труд. 2006. 08.09).

12. Человек, олицетворяющий все худшее, что может быть в политике, который стремится к власти или близок к людям власти: *Власть распалась на кучку грызущихся клик, между ними туда-сюда снуют юркие люди, донося очередному хозяину на прежнего. От ЮКОСа к «Альфа-груп», от нее к Березовскому, от того к Путину, потом обратно и т. д. Это называется «система сдержек и противовесов». Как будто Гришку Отрепьева с Распутиным скрестили, а их сыночка клонировали и всю эту шуштуру к нам во власть запустили* (А. Карпентер // Завтра. 2005. 25.05).

Показательно, что в рассмотренных материалах не обнаружено контекстов, в которых бы акцентировались какие-либо положительные свойства Лжедмитрия, в том числе отмеченные многими специалистами образованность, широта взглядов, веротерпимость, знание народной жизни и понимание мотивов социальных движений.

Можно заметить, что на рубеже тысячелетий количество обращений к прецедентным именам, восходящим к Смутному времени, значительно увеличилось, поскольку нередко проводятся параллели между Россией на рубеже XVI–XVII и на рубеже XX–XX вв.

Национальная система прецедентных феноменов постоянно развивается, поскольку каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности [Красных 2003; Нахимова 2008; Слышкин 2007 и др.]. Одни и те же властители то восхищали наших соотечественников, то вызывали их негодование. Однако процесс таких преобразований практически не коснулся рассматриваемых в настоящем разделе прецедентных имен: вот уже много веков восприятие Смутного времени, его героев и антигероев в российском национальном сознании остается стабильным. В начале XXI века, как и в прошлые столетия, сопоставление с Лжедмитрием (а также Тушинским вором, Гришкой Отрепьевым) воспринимается как оскорбление, как сильное и этически небезупречное средство прагматического воздействия.

К периоду Смутного времени восходит и прецедентное имя *Семибоярщина*, которое появилось в русском языке в начале XVII века для обозначения своего рода «коллективного царя» – правительства, состоящего из семи бояр. Оно было создано в 1610 году и просуществовало до 1612 года, запятнав себя избранием на российский престол польского королевича Владислава и приглашением в Москву польского гарнизона. Именно в это время политический, экономический и ди-

настический кризис, получивший название «Смутное время», достиг своей высшей точки. В народном сознании эти события воспринимаются как национальное унижение, закончившееся с изгнанием иноземцев из столицы народным ополчением под руководством Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина.

Имя существительное *Семибоярщина* использовалась не только для номинации боярского правительства, но могло метонимически обозначать и период властвования этого правительства, и даже сложившуюся в эти годы государственную систему, отличительными признаками которой были слабость правительства, социальные конфликты, гражданская война и экономический кризис.

Почти четыре столетия слово *Семибоярщина* воспринималась как историзм, как обозначение социально-политической ситуации, которая больше не сможет повториться. В стране, казалось бы, прочно укоренилось всенародное понимание необходимости сильной государственной власти, олицетворяемой национальным лидером (царем, генеральным секретарем, президентом), и приоритета национальной идеи над личными, семейными, сословными, региональными или классовыми интересами.

К сожалению, на рубеже XX и XXI веков слово *Семибоярщина* вновь стало применяться для обозначения современных политических реалий. Такое использование нередко связано с установлением параллелей между Смутным временем и политико-экономической ситуацией, сложившейся в России почти через четыре века после завершения первой Смуты. Ср.: *Что составляет главную опасность для Путина на втором сроке? Новая силовая олигархия, скорее даже – финансовая **семибоярщина*** (Г. Павловский // Известия. 2003. 05.09). *Сообща приходится мозговать, как выбраться из кураленковской ямы. Многоголовое правление – уникально для Подмоскovie. Но старики его уже прозвали **семибоярщиной**. Когда-то она помогала* (В. Попов. В Волоколамске правит **семибоярщина** // Московский комсомолец. 2002. 21.01). *Вряд ли кто-то полагает, что Путин покинет пост и отправится сажать капусту. Невозможен и китайский вариант. Путин, по замыслу его окружения, должен остаться реальным лидером. Пока ни «**семибоярщина**», ни «диархи» не выбраны. Обе схемы не имеют хорошего институционального, юридического обрамления* (И. Бунин // Московские новости. 2006. 06.02).

Как свидетельствуют данные контексты, в современных условиях преобразуется традиционная семантика лексемы *Семибоярщина*. Теперь это слово обозначает не боярское правление, а чрезмерное влияние олигархов на государственное управление (первый пример), несо-

гласованность между различными органами власти (второй пример). В последнем случае рассматриваемое слово обозначает политических лидеров, способных стать ближайшими помощниками президента (третий пример). Вполне закономерно, что слово *семибоярщина* при его использовании для обозначения современных реалий начинается на письме со строчной, а не с заглавной буквы.

В других случаях рассматриваемое наименование служит своего рода образцом, по которому создаются иные слова с похожими значениями и словообразовательной структурой. Наибольшую известность среди этих неологизмов приобрело слово *семибанкирщина*. Оно впервые появилось в прессе 14 октября 1996 года, когда журналист Андрей Фадин опубликовал статью «Семибанкирщина как новорусский вариант семибоярщины», в которой проводились аналогии между Смутным временем и современной Россией, а также давалась следующая характеристика роли семи ведущих банкиров в российской финансовой системе: *Они контролируют доступ к бюджетным деньгам и практически все инвестиционные возможности в стране. В их руках громадный информационный ресурс крупнейших телеканалов. Они формулируют волю президента. Те, кто не захотел идти вместе с ними, придушены или сошли с круга... Но в России никакая победа не является окончательной, если она не выглядит минимально справедливой в глазах большинства* (Общая газета. 1996. 14.11). Конечно, и до появления статьи А. Фадина существовали обобщающие обозначения для крупнейших банкиров (финансовая элита, банковские воротилы и др.), но журналист нашел яркое слово-ярлык, способное выразить классовую ненависть к «махинаторам и прихвизаторам», и в то же время – презрение к ним.

Борис Березовский за две недели до публикации статьи А. Фадина в интервью газете «Financial Times» (01.11.1996) назвал конкретные фамилии самых богатых финансистов, контролирующих более половины российской экономики и интенсивно влияющих на принятие важнейших внутриполитических решений в России. К их числу относились Владимир Потанин, Владимир Гусинский, Михаил Ходорковский, Петр Авен, Михаил Фридман, Александр Смоленский и сам Борис Березовский. Дальнейшие судьбы этих людей оказались весьма различными и дали возможность убедиться в том, что богатство не приносит полного счастья. Судьба переменчива, и с тех пор список самых богатых людей России значительно изменился; некоторые из них покинули страну, Михаил Ходорковский оказался в заключении, а банк Александра Смоленского потерпел крах. Как гласит пословица, в нашей стране не следует зарекаться от сумы и тюрьмы.

Удача надолго покинула некоторых финансистов, причислявших к *семибанкирщине*, но слово-ярлык осталось. Вот уже более десятилетия оно активно используется для обозначения не только группы банкиров, но и всей финансово-политической ситуации, существовавшей в России на рубеже веков. Журналисты часто не считают нужным объяснять его смысл или хотя бы брать в кавычки, свидетельствующие о нестандартном словоупотреблении. Ср.:

У Б. Н. Ельцина вслед за тяжелой операцией были регентство и семибанкирщина, когда придворные капиталисты своею дерзостью предвосхищали нынешнюю дерзость придворных чекистов (М. Соколов // Эксперт. 2004). *Россия нравилась Западу в 90-х годах. Когда у нас был развал экономики, семибанкирщина, власть олигархических групп и их апологетов, хаос, который привел к экономическому кризису и обнищанию* (Ю. Лужков // Известия. 2006. 13.07).

В народном сознании *семибанкирщина* давно уже стала символом стяжательства, несправедливого обогащения, эгоизма, презрения к национальным интересам страны, а соответствующее слово с самого начала употребления имело негативную эмоциональную окраску. Очевидные параллели между разграблением страны в Смутное время начала XVII века и обнищанием значительной части населения в конце XX века усиливают прагматическое воздействие соответствующей лексемы и способствуют ее семантическому развитию.

При изучении современных СМИ можно обнаружить следующие метонимически связанные между собой варианты семантики неологизма *семибанкирщина*.

1. Группа крупнейших в стране финансистов, способных воздействовать на государственную политику. Показателен следующий фрагмент из интервью с банкиром А. Смоленским:

Вечером в воскресенье, 16 августа, мы собрались в «Белом доме»... – «Мы» – это кто? – Владельцы крупнейших банков: вся «семибанкирщина» плюс руководители государственных Сбербанка, Внешэкономбанка. Словом, человек десять. Там нам и сообщили о том, что принято такое «вынужденное и выстраданное» решение (Д. Докучаев. Интервью с А. Смоленским // Московские новости. 2003. 12.08).

2. Чрезмерное влияние крупнейших финансистов на политику государства. Ср.:

Собственно, на позапрошлых президентских выборах, в 96-м, так и было. «Семибанкирщина» потянула за собой олигархические разборки, разборки в конечном итоге вылились в перетряску правительства, потом и кризис подоспел (А. Игнатенко // Московские новости. 2003).

3. Люди, достигшие в России значительных экономических успехов (но не обязательно входящие в группу семи крупнейших банкиров). Ср.:

Зато на экране ежедневный праздник, за который платит «семибанкирищина», тут игры в «мани-мани», смертоубийство и разврат, бесконечное пошлое ерничество и циничный смех, а в России уныние, спрашивают друг у друга, зачем жить и куда идти, ведь впереди дороги не видать, заблудились совсем и ни зернышка света (А. Личутин // Завтра. 2003. 15.10).

Показательно, что обозначение *семибоярищина* в последние годы активно используется и при характеристике зарубежных реалий. Обычно имеется в виду группа из семи политиков или объединение, состоящее из семи политических движений. Так, в следующих контекстах журналисты обнаруживают *семибоярищину* в системе власти Ирака, Украины и Белоруссии. Ср.: *В течение последних шести недель в Ираке существовал некий консультативный орган, в который входили представители семи самых влиятельных движений, находившихся в оппозиции Саддаму Хусейну. Никаких властных функций эта «семибоярищина» не имела, зато предполагалось, что именно на ее основе будет создаваться в будущем новое национальное правительство.* (М. Зыгарь // Коммерсант. 2003. 09.06). *По словам лидера Объединенной гражданской партии Анатолия Лебедько, «продолжается процесс установления еще более жесткого контроля над Национальным собранием, начатый недавно установлением «семибоярищины» в Палате представителей». «Семибоярищиной» Лебедько назвал неофициальное назначение Александром Лукашенко семи депутатов нижней палаты своими представителями* (Е. Дайнеко // Известия. 2003. 29.07). *В последнем номере влиятельный украинский еженедельник «Зеркало недели» задается риторическим вопросом: отдает ли себе отчет президент в том, что превращение Тимошенко в номинального премьер-министра приведет к тому, что сам Ющенко станет заложником семибоярищины* (Л. Куложенко // Независимая газета. 2005. 19.07).

В последние годы у существительных *семибоярищина* и *семибанкирищина* обнаружился значительный деривационный потенциал. По аналогии с их словообразовательной структурой постоянно создаются окказиональные слова: *семинафтяница, семигенеральщина, семихолуйщина* и др. В этом случае при сохранении первого компонента сложного существительного вторая часть слова указывает на некую группу лиц, оказывающих чрезмерное влияние на государственное управление. Показательно, что и новые слова с начальным элементом

«семи-» воспринимаются как несущие негативную эмоциональную окраску. Ср.: *Фамилии должны быть говорящими. Но это очень непростое дело, когда в стране практически нет публичной политики. Когда-то у нас была **семибоярищина**, в 90-х – **семибанкирищина**, а сегодня – **семихолуйщина**.* (Г. Явлинский // Коммерсант. 2007. 17.09). Глава Минэкономразвития Герман Греф заявил 17 февраля 2003 года в эфире НТВ: *«Знаете, раньше была **семибанкирищина** – теперь **семи-нефтянищина**».* Таким образом, слово «семибанкирищина» можно признать устаревшим (Коммерсант-Власть. 2003. 23.06). Эти мысли и привели к созданию Госсовета. Потом президиума Госсовета из семи человек. Фактически создали новую «византийскую» систему баланса между старым ельцинским укладом, олицетворяемым губернаторами, и Госсоветом, президиумом Госсовета. *«Семибоярищина»* из губернаторов «сливала» компромат на *«семигенеральщину»* из федеральных полпредов (С. Кургиян // Совершенно секретно. 2001. Июнь).

Отметим, что *семинефтянищина*, *семихолуйщина* или *семигенеральщина*, как и *семибанкирищина*, вовсе не обязательно должны состоять именно из семи лиц. Во всех этих случаях семантический признак «значительное влияние на государственную политику» оказывается намного более значимым, чем сема «группа, состоящая из семи лиц».

Показателен пример, когда вместо ожидаемого обозначения *семигубернаторщина* используется слово *многогубернаторщина*. Ср.: *Путин не стал, например, торговаться с губернаторами по поводу суверенитетов. И губернаторы тут же построились. Потому что знают, что людям не нравится ни **семибоярищина**, ни **семибанкирищина**, ни **многогубернаторщина*** (В. Найшуль // Известия. 2001. 10.08).

Еще одно необычное название – *семишатурищина* – образовано с использованием названия района (Шатурский район Московской области), в котором происходят анализируемые события. Ср.: *Двоевластие в Шатуре, как когда-то **Семибоярищина** в России, не привело к долгожданной стабилизации района, в котором мэр не совсем адекватен обстоятельствам* (В. Чуприн. *Семишатурищина* // МК. 2003. 30.06).

Рассмотренный материал показывает, что при использовании указанных существительных акцентируется не количество членов того или иного политического объединения, а отсутствие единой и сильной власти, недопустимость чрезмерного влияния на государственное управление различных социальных и профессиональных групп – нефтяников, военных, чиновников, губернаторов или финансистов.

Итак, социальные процессы рубежа XX и XXI веков вызвали к новой жизни в СМИ оценочное существительное *семибоярщина*, которое одновременно расширило границы своего смыслового варьирования и послужило образцом для создания неологизма *семибанкирщина* и ряда окказионализмов (*семигенеральщина, семинептянщина, семигубернаторщина и др.*). Указанные существительные позволяют провести параллели между современным состоянием нашей страны и ее социально-экономическим кризисом в период Смутного времени, ярко отражают негативное отношение к несправедливо обогатившимся финансистам и политической системе, приведшей к подобному положению дел.

Заканчивая рассмотрение прецедентного названия *Смутное время* и связанных с ним прецедентных имен (*Минин и Пожарский, царевич Дмитрий, Михаил Романов, Борис Годунов, Иван Сусанин, Лжедмитрий, Тушинский вор, Гришка Отрепьев, Самозванец, Марина Мнишек, Семибоярщина* и др.), следует отметить, что функционирование прецедентных феноменов в современных политических текстах определяется не только исторической значимостью соответствующей эпохи и соответствующих людей, но и рядом других факторов. К их числу следует отнести национальные стереотипы, политические мифы и анекдоты, которые определяют восприятие рассматриваемого феномена в новые исторические эпохи. Однако едва ли не важнейшей причиной обращения к истории оказываются потребности современности, стремление отыскать аналогии между прошлым и настоящим, найти в исторических метафорах аргументы для политической полемики в условиях новейшей истории России.

Представленные материалы позволяют также охарактеризовать (по приведенным ранее параметрам) основные свойства прецедентного названия *Смутное время* в современной массовой коммуникации:

- высокая частотность, что свидетельствует о значительной роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- однополюсность, акцентирование только одного ведущего признака;
- ярко выраженное преобладание негативной оценки и нетипичность безоценочного использования;
- широкие возможности для коннотативного использования;
- типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности.

По указанной схеме можно охарактеризовать и ведущие прецедентные имена, связанные со Смутой. Наиболее яркими свойствами в

этом отношении обладает прецедентное имя *Лжедмитрий*, для которого характерны следующие признаки:

- высокая частотность, что свидетельствует о значительной роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность, возможность для акцентирования различных личностных и политических качеств;
- практически абсолютное преобладание негативной оценки и нетипичность безоценочного использования;
- широкие возможности для коннотативного использования;
- типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности.

3.5. Аксиологема *Керенский*

Национальная система прецедентных феноменов постоянно развивается, поскольку каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности. Общеизвестно, что образы Ивана Грозного, Николая I Палкина или Александра II Освободителя неодинаково воспринимались в начале XX века, в его середине и в современную эпоху. Эта закономерность в еще большей степени проявляется при рассмотрении отечественных политических лидеров прошлого века: в частности, в последние два десятилетия существенно преобразуются оценочные характеристики Николая II, А. Ф. Керенского, В. И. Ленина, И. В. Сталина и других политических лидеров начала прошлого века.

По справедливому замечанию Г. Г. Слышкина, «историческое знание составляет важный элемент не только культуры, но и лингвокультуры, получая языковую реализацию в виде исторических метафор, цитат и аллюзий» [Слышкин 2007: 82]. В русской национальной лингвокультуре существует поле прецедентных имен людей, сыгравших важную роль в развитии российского государства и – шире – мировой цивилизации. Эти прецедентные имена нередко становятся своего рода ориентирами, по которым оценивают деятельность, политические и личностные качества наших современников.

Важным показателем использования прецедентных имен собственных является аксиологическая характеристика. Если в современных СМИ упоминают князя Владимира, Ивана Калиту, Ивана Грозного, Бориса Годунова, Петра Великого или иных руководителей государства, то в тексте обычно присутствует их положительная или отрицательная оценка.

Очень показателен и тот факт, что позитивный или негативный характер оценки некоторых государственных деятелей чрезвычайно стабилен. Например, как показывают рассмотренные выше материалы, абсолютное большинство авторов позитивно оценивает деятельность и личные качества Александра Невского. Различия проявляются только в том, что одни журналисты отмечают его патриотизм, защиту национальных интересов Руси, другие – героизм, воинскую доблесть и талант полководца, третьи – религиозность, борьбу против католицизма и защиту православия, четвертые – мудрость, смирение, дипломатические способности [Нахимова 2010]. Не менее единодушны наши современники и в негативной оценке личных качеств и поступков Лжедмитриев, которые пытались захватить российский престол в начале XVII века.

В связи с этим при исследовании прецедентных имен собственных целесообразно различать, во-первых, имена, используемые преимущественно с положительным аксиологическим модусом (ярким примером здесь может служить рассмотренное выше имя *Александр Невский*), имена, используемые преимущественно с отрицательным аксиологическим модусом (примером может служить имя *Лжедмитрий*), и имена, используемые то с позитивным, то с негативным аксиологическим модусом (например, *Иван Грозный*). Разумеется, аксиологический модус некоторых прецедентных имен со временем существенно изменяется.

Вместе с тем следует заметить, что ряд прецедентных имен чаще используется в безоценочных контекстах (например, *Екатерина I* или *Иоанн Антонович*).

Представляется, что аксиологический модус – это свойство не самого имени собственного, а характеристика его ментального соответствия – концепта. В связи с этим целесообразно ввести новый когнитивный термин – аксиологема, а соответствующие прецедентные имена рассматривать как ее языковые (речевые) репрезентанты. **Аксиологему можно охарактеризовать как когнитивный феномен (концепт), включающий аксиологический компонент (позитивный или негативный), который предопределяет особенности использования репрезентантов соответствующей аксиологемы. Следует различать аксиологемы со стабильным оценочным модусом (позитивным или негативным) и с вариативным модусом.**

Представляется, что предложенный когнитивный подход заметно отличается от традиционного (семантического), при котором разграничивалась аксиологически маркированная и аксиологически немаркированная лексика, то есть та или иная оценка воспринималась как свойство соответствующего слова.

Историческая справка: **КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881–1970)**, российский общественный и политический деятель, юрист. Приобрел известность выступлениями на многих политических процессах в качестве защитника, в т. ч. по делу партии «Дашнакцутюн» (1911), по делу большевиков – депутатов 4-й Государственной думы (1915). Лидер «Трудовой группы» в 4-й Государственной думе. В период Февральской революции 1917 г. вошел во Временный комитет Государственной думы. В марте 1917 г. вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров). Во Временном правительстве занимал посты министра юстиции, затем военного и морского министра (май–сентябрь), с 8 июля министра-председателя, с 30 августа верховного главнокомандующего. Во время Октябрьского вооруженного восстания пытался с помощью частей генерала П. Н. Краснова захватить Петроград, свергнуть провозглашенную большевиками советскую власть. В июне 1918 г. выехал за границу. В 1922–1932 гг. жил в Берлине и Париже, с 1940 г. – в США. Активно сотрудничал в эмигрантских организациях. С 1956 г. работал в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете. Опубликовал три тома документов «Российское Временное правительство». Автор книги «Россия на историческом повороте. Мемуары» (1993), составитель и редактор документальных публикаций по истории русской революции: «Дело Корнилова» (1918), «Гатчина» (1922), «Издалека» (1922), автор статей «О революции 1917» (1947), «Два Октября» (1947), «Как это случилось» (1950) и др. (Новейший энциклопедический словарь 2006).

Было бы весьма интересным определить, какая именно часть представленных в данной словарной статье фактов составляет содержание прецедентного имени *Керенский*, и выявить полный состав существенных признаков этого прецедентного имени в современном русском национальном сознании. В рамках материалов словарной статьи целесообразно различать энциклопедическую информацию и признаки, которые могут быть представлены как лингвистические компоненты прецедентного имени. При такой дифференциации следует учесть теорию А. А. Потебни, разграничившего ближайшее и дальнейшее значения слова [Потебня 1974: 274], и современную интерпретацию этой проблемы, представленную, в частности, в статье Б. Ю. Нормана, дифференцирующего наивное, языковое и научное знание и подчеркивающего отсутствие ярко выраженной границы между этими феноменами [Норман 2007: 21–23].

Показательно, что более 90 % апелляций к рассматриваемому прецедентному имени обнаружено в текстах политической направленности – в данном случае наблюдается отчетливая корреляция между сферой-источником и сферой-мишенью (сферой-реципиентом) прецедентного имени: прецедентные имена политических лидеров чаще все-

го используются именно в политических текстах. Отметим также, что чаще всего журналисты сопоставляют с Керенским таких политиков, как Б. Березовский, М. Горбачев, Г. Явлинский. Вместе с тем эпизодически указанные апелляции отмечались и в публикациях иного характера. Так, в следующем тексте рассказывается об освобождении из заключения широко известного мошенника, который, впрочем, успел побывать и в депутатах Государственной думы: *Во вторник на свободу должен был выйти самый знаменитый заключенный в новейшей истории России – Сергей Мавроди. К моменту подписания номера он еще находился в СИЗО №1, к которому съехались журналисты, адвокаты и простые граждане. В 13.30 в следственный изолятор зашло несколько сотрудников милиции, а вслед за этим в ворота въехала милицейская “Газель”. По толпе поползли слухи, что Мавроди вывезут из тюрьмы втихаря, почти как Керенского из Зимнего дворца* (Д. Кафанов, Л. Панченко // Московский комсомолец. 2007. 23.05). В других контекстах с Керенским сопоставляются футболист, не желавший дать интервью, продюсер эстрадной «звезды» и чиновник, скрывающиеся от журналистов, и даже мужчина, ловко избежавший встречи с разгневанным мужем своей возлюбленной.

При анализе материала обращает на себя внимание высокая частотность рассматриваемого прецедентного имени, что особенно заметно при сопоставлении случаев обращения современной прессы, с одной стороны, к имени А. Ф. Керенского, а с другой – к имени его предшественника на посту Председателя Временного правительства, князя Г. Е. Львова. Как известно, оба названных политика руководили правительством очень недолго (по 3–4 месяца), но Львов был первым послереволюционным руководителем, и это, казалось бы, могло сделать его более известным. Однако на деле в современных СМИ о первом руководителе Временного правительства вспоминают в несколько раз реже, чем о его преемнике.

Историческая справка. ЛЬВОВ Георгий Евгеньевич (1861 – 1925), князь, крупный тульский помещик. Депутат 1-й Государственной думы. Председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «Земгора». В марте–июле 1917 г. глава Временного правительства. После Октябрьской революции жил в эмиграции, в 1918–1920 гг. глава русского политического совещания в Париже. [Новейший энциклопедический словарь 2006].

Сопоставление частотности апелляций к именам А. Ф. Керенского и князя Львова показывает, что функционирование прецедентных имен в современных текстах определяется не только их политической ролью в истории России, но и другими факторами, среди которых

можно выделить личностные качества, детали политической биографии, политические мифы и анекдоты, стереотипы восприятия и др.

Как было сказано выше, в современной лингвистике разграничивают денотативное (в первичном значении) и коннотативное (в метафорическом значении) использование прецедентных имен. В первом случае прецедентные имена указывают непосредственно на денотат (или сигнификат), то есть при использовании исследуемого прецедентного имени имеется в виду именно председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский. Ср.: *На завтраке с австралийским премьером, удивившись, что в Австралии бывал глава Временного правительства Керенский, В. В. Путин заявил: «Еще более я был удивлен, узнав, что он был женат на представительнице СМИ. Это какой-то неестественный союз власти и прессы. Видно, от горя, от утраты власти и в состоянии аффекта»...* (В. Приходько // Московский комсомолец. 2007. 08.09).

При коннотативном употреблении имеется в виду уже не сам А. Ф. Керенский, который выступает лишь как эталон для сопоставления, а какой-либо иной человек, в чем-то похожий на главу Временного правительства. Подобное употребление может относиться к числу метафор или же выступать в рамках сравнения. Сравним следующие словоупотребления.

(1) *Правительство Альенде не контролировало не только страну, но и само себя. Ему не подчинялись вооруженные банды левацких группировок, тысячи кубинских добровольцев, провокаторы и сумасшедшие, которые жгли, грабили... Альенде – тот же Керенский, только чуть более «розовый». И с такой же степенью политической ответственности и контроля над ситуацией, какая была у нашего Александра Федоровича* (М. Леонтьев // Известия. 20.11.2002.).

(2) *Злоупотребления властью оказались при нем столь непомерны, что Ельцин, великий самодур и беззаконник, санкционировал против Собчака уголовное дело. Спасаясь от правосудия, тот бежал в Париж – как утверждают, в женской одежде, подобно Керенскому. Возвратился с чужбины при Путине, мечтая вновь воссесть в Смольном* (А. Проханов // Завтра. 2007. 15.08).

В рассмотренных примерах глава Временного правительства выступает как человек, с которым сравниваются широко известные политики. Предметом для такого сопоставления служат личные качества А. Ф. Керенского, его положение и действия в период руководства государством и уже после потери власти. Однако в первом контексте прецедентное имя выступает в метафорическом смысле, а во втором – входит в состав сравнительной конструкции. Но и в том и в другом

случае автор говорит о современных политиках, образно характеризует и оценивает их, используя смысловой потенциал precedentного имени *Керенский*.

Рассмотрим наиболее типичные смысловые компоненты, которые могут быть акцентированы в современных российских СМИ при коннотативном использовании имени собственного *Керенский*. Анализ каждого вида указанного смыслового варьирования начнем с выделения наиболее яркого признака, который оказывается доминирующим, ведущим в данном контексте.

1. Политик, который скрылся (сбежал) откуда-либо, переодевшись в женское платье. Ср.: *Будь я бен Ладеном, не задумываясь, бежала бы из Афганистана в женском платье, как Керенский в 17-м году. По пакистанским слухам, Усама уже обзавелся четырьмя двойниками на случай бегства* (Д. Асламова // Комсомольская правда. 2001. 09.2010).

К этой же группе, видимо, относится и контекст, в котором женщина-посол скрывается, переодевшись в мужскую одежду:

Неожиданно появляется информация: госпожа Кальюранд, посол Эстонии в России, надев парик и мужской костюм, как Керенский в 17-м году, вышла из оцепления. Видимо, через посольство Голландии, откуда ее отвезли в аэропорт «Шереметьево» (Н. Бероева // Комсомольская правда. 2007. 28.2004).

Отметим, что именно к названной группе относится больше всего случаев коннотативного использования precedentного имени *Керенский* в современной российской прессе. Малоизвестный анекдот закрепился в национальной памяти значительно прочнее, чем какой-либо иной факт биографии политика, который возглавлял российское правительство в один из наиболее сложных периодов в истории нашей страны.

2. Политик, который тайно скрылся (сбежал) откуда-либо. В данном случае не акцентирован способ, который помог остаться незамеченным, то есть происходит нейтрализация признака «в женском платье». Ср.:

В Черкесске триста женщин и стариков – родственники убитых – пришли в белый дом, к своему президенту. Они думали, что президент поможет, защитит, наведет наконец порядок. Но президент Батдыев испугался собственного народа и попросту сбежал из кабинета, через потайную дверь, точь-в-точь как когда-то Керенский. И от этих людей мы еще чего-то хотим? Рассчитываем, что они поставят заслон террористам и боевикам, наведут порядок на Кавказе? (А. Хинштейн // Московский комсомолец. 2004.23.2010). При та-

ком использовании прецедентного имени вновь акцентируется трусость государственного деятеля, его неспособность стать подлинным политическим лидером, достойно управлять республикой и нести ответственность за себя и своих близких.

3. Следующая группа примеров отличается тем, что нейтрализован признак «Политик»: речь может идти о самых различных, но, как правило, широко известных людях, у которых есть причины избегать некоторых встреч. Ср.:

*Потом за ламами – особенно высокими, которых считают носителями высших знаний, – китайские спецслужбы устроили настоящую охоту. Ламы бежали с Тибета, как в свое время **Керенский** из Зимнего – переодевшись в женское платье. В Индии их ждала полная безвестность и нищета. Ринпоче пахал от зари до зари, навсегда, казалось бы, забыв, как когда-то, будучи высоким ламой, сидел на троне и давал учение (Е. Маेतная // Московский комсомолец. 2005. 14.06).*

4. Государственный лидер, который не имеет полной власти, не способен контролировать положение дел в государстве. Ср.:

*Политический процесс в Киргизии через 8 месяцев после тюльпановой революции явно заходит в тупик. Многие политики и эксперты сравнивают положение нынешнего правительства Феликса Кулова и президента Курманбека Бакиева с положением Временного правительства **Александра Керенского** в 1917 году, а ситуацию в стране – с российской ситуацией между двумя революциями. Чтобы понять, что происходит в Киргизии, надо для начала посмотреть на четыре ключевые сферы, которые провозглашались новым руководством как приоритетные и где положение стало хуже, чем при Акаеве (С. Лузянин // Независимая газета. 2005. 28.11).*

5. Государственный лидер, который, не имея полной власти, вынужден маневрировать между полярными политическими силами. Ср.:

*А вот для ребят постарше в учебнике «Отечественная история. XX век» ГКЧП посвящены почти пять страниц! <...>. Вместо выводов – вопросы: был ли путч коммунистическим или ГКЧП радело за «великую державу», как генерал Корнилов в 1917-м? Горбачева сравнивают с **Керенским** – он тоже «балансирует между двумя диктатурами» (Ю. Смирнова // Комсомольская правда. 2002. 20.08). Другой обозреватель, Нахум Барнеа, сравнивает сложное положение, в котором оказался Абу-Мазен, с положением... **Александра Керенского** после Февральской революции – с одной стороны большевики, с другой – монархисты, вокруг анархия, доверия у народа нет. Последнее замечание очень важно. Похоже, оно ключевое. Абу-Мазена поддер-*

живают американцы, европейцы, русские, израильтяне, и поэтому его не поддерживает собственный народ (В. Ханелис // Известия. 2003. 27.2004.)

6. Государственный лидер, который использовал «женский батальон» (женщин в составе вооруженных сил). Ср.:

Помимо вышеупомянутого доктора лидер грузинской революции, похоже, решил брать пример с Керенского, прославившегося созданием женского батальона, – в свое непобедимое воинство «президент Миша» решил призвать дам... (И. Трошкин // Московский комсомолец. 2004. 28.2008.).

7. Политик, который добился значительной популярности, но затем был отвергнут своей страной и закончил жизнь в эмиграции. Ср.:

Дождались, прости господи, прямого эфира «Свободы слова». Нет, уж лучше в записи... Вначале все было хорошо... Но тут вязалась краса и гордость современной русской литературы – писательница Толстая. И как припечатала Явлинского Керенским, и как пообещала ему смерть на чужбине, в дальнем зарубежье. Да еще строку в энциклопедии – «губитель русской демократии» (Без автора. Поп Гапон в юбке // Независимая газета. 2003. 14.11). Как известно, в эмиграции могут оказаться и весьма достойные политики, но сопоставление с Керенским способствует максимально негативной оценке.

8. Слабый руководитель, не способный к эффективному управлению государством. Ср.:

Тут напрашивается одна интересная аналогия. Октябрь 17-го года по историческому сходству – полный аналог путинской революции. Семь месяцев Россией правил Временное либеральное правительство Керенского. Так же в 90-е правил Ельцин. Распалась империя, начисто разрушена экономика, уничтожена армия (А. Проханов // Комсомольская правда. 2007. 07.11). Отметим, кстати, что, вопреки мнению редактора известной газеты, А. Ф. Керенский возглавлял Временное правительство не семь, а только три с половиной месяца (ранее он был министром юстиции).

9. Политик, который пользовался очень большим, но кратковременным успехом, а затем был полностью скомпрометирован. Ср.:

Вспомните, как в начале 90-х киношная публика встречала в Доме кино Егора Гайдара, человека, который оставил сиротами сотни тысяч детей, ограбил всех пенсионеров. «О, Гайдар! Спаситель!» У дам текли слезы, лужи растекались по паркету. Наверное, так Конвент встречал убийцу – Робеспьера, а в губительном феврале семнадцатого толпы студентов и вполне почтенных граждан такими же восторженными воплями встречали Керенского (С. Говорухин // Известия.

2007. 15.11). В таких контекстах сопоставление с Робеспьером и Керенским служит средством максимальной дискредитации политика.

10. Политик, который по своим действиям, убеждениям или иным признакам похож на другого политика, действовавшего в совершенно иных условиях. Например, в следующем контексте акцентируется сходство между Керенским и одним из активных участников Великой французской революции Дантоном. Ср.: *Если взять нашу революцию, то у нас была своя историческая «цепочка»: условно, наш Мирабо – князь Георгий Евгеньевич Львов, наш Дантон – Александр Федорович Керенский, наш Робеспьер – Владимир Ильич Ульянов. Так вот, Робеспьер у нас понатыкан везде, а где остальные?* (А. Кара-Мурза. 90 лет назад в России произошла загадочная февральская революция // Московские новости. 2007. 23.02). Возможно, сходство связано с тем, что Дантон тоже был министром юстиции, участвовал в свержении монархии, но потом решительно выступил против революционного террора. Однако Дантон, в отличие от своего российского коллеги по министерству юстиции, не успел сбежать и погиб на гильотине. Ср. также: *Печатные СМИ и Internet буквально ломятся от изобилия психологических портретов президента, часто совершенно противоречащих друг другу. Модным стало также проводить развернутые аналогии между Путиным и различными историческими деятелями: Путин – Сталин, Путин – де Голль, Путин – Керенский, Путин – цезарь Август... Кажется, Путин – Калигула тоже уже есть* (А. Проханов // Завтра. 2000. 18.04).

В качестве окказионального можно рассматривать следующее использование прецедентного имени: *Давным-давно, в семнадцатом году, еще при Временном правительстве, дед Александра Григорьевича по какому-то поводу вышел шибко нарядный прогуляться на улицу. Одна бабка крикнула вслед: «О, разоделся. Точно Керенский». С тех пор на селе Быковских так и зовут Керенскими* (Д. Соколов-Митрич, Т. Путятин. Рождение муравейника // Известия. 2003. 19.08). Истоки подобного словоупотребления достаточно очевидны: А. Ф. Керенский был известен как щеголь – человек, любящий и умеющий красиво одеваться.

Итак, современные СМИ используют прецедентное имя *Керенский* как своего рода эталон для метафоры или сопоставления прежде всего в тех случаях, когда нужно подчеркнуть слабость политика, его метания между различными политическими силами, неспособность удержать власть и бегство в момент решающей битвы.

Показательно, что в рассмотренных материалах не обнаружено контекстов, в которых бы акцентировались такие свойства А. Ф. Керенского, как талантливый (или удачливый) адвокат, верховный глав-

нокомандующий или плодовитый мемуарист. Существуют определенные закономерности, в соответствии с которыми далеко не все потенциально возможные качества становятся основой для метафорического использования прецедентного имени.

Следует отметить, что некоторые коннотативные словоупотребления из современной прессы едва ли поддаются рациональному объяснению. Так, 13.04.2007 в газете «Труд» под заголовком «Березовский хочет стать вторым **Керенским**» сообщается, что *«Борис Березовский выступил с сенсационным заявлением, в котором сообщил, что он готовит революцию в России с целью свержения режима Владимира Путина. Он признался, что уже финансирует неких людей из окружения российского президента, которые будут готовить “дворцовый переворот”», – передает Polit.ru*. Неясно, в чем должна проявиться «похожесть»: Керенский не готовил «дворцовых переворотов» и едва ли финансировал кого-то из окружения князя Львова или же Николая Романова.

Как уже говорилось, при денотативном использовании прецедентного имени в центре внимания автора находится именно А. Ф. Керенский, а не кто-то иной. Вместе с тем важно подчеркнуть, что акцентирование тех или иных дифференциальных и ассоциативных признаков возможно и при денотативном использовании: в одних контекстах важнее то, что Керенский возглавлял в 1917 году Временное правительство России, в других – его конфронтация с большевиками, в третьих – бегство из Петрограда и последующая эмиграция. Обратимся к анализу примеров, в которых акцентируются одни дифференциальные признаки и одновременно приглушаются, становятся малозначимыми, почти незаметными другие. Анализ каждого примера начинается с выделения наиболее яркого признака, который оказывается доминирующим при соответствующем использовании рассматриваемого прецедентного имени.

1. Человек, занимавший высшую государственную должность в России, руководивший Россией. Ср.:

Юридический факультет СПбГУ с недавних пор именуют не иначе как кузницей кадров. Здесь учились три руководителя страны: Александр Керенский, Владимир Ленин и Владимир Путин. Также из стен этого факультета вышли Анатолий Собчак и Дмитрий Медведев (И. Боброва // Московский комсомолец. 2005. 18.11). Отметим, что здесь представлен один из немногих случаев, когда рассматриваемое прецедентное имя используется без негативной оценки.

2. Глава Российского правительства, который по собственной вине быстро потерял власть:

Термин «переходный период» последние годы как-то затрепали, построили на этом понятии стройную систему оправданий измен и ошибок властителей, которые «несли груз ответственности» в сложные времена. Впрочем, никто и никогда не хотел считать себя «переходным лидером». Думал ли Александр **Керенский**, принимающий летом 1917 года парад на Дворцовой площади, что дни его «судьбоносной миссии» сочтены и что он – отстрелянная, ложная цель русской истории? (А. Фефелов // Завтра. 2001. 20.11).

3. Государственный деятель, не сумевший добиться национального согласия и политической стабильности. Ср.:

Лидер СПС Борис Немцов согласился с Григорием Явлинским: «События 86-летней давности были для России трагедией», – после чего перешел к теме объединения партий. Немцов напомнил о жертвах, которые принесла Россия в борьбе за демократию: «В 1917 году **Керенский** так и не смог объединить все политические силы России. Каждый тогда считал себя единственно правым и полагал, что только он сможет управлять страной. В результате к власти пришли большевики. Результаты их правления всем известны. Если бы не они, то нас сейчас было бы не 145, а 300 миллионов человек, мы победили бы бедность и жили, как в Европе» (О. Тропкина // Независимая газета. 2003. 11.10).

4. Руководитель, принимавший неверные решения, которые принесли много вреда России. Ср.:

В 1917 году бывший присяжный поверенный Александр **Керенский**, разгромив систему уголовного сыска и политохраны, объявил всеобщую амнистию (Э. Хруцкий // Московский комсомолец. 2002. 08.12). Тогдашние правители за короткое время привели страну к перспективе полного территориального расчленения. Поцарствуй еще несколько месяцев **Керенский** с компанией – и России пришел бы конец (Д. Торопов // Завтра. 2002. 05.01).

5. Глава Временного правительства, который, испугавшись революции, в женском платье сбежал из России:

Роят подземные ходы и катакомбы. Опять же, поговаривают, на случай штурма или захвата. Вспоминают, как **Керенский** в женском платье бежал. Зря, между прочим, вспоминают! Сейчас женское платье у милиционеров гораздо больше подозрений вызывает, нежели мужское. Шахидки, как известно, все в женском платье по городам и весям ходят (Алкей // Независимая газета. 2004. 09.03).

Следует отметить, что в публикациях широко известных мемуаристов и ученых, которые работали вне пределов Советского Союза, практически нет упоминаний о том, что А. Ф. Керенский после паде-

ния Зимнего дворца действительно бежал из Петрограда, переодевшись в женское платье. Об этом ничего не говорится и в весьма объемных мемуарах главы Временного правительства [Керенский 2007].

Видимо, политический анекдот о «бегстве Керенского в женском платье» был сочинен большевиками с целью полной дискредитации политического противника. И – надо признать – технология оказалась максимально эффективной: давно уже нет советской власти и прекратилось официальное тиражирование старой сплетни, но в современных СМИ большинство коннотативных апелляций к прецедентному имени *Керенский* связаны именно с образом перепуганного политика, которому лишь женское платье и некоторое простодушие большевиков позволили укрыться в эмиграции.

Блестящий советский журналист Генрих Боровик рассказывает: *С Керенским я увиделся в 1966 году, во время своей длительной командировки в Америку. Узнал его номер телефона и попросил о встрече. Когда к нему пришел, у нас состоялся добрый, искренний разговор. Тогда ему было 87 лет, но он неплохо выглядел. Помню, попросил: «Господин Боровик, ну передайте же своим людям в Москве – не бежал я в женском платье из России. Я уезжал в своем костюме, на авто»* (О. Химич. Интервью с Г. Боровиком // Московский комсомолец. 2004. 16.11). Просьба Керенского вполне понятна, но ни Генрих Боровик, ни кто-либо иной не были в состоянии разрушить политический миф.

Как показывает Г. Г. Слышкин, для более полного понимания прецедентного имени необходимо учитывать также цитатный компонент, «выражающийся в употреблении крылатых слов, авторство которых принадлежит или приписывается данному персонажу» [Слышкин 2007: 82]. В современных текстах обнаружено только одно крылатое выражение А. Ф. Керенского. Ср.: *Есть формула Керенского: «Без Распутина не было бы Ленина»*. Я с ней абсолютно согласен. Он стал орудием, с помощью которого был разрушен авторитет династии. В первую русскую революцию случилось много ужасов, но авторитет династии существовал. После Распутина, к 18-му году, с ее авторитетом было покончено. И оппозиция, и великие князья использовали Распутина как орудие. Они раскачивали слабую лодку государства, которая в конце концов опрокинулась, погубив их всех (Э. Радзинский // Труд. 2000. 02.11).

Многие современники отмечали риторический дар А. Ф. Керенского, его способность произносить яркие вдохновляющие слушателей речи, а поэтому может удивить вывод о том, что он не оставил после себя значительного цитатного наследия. Но дело, видимо, в том, что

политик, оставшийся в памяти потомков как фразер и неудачник, не может быть авторитетным автором крылатых выражений.

Для понимания того, как воспринимается политик современниками и потомками, очень показателен обратно-цитатный компонент, «выражающийся в употреблении крылатых слов, содержащих суждение другого лица о данном персонаже» [Слышкин 2007: 82]. Приведем некоторые характеристики руководителя Временного правительства, представленные в современных СМИ:

Генерал Деникин 16 июля 1917 года в присутствии Керенского заявил: «Когда на каждом шагу повторяют, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев», иначе говоря, прежде всего премьер и военный министр Керенский, либерал (В. Бушин // Завтра. 2006. 31.05).

Полное непонимание существа стоящих перед страной грозных проблем – даже для традиционно легитимных верховных правителей России, к сожалению, не такая уж редкость; *полное неумение случайно оказавшегося «сверхпопулярным» и. о. Вождя удержаться у власти регулярно бывает в каждую «русскую Смуту»*: Дмитрий-самозванец, **Керенский** – «*главноуговаривающий*», Горбачев – первый и последний «президент СССР» (М. Валин // Завтра. 2002. 29.05).

Керенский и Ленин шли бок о бок, как две пристяжные истории. Одна дата рождения – 22 апреля (Ленин на 11 лет старше). Один город детства и юности – Симбирск. Одна профессия – юристы, оба – присяжные поверенные. У обоих отцы – деятели народного просвещения. **Керенский** – герой Февраля 1917 года. Ленин – герой Октября того же года. Ленин называет **Керенского** «*болтуном*» и «*фразером*». **Керенский** Ленина – «изменником», приводя рассекреченные немецкие документы о миллиардах, на которые делалась большевистская революция (Л. Кучкина. «Фразер» по фамилии Керенский // Комсомольская правда. 2006. 01.11).

Лукавый старец, дезертир русской истории Александр Керенский незадолго до смерти цинично сказал: «Если бы у меня в 17-м году под рукой было телевидение, я бы правил Россией до сих пор»... (А. Фефелов // Завтра. 2007. 6.06).

Тогда, в феврале 1917, когда была растоптана линия военного министра адмирала Григоровича, Столыпина, государя Николая II, Колчака, Верховского и командующего Балтийским флотом Эссена, который готовил русский флот к тому, чтобы он стал первым на морях мира, *тогда вынырнули на политическую сцену адвокаты вроде Керенского. О последнем великий физиолог Иван Павлов, знав-*

ший Керенского, горестно воскликнул: «такая сопля и во главе государства. Он же все погубит» (К. Раш // Завтра. 2005. 4.05).

Два тома воспоминаний А. Ф. Керенского – первое российское издание автобиографического наследия лидера Февральской революции. Этот странный факт, возможно, объясняется тем, что Керенский – один из самых неуважаемых персонажей российской истории. Его устойчиво воспринимают как бонапартика-пустослова, комедианта во френче (В. Бродский // Завтра. 2008. 11.07).

В целом представленные в настоящем исследовании материалы свидетельствуют, что прецедентное имя *Керенский* широко используется в современных печатных и электронных СМИ. Однако по отношению к нему удивительное единство проявляют авторы различных политических взглядов – как «патриоты», так и «либералы-западники», как либеральные демократы и коммунисты, так и более осторожные в выражениях центристы. Абсолютное большинство соответствующих аллюзий связаны с негативной оценкой и самого руководителя Временного правительства, и людей, чем-либо на него похожих. Несмотря на признанный риторический дар А. Ф. Керенского, его выражения крайне редко цитируются в современных СМИ. Руководитель Временного правительства остался в национальной памяти как «главноуговаривающий», «фразер», «бонапартик-пустослов», «дезертир», руководитель, не сумевший сплотить нацию, спасти страну и поэтому потерпевший заслуженное поражение.

При коннотативном использовании этого имени аллюзия чаще всего связана с бегством от большевиков в женском платье: политический анекдот (нет убедительных документов, подтверждающих использование Керенским «женской одежды») оказался мощным орудием дискредитации не только самого политика, но и его идеологии, самой возможности демократического развития России. Даже в начале нового века сопоставление современного политического лидера с Керенским воспринимается как оскорбление, как сильное и этически безупречное средство прагматического воздействия на читателей.

Итак, рассматриваемое имя собственное является ярко выраженным репрезентантом аксиологемы с негативным оценочным модусом.

Сопоставляя рассматриваемое прецедентное имя с именами других руководителей России и Советского Союза, следует выделить следующие его свойства:

– высокую частотность, свидетельствующую о важной роли в национальном сознании (в отличие, например, от князя Г. Е. Львова или императрицы Анны Иоанновны);

– многополюсность, потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств (в отличие, например, от императора Иоанна Антоновича);

– абсолютное преобладание негативной оценки (в отличие, например, от Сталина или Екатерины II, о которых одни авторы говорят с нескрываемым восхищением, а другие – с презрением и ненавистью);

– широкие возможности для коннотативного использования, что не характерно для имен, которые не относятся к центральной зоне общенациональной прецедентности;

– использование в политической коммуникации и нетипичность для других видов дискурса (в отличие, например, от Александра Невского, о котором часто пишут в рамках военного, дипломатического или религиозного дискурса).

Названные признаки свидетельствуют, что аксиологема *Керенский* относится к центральной зоне поля прецедентности, существующего в современном российском национальном сознании и представленного в ведущих российских печатных и электронных СМИ.

3.6. Идеологема *Сталин*

Термин *идеологема*, который М. М. Бахтин использовал для обозначения объективно существующих форм идеологии [Бахтин 1975; 1994 и др.], в последние годы активно употребляется в философии, социологии, культурологии, лингвистике и иных гуманитарных науках. Лингвистический статус идеологемы обосновала Н. А. Купина, определившая *идеологему*, во-первых, как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [Купина 1995: 43], а во-вторых, как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183].

Особенно активно термин *идеологема* используется при изучении «советского новояза» и тоталитарного дискурса советской эпохи [Купина 1995; Земская 1996; Мирошниченко 1996; Нахимова 2003; Гусейнов 2004; Торохова 2006; Одесский, Фельдман 2008]. Так, Е. А. Земская пишет, что тоталитарный язык представлял своего рода систему *идеологем* и служил средством формирования идеологизированного сознания «советского человека» [Земская 1996: 23]. По словам Г. Ч. Гусейнова, идеологема отсылает «участников коммуникации к сфере должного правильного мышления и безупречного поведения» и предостерегает их от недозволенных поступков и неверных мыслей [Гусейнов 2004]. Однако впоследствии было продемонстрировано, что

в постсоветскую эпоху сформировались новые идеологемы, которые по своей лингвистической сути сближаются с идеологемами предшествующих эпох [Кузьмина 2007: 192–193; Чудинов 2007: 92]. Это показывает, что рассматриваемое явление характерно не только для тоталитарного, но и для демократического дискурса.

На современном этапе развития науки различаются два ведущих направления в понимании идеологем. Первое из них может быть названо лингвистическим, а второе – когнитивным (лингвокогнитивным). В рамках лингвистического направления целесообразно разграничивать также узкий (лексикологический) и широкий (семиотический) подходы.

При лексикологическом подходе *идеологема* понимается как слово или устойчивое словосочетание, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина 2005: 91], имеющее «в своем значении идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92]. В концепции А. П. Чудинова выделяются два вида идеологем. В первом случае имеется в виду слово (словосочетание), смысл которого «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов»; «особенно часто это различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Чудинов 2007: 92]. Второй тип идеологем – это наименования (часто составные, включающие два-три компонента), которые «используются только сторонниками определенных политических взглядов», тогда как их политические противники для характеристики тех же реалий предпочитают использовать иные обозначения [Чудинов 2007: 93].

Значительно более широкий подход обнаруживается в монографии «Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х» [Гусейнов 2004], где рассматриваются идеологемы-буквы (*ерь*, *б*, *н*, *е*, *ять*), идеологемы-падежные окончания (измена Родины и измена Родине; Федеративная Республика Германии и Федеративная Республика Германия), идеологемы-имена, идеологемы-цитаты (в частности, трансформированные высказывания Сталина). К числу идеологем Г. Ч. Гусейнов относит и русский (кириллический) алфавит при его использовании неславянскими народами, географические карты, портреты. Таким образом, в качестве идеологемы представляется любой феномен, который так или иначе акцентирует принадлежность к советской идеологии. Еще более широкий подход обнаруживается в концепции Н. И. Клушиной, считающей, что идеологема – это «единица коммуникативной стилистики», «основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст» [Клушина 2008: 38–39].

Можно предположить, что между лексикологическим и общелингвистическим подходами нет кардинальных противоречий, поскольку слово служит ведущим средством репрезентации идеологемы в тексте, но эту функцию могут выполнять и иные единицы. По словам Н. И. Клушиной, объективация идеологемы осуществляется преимущественно вербальными средствами, поскольку «мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой» [Клушина 2008: 38].

Когнитивная трактовка идеологемы обнаруживается в обобщающей статье Е. Г. Малышевой, определяющей идеологему как «единицу когнитивного уровня – особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

В нашем представлении идеологема – это ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием. При когнитивном подходе идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реальность.

Важное место среди идеологем занимают имена собственные, в том числе рассматриваемые нами имена политических лидеров России – великих князей, царей, императоров, а также иных высших руководителей нашего государства [Нахимова 2008а; 2008б; 2009а; 2009б; 2010].

Подобные идеологемы привлекали внимание и других специалистов. Так, в концепции Н. И. Клушиной важное место занимают «личностные идеологемы», концептуализирующие руководителя государства и других политических лидеров – героев и антигероев своего времени. Эти идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тиражируемых СМИ, например: «вождь мирового пролетариата» (о Ленине), «гениальный вождь и учитель» (о Сталине), «генеральный конструктор» (о Хрущеве), «верный ленинец» (о Брежне-

ве), «архитектор перестройки» (о Горбачеве), «царь Борис» (о Ельцине) и т. п. [Клушина 2008: 40]. В исследовании Е. Г. Малышевой выделяются как особая разновидность идеологемы-архетипы, к числу которых отнесены *Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай II* [Малышева 2009]. Личностные концепты отдельных политических деятелей детально рассматривает Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004].

Как было продемонстрировано выше, к числу важных характеристик использования имен отечественных политических лидеров в современной массовой коммуникации относится оценочность (аксиологичность). Очень важен и модус оценки – позитивный, негативный или вариативный. Например, как уже было показано, сильный позитивный модус имеет прецедентный концепт *Александр Невский*. Не менее единодушны наши современники и в негативной оценке личных качеств и поступков А. Ф. Керенского, который руководил российским правительством в 1917 году. По отношению к нему различия проявляются в том, что одни авторы порицают его за попустительство большевикам, а другие – за недостаточно решительную борьбу с ними.

Совершенно иначе обстоит дело с оценкой деятельности и личностных качеств И. В. Сталина – Генерального секретаря и Председателя Совета Министров (Совнаркома) СССР. Соответствующее имя собственное уже после XX съезда КПСС функционировало в Советском Союзе как идеологема, то есть слово, использование и восприятие которого в значительной мере зависит от политических взглядов автора, однако особенно заметной идеологическая составляющая этого концепта оказывается в публикациях постсоветской эпохи.

В современных условиях позитивная оценка личности И. В. Сталина обнаруживается исключительно в дискурсе коммунистов и леворадикальных националистов, которые постоянно акцентируют его руководящую роль в Великой Отечественной войне, в индустриализации страны и подъеме ее сельского хозяйства, в построении общества, для которого не были характерны резкие социальные различия. Ср.:

Сталин – наше все. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры... Что такое, по сути, Сталин? Жестко и жестоко целеустремленный прагматик, рассматривающий государство как доверенную ему историю... геополитическую систему, нуждающуюся в совершенствовании до уровня государства идеального, где счастье государства равно счастью людей... Если бы Сталин жил сегодня, никаких концлагерей, конечно, не было бы. Сталин знал границы допустимого в собственной стране и в мире для каждой исторической эпохи

(В. Третьяков // Завтра. 2000. 4.01). *Песни из динамиков про красное знамя и что родина на бой зовет. Лозунги «Руки прочь от льгот ветеранов!», «Россия в ЗУрабстве», «Нам не нужен Путин Вова, нам бы Сталина живого!».* Это – митинг коммунистов. По милицеским сводкам, он собрал около 3 тысяч человек (С. Нехамкин // Известия. 2005. 14.02).

Рассматриваемая идеологема часто используется в коннотативном значении, как своего рода символ сильного, талантливого, жесткого и в то же время справедливого руководителя. Это особенно характерно для газеты «Завтра». Ср.:

*Русское сердце бьется в тайной надежде – вот он, выстраданный лидер России, новый **Иосиф Сталин**, до времени скрывавшийся в тайниках еврейской власти и вышедший, наконец, на свет Божий* (А. Проханов // Завтра. 2001. 23.11). *Если Путин встанет на стул, подыметесь на мыски и очень постарается, то, быть может, сумеет завязать шнурки на **ботинках Сталина**. Можно ли сравнить Путина и **Сталина**? Муху и Галактику? Писк комара и грохот Ниагары? Смешок Шендеровича и поэму Данте?* (А. Проханов // Завтра. 2002. 12.03). ***Сталин** очень близок всем в «этой стране». По факту в России – все **сталинисты**. Проклинающая и ненавидящая **Сталина** политическая, бюрократическая, финансовая и культурная элита нынешней России – вся вышла из сталинской шинели, потому что системы производства, обороны, науки и образования – все это было сконструировано, смоделировано, заложено при **Сталине**. **Сталинские** эмоции, методы мышления, стиль и магизм поведения пронизывают управленческую культуру, будучи основой любой власти в России – вчера, сегодня и завтра. Да, **Сталин** вернулся* (А. Фефелов // Завтра. 2004. 22.12).

Весьма характерен тот ряд политических лидеров, к которому левые радикалы относят Сталина. В их понимании Сталина можно включить в число выдающихся деятелей российской истории, людей, которые, по существу, определили историческую судьбу России и которыми справедливо гордятся наши соотечественники. Ср.:

*Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и добр. Будет **Сталиным и Сергеем Радонежским. Петром Первым и Николаем Федоровым. Пушкиным и Королевым**. Он уже среди нас. Ищите его по сиянию вокруг головы* (А. Проханов // Завтра. 2003. 09.03). *Россию ждет прорыв в будущее. Подобный прорыву **Петра Великого, Александра Третьего и Иосифа Сталина**. В ожидании прорыва все западные страны с опаской смотрят на нас, как бы его притормо-*

зять, как бы его не допустить. А у нас чуть ли не каждую неделю некие знаковые события (В. Бондаренко // Завтра. 2007. 18.06).

Показательно, что в коммунистической и националистической прессе практически отсутствуют негативные оценки личности и деятельности И. В. Сталина, а также использование соответствующего прецедентного имени для символического обозначения террора.

Для СМИ либеральной и центристской направленности характерна критическая оценка рассматриваемого политического лидера. Соответствующая идеологема может использоваться как в денотативном, так и в коннотативном смыслах. При коннотативном использовании идеологемы в указанных СМИ Сталин превращается в символ тоталитаризма, всеобщего контроля, жестоких необоснованных репрессий против собственного народа. Ср.:

*«Сталин-2». Тоже идея, весьма популярная у наших мыслителей. «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1931 год). Мы держим дистанцию: сегодня мы отстали от передовых стран по величине ВВП на душу населения примерно на те же 50 лет! Рецепт «пробежки по-сталински» хорошо известен: отнять, зажать в кулак и шарахнуть этим кулаком в спину! (Л. Радзиховский // Российская газета. 2004. 13.01). Когда, к примеру, популярные телеведущие вдруг в унисон, с интервалом в несколько минут, на первом телеканале соскакивают с темы национализма на тему сталинизма и пугают мир и Россию скорой реставрацией сталинизма, «приходом нового Сталина», то все становится ясно. Борьба с национализмом и «угрозой фашизма», пущенная на самотек, отданная на откуп борцам с «русскими амбициями», может стать орудием подрыва стабильности и окончательного разрушения России (А. Ципко // Российская газета. 2006. 29.03). Но, чтобы избежать воровства, этого чиновника-специалиста кто-то должен насмерть запугать, иначе не получится. То есть для того, чтобы система работала, изначально необходим **новый Сталин**, который все видит, все знает, все может (А. Будберг // Московский комсомолец. 2003. 23.05).*

Показательно, что президент Д. А. Медведев и председатель правительства В. В. Путин в последние годы официально подтвердили свое негативное отношение к политическим репрессиям, за которые И. В. Сталин несет политическую ответственность. Это касается и расстрела польских военнопленных в Катыни.

Итак, рассмотренные материалы свидетельствуют, что в современной массовой коммуникации имя собственное *Сталин* используется именно как идеологема, то есть слово, особенности использования

которого зависят от политических взглядов автора. Для левых и ультранационалистов Сталин – символ твердой власти, государственности и социальной справедливости. Для центристов и либералов Сталин – это символ тоталитаризма и жестоких репрессий.

Показательно, что в качестве идеологом в современной прессе используются и имена других большевиков «первого призыва» – Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Ф. Э. Дзержинского и, конечно, В. И. Ленина. Однако аксиологический модус подобных идеологом часто изменяется: вместо положительного (*Дзержинский, Ленин*) или отрицательного (*Бухарин, Троцкий*) модуса, характерного для советской эпохи, нередко обнаруживается нейтральная оценка. Ср.:

Где теперь все Троцкие и Бухарины «Преображенской революции» 1991 года? Где пламенные витии, сотрясавшие основы основ, водившие за собой многотысячные толпы? А этот скромный и неприметный «орговик» – державник с железной хваткой № 1, уже не Ленин, но Ельцин отдал будущему «отцу народов» сначала пост премьера (читай, генсека), а затем и собственное место (А. Проханов // Завтра. 2000. 18.01). Чтобы заслужить благоволение американских властей, нужно прослыть защитником свободы и прав человека, «личным врагом диктатора». Вот Борис Абрамович и примеривает шинель Льва Троцкого (В. Костиков // Аргументы и факты. 2001. № 36). Чубайс – это базовый элемент системы в стране. Вроде Энгельса у коммунистов. Маркс у них – Гайдар. Энгельс – это Чубайс. Ленин – Горбачев. Ельцин – Сталин. Если вытащить базовый элемент, система зашатается (А. Митрофанов // Комсомольская правда. 2005. 28.05).

Особенно активно современные последователи коммунистической идеологии, как и их предшественники, обращаются к личности и деятельности Ленина. Они по-прежнему считают его высшим авторитетом, постоянно ищут в его идеях и поступках прецеденты, которые помогут понять и решить современные проблемы. Ср.:

Ленин – гениальный социальный ученый и инженер. В политике и философии он был Пуанкаре, Бором, Резерфордом и Эйнштейном, вместе взятыми. Совершил множество открытий, позволивших запустить «цепную реакцию» Русской Революции, построить «атомный реактор СССР», толкавший вперед историю XX века. Остановка и разрушение этого реактора объясняются отсутствием в КПСС «ленинцев» – ученых и проектантов «реактора нового поколения». Чего не скажешь о коммунистическом Китае (А. Проханов // Известия. 2004. 21.01).

Вместе с тем показательно, что даже самые убежденные коммунисты практически не употребляют в своих выступлениях имена Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева – преемников И. В. Сталина на посту руководителей КПСС. Имена «послесталинских» вождей в современных условиях не воспринимаются как идеологемы, которые могут активно использоваться в коннотативном смысле и выступать как символы торжества коммунистических идей, гуманизма и социальной справедливости.

В публикациях либералов-западников и отчасти центристов-государственников Л. И. Брежнев предстает как еще один символ тоталитаризма, официального лицемерия и нарушения демократических норм. Ср.:

*Один вопрос его только смущает: пошто остальные кандидаты-маломерки свои кандидатуры не снимают? Зачем деньги тратят? Нервы, силы, бумагу, эфир зря жгут? Но люди умственного склада прояснили Дормидонту: это они героически спасают президенту реноме! А реноме у президентов - наиглавнейшая вещь после рейтинга! Путин же не **Брежнев** какой, чтоб стопроцентно побеждать, это недемократично* (Д. Народный – Комсомольская правда, 05.02.2004).

Многие политики и журналисты вспоминают о том, что в последние годы своего правления Л. И. Брежнев очень постарел и уже не мог в полной мере исполнять свои обязанности. Поэтому еще один личностный компонент прецедентного онима *Брежнев* – это стремление до глубокой старости оставаться во главе государства, что стало одной из главных причин застоя в развитии Советского Союза. К сожалению, похожие проблемы были и в последние годы президентства Б. Н. Ельцина. Поэтому весьма показательна следующая метафора:

Поздний Брежнев – почти как поздний Ельцин. Почему Брежнев не смог стать Путиным? (Л. Кафтан – Комсомольская правда, 12.11.2010).

Итак, представленный материал свидетельствует, что в современной массовой коммуникации прецедентное имя *Сталин* последовательно репрезентирует аксиологему с вариативным оценочным модусом. Вместе с тем указанное прецедентное имя репрезентирует идеологему, которая имеет различные смыслы для сторонников леворадикальных взглядов и политиков либеральной и центристской политической ориентации. В качестве репрезентантов идеологем по-прежнему используются и имена других коммунистических вождей – Дзержинского, Троцкого, Бухарина, Берии. Однако современные авторы практически не употребляют в символическом смысле имена наиболее известных «наследников Сталина» – Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева,

поскольку даже коммунисты избегают причислять себя к их последователям.

Рассмотренные материалы позволяют также охарактеризовать (по представленной в одном из предыдущих разделов схеме) основные свойства прецедентного имени *Сталин* в современной массовой коммуникации:

- высокая частотность, что свидетельствует о значительной роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность, возможность для акцентирования различных личностных и политических качеств;
- ярко выраженная оценочность и возможность вариативной оценки, нетипичность безоценочного использования;
- широкие возможности для коннотативного использования;
- типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности.

Выводы по третьей главе

Представленные в настоящей главе материалы позволяют сделать следующие выводы о специфике использования прецедентных имен собственных, представляющих историю России, в современной массовой коммуникации.

1. Статистическое исследование всего корпуса современных прецедентных онимов показало, что в корпусе прецедентных онимов, используемых в современной массовой коммуникации, заметно преобладают отечественные по происхождению имена собственные, однако более трети таких имен связано с зарубежными источниками, что свидетельствует о значительности доли универсально-прецедентных имен в нашей культуре.

Прецедентные имена собственные, относящиеся к сфере-источнику «Политическая история России», занимают значительное место в современной массовой коммуникации, особенно в текстах, связанных с социальными проблемами. Имена руководителей нашего государства (великих князей, царей, императоров, руководителей государства и правительства в постмонархическую эпоху) активно используются как в денотативных, так и в коннотативных контекстах, относящихся к современной массовой коммуникации. Наши современники постоянно ищут в прошлом ответы на острые проблемы новейшего времени, обращаются к личности и деятельности политических лидеров прошлого в поисках аналогов, в попытке оценить современное состояние России и сделать предположения о ее будущем.

2. В современной массовой коммуникации особенно часто встречаются обращения к прецедентным именам политических лидеров, действовавших в наиболее сложные для нашей страны эпохи. Это противостояние с Золотой Ордой и столкновения с немецко-шведскими завоевателями в середине XIII века, Смутное время на рубеже XVI и XVII веков, революционные события 1917 года, тоталитарный режим, сложившийся после захвата власти большевиками. Наши современников одинаково привлекают как образы политических лидеров, которые привели родную страну к блестящим военным, экономическим, политическим, социальным победам (*Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Великий* и др.), так и образы политических неудачников (*Борис Годунов, Лжедмитрий, Керенский*).

3. При рассмотрении прецедентных феноменов, относящихся к истории России, важное место занимают хрононимы, то есть языковые репрезентанты ментальных концептов, представляющих тот или иной этап в историческом развитии. Хрононим – это сложный концепт, в содержание которого входят иные концепты, в том числе прецедентные имена (антропонимы, топонимы и др.), прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные тексты.

4. При характеристике конкретных прецедентных концептов целесообразно учитывать следующие ведущие параметры:

- высокая, средняя или низкая частотность, свидетельствующая о роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества);
- преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования;
- широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования;
- использование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности или же к ее периферии.

5. В зависимости от аксиологических модусов прецедентные концепты властителей России можно подразделить на следующие подгруппы:

- регулярно используемые со стабильной позитивной оценкой (*Александр Невский, Алексей Михайлович, Иван Калита*);
- регулярно используемые со стабильной негативной оценкой (*Керенский, Лжедмитрий*);

– регулярно используемые в оценочных контекстах с различными модусами – позитивным и негативным (*Сталин, Иван Грозный, Николай II*);

– используемые преимущественно в контекстах, не содержащих оценки (*Иоанн Антонович, Екатерина I*).

Аксиологический модус – это не свойство самого имени собственного, а характеристика его ментального соответствия, которое может приобретать свойства аксиологемы, то есть концепта, включающего аксиологический компонент (позитивный, негативный или переменный). Аксиологичность – это не обязательное, а факультативное свойство прецедентных концептов.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода аксиологему можно охарактеризовать как когнитивный феномен (концепт), включающий аксиологический компонент (позитивный, негативный или переменный). Этот компонент предопределяет особенности использования репрезентантов соответствующей аксиологемы. Следует различать аксиологемы со стабильным оценочным модусом (позитивным или негативным) и с вариативным оценочным модусом.

6. Прецедентные имена собственные бывших властителей России в современной массовой коммуникации часто репрезентируют мифологемы, то есть ментальные единицы, отражающие принимаемые на веру стереотипы массового сознания, которые часто характеризуются неverifiedируемостью и внерациональностью, гиперболичностью и аксиоматичностью, динамичностью, зависимостью от социального этапа развития общества и его идеологии. Мифологема формирует концептуальные схемы и категории, обуславливающие процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином объекте.

Типичными свойствами репрезентанта мифологемы обладает имя собственное *Александр Невский*: в современной массовой коммуникации последовательно выдвигаются на первый план то одни, то другие, то третьи аспекты деятельности (воинская доблесть, подвиг смирения, патриотизм, борьба с католицизмом и др.), однако практически не упоминаются поступки, которые могли бы принизить образ святого. При характеристике деятельности Александра Невского ему нередко приписываются высказывания, которые он, судя по всему, не произносил в действительности.

7. Прецедентные имена собственные политических лидеров России часто можно охарактеризовать как репрезентанты идеологем, то есть ментальных единиц, в состав которых входит идеологический компонент. При когнитивном подходе идеологема рассматривается как

феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию. Типичными свойствами репрезентанта идеологемы обладает имя собственное *Сталин*, которое для одних авторов представляет собой символ тоталитаризма, волюнтаризма и необоснованных репрессий, а для других – отражение представлений о лидере, который сумел создать мощную державу, добиться крупных успехов в международной деятельности, смог обеспечить хотя бы элементарную социальную справедливость и равенство граждан, сумел вдохновить нацию на достижение победы в войне с фашизмом и иных великих целей.

8. Когнитивная методология позволяет более полно и многоаспектно охарактеризовать использование прецедентных имен в современной массовой коммуникации. Когнитивное понимание терминов «идеологема», «мифологема» и вновь предложенного термина «аксиологема», а также характеристика прецедентных имен как языковых и речевых репрезентантов указанных ментальных феноменов способствует более точному представлению взаимоотношений между единицами ментального лексикона и их языковыми (и речевыми) репрезентантами.

ГЛАВА 4.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ В ТЕКСТАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В предшествующих разделах рассматривались преимущественно парадигматические и эпидигматические (по Д. Н. Шмелеву) свойства precedentных онимов. Основная задача настоящей главы – когнитивное исследование закономерностей функционирования precedentных имен собственных в текстах современной массовой коммуникации. Ведущими направлениями такого исследования являются следующие:

- выявление специфики взаимодействия в составе текстов массовой коммуникации precedentных имен собственных, во-первых, с другими разновидностями precedentных феноменов, во-вторых, с другими видами метафор, в-третьих, с иными типами концептов;
- поиск закономерностей взаимодействия в конкретных текстах сфер-источников precedentности (рассматриваются преимущественно сферы-источники «литература», «театр», «кино», «история России», «политические процессы в зарубежных странах»);
- выяснение факторов, способствующих восприятию precedentных онимов как конструктивной, стилистической и прагматической доминанты текста;
- анализ взаимосвязи precedentных онимов с единицами ментального лексикона, не являющимися precedentными, но относящимися к той же смысловой сфере-источнику или смысловой сфере-мишени;
- изучение проблем эффективности использования precedentных феноменов и причин коммуникативных неудач при их употреблении в текстах массовой коммуникации.

В предыдущих разделах монографии основным материалом для исследования послужили precedentные онимы, относящиеся к «Миру реальности». В настоящем разделе анализируется также взаимодействие онимов, восходящих к «Миру реальности» и «Миру искусств». Такое расширение привлекаемого материала связано преимущественно с тем, что в конкретных текстах часто наблюдается взаимодействие онимов, восходящих к различным сферам-источникам.

4.1. Теория и практика когнитивного исследования прецедентных онимов в тексте

В теории и практике исследования закономерностей реализации прецедентных онимов в конкретных текстах можно обнаружить несколько направлений.

1. Исследование закономерностей использования прецедентных онимов в текстах, относящихся к различным дискурсам: политическому [Ворожцова 2007; Косарев 2008; Полякова 2010], рекламному [Кушнерук 2006; Илюшкина 2008; Крюкова 2004; Пикулева 2003; Чистова 2009], медийному [Блинова 2007; Боярских 2008; Зырянова 2010], художественному [Истратова 2010; Саксонова 2001; Соловьева 2004], дискурсу Интернета [Алексеева 2009; Аникина 2010]. Упомянутые публикации показали, что специфика текстовой реализации прецедентных онимов в значительной степени зависит от типа дискурса.

2. Исследование закономерностей использования в текстах прецедентных онимов, относящихся к различным сферам-источникам. Наиболее изученными в этом отношении являются прецедентные феномены, относящиеся к сфере-источнику «Литература», которые специально рассмотрены в диссертации О. С. Боярских [Боярских 2008], а также заняли значительное место в исследованиях Л. В. Быковой [Быкова 2009], О. А. Ворожцовой [Ворожцова 2007], Д. Б. Гудкова [Гудков 2003], С. В. Елисеевой [Елисеева 2010], И. П. Зыряновой [Зырянова 2010], М. Ю. Илюшкиной [2008], В. В. Красных [Красных 2003].

К числу хорошо изученных относятся также прецедентные феномены, восходящие к сфере-источнику «Кино», которые анализировались в исследованиях М. И. Косарева [Косарев 2008], Г. Г. Слышкина [Слышкин 2004] и других специалистов. Прецедентные онимы, относящиеся к сферам-источникам «Музыка», «Изобразительные искусства», «Архитектура», «Театр», до настоящего времени не были предметом специального исследования, хотя отдельные замечания о них встречаются в публикациях Л. В. Быковой [2008], С. В. Елисеевой [2010], Г. Г. Слышкина [2004] и других лингвистов. Одним из важнейших выводов, к которым пришли отечественные языковеды при рассмотрении прецедентных феноменов, восходящих к «Миру искусств», стало положение о «литературоцентричности» арсенала прецедентности, используемого в современной отечественной массовой коммуникации. Специалисты неоднократно отмечали, что максимальную активность как источник прецедентных имен в современной массовой коммуникации проявляет сфера-источник «Литература» [Карау-

лов 1987; Гудков 2003; Кондаков 2003; Кушнерук 2006; Боярских 2008; Елисеева 2010 и др.]. Как справедливо отмечает О. С. Боярских, ядро корпуса прецедентных феноменов в современной политической коммуникации «формируется художественными произведениями» [Боярских 2008]. Отмеченная «литературоцентричность», по мнению исследователей, особенно заметна при сопоставлении арсенала прецедентности в российских и зарубежных СМИ [Быкова 2009; Елисеева 2010; Кушнерук 2006; Чистова 2008 и др.]. Особенно легко наши соотечественники замечают прецедентные феномены, восходящие к текстам, изучаемым на уроках литературы [Боярских 2006; Кузьмина 2004; Нахимова 2004].

В значительно меньшей степени в современной науке изучены прецедентные онимы, относящиеся к «Миру реальности». До сих пор они не были предметом специального монографического исследования, хотя отдельные онимы указанного разряда охарактеризованы в публикациях Д. Б. Гудкова [2003], М. Ю. Илюшкиной [2008]; В. В. Красных [2003], С. В. Елисеевой [2010], Г. Г. Слышкина [2000, 2004], С. С. Чистовой [2008] и других специалистов.

3. Исследование закономерностей взаимодействия в текстах прецедентных имен с иными видами прецедентных феноменов – прецедентными высказываниями, прецедентными текстами и прецедентными ситуациями [Гудков 2003; Илюшкина 2008; Косарев 2008; Красных 2003; Чистова 2008 и др.]. Эти исследования показали, что между названными видами прецедентных феноменов нет отчетливых границ, что в конкретных текстах прецедентные имена нередко отсылают к прецедентным ситуациям и прецедентным высказываниям. В значительно меньшей степени внимание специалистов привлекало текстовой взаимодействие прецедентных имен и иных видов метафор.

4. Исследование закономерностей использования в текстах прецедентных феноменов, восходящих к различным национальным культурам. Подобный анализ показывает, что наших соотечественников невозможно упрекнуть в «культурной замкнутости». Так, в диссертациях Л. В. Быковой [Быкова 2009] и С. В. Елисеевой [Елисеева 2010] было тщательно рассмотрено использование в российских текстах прецедентных имен, восходящих к немецкой и французской культуре. Известны также статистические подсчеты соотношения прецедентных онимов, восходящих к различным культурам. Так, по данным О. С. Боярских, обращение к российским по происхождению прецедентным феноменам осуществляется в современной российской прессе в два раза чаще, чем к зарубежным (66,8 % и 33,2 % соответственно), а среди зарубежных наиболее популярны прецедентные феномены, вос-

ходящие к английской, немецкой и французской литературе [Боярских 2008: 14]. Показательны, в частности, следующие примеры:

*Скажут, не то время, мы строим капитализм. Тогда дайте подросткам новых Джека Лондона, Марка Твена, Фенимора Купера, Эрнеста Хемингуэя, Антуана де Сент-Экзюпери, Жюль Верна, Редьярда Киплинга. Все они показали нам мужество в выборе пути, борьбу за светлые идеалы, остроту вселенского одиночества, ответственность за «всех, кого приручил», и умудрились при этом не быть скучными, лживыми или глупыми (Культура. 2007. № 3). Я чувствовала себя **Козеттой**, мечтающей о прекрасной кукле. Но мой **Жан Вальжан** все не появлялся, поэтому пришлось покупать платье самой (Культура. 2005. № 51).*

Соотношение между прецедентными онимами отечественного и зарубежного происхождения в значительной степени определяется проблематикой текста и задачами автора.

5. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российских и зарубежных текстах. С этой точки зрения детально охарактеризованы российско-американские параллели [Кушнерук 2006; Ворожцова 2007; Полякова 2010; Чистова 2009], российско-британские соответствия [Илюшкина 2008], сопоставлены прецедентные имена в российских и немецких [Быкова 2009], в американских и немецких [Косарев 2008] текстах. Выявлено, что в каждом дискурсе предпочтение отдается прецедентным именам, которые восходят к родной национальной культуре [Кушнерук 2006; Ворожцова 2007; Илюшкина 2008; Чистова 2009]. Специальные подсчеты показывают, что при обращении к сфере-источнику «Кино» авторы чаще всего апеллируют к американским фильмам, при восприятии сферы-источника «Живопись» лидируют итальянские и голландские прецедентные имена. Было выяснено также, что в качестве сфер-источников прецедентности очень значимы немецкая музыка, русская, английская и французская литература [Ворожцова 2007; Косарев 2008; Кушнерук 2006; Чистова 2009]. Кроме того, обнаружено, что американские и британские авторы значительно чаще, чем российские, используют прецедентные имена в денотативном значении [Кушнерук 2006; Ворожцова 2007; Чистова 2009].

Для нашего исследования особенно важен вопрос о функциях прецедентных онимов в тексте. Необходимо определить, ПОЧЕМУ авторы используют ресурсы прецедентности. При рассмотрении указанной этой проблемы не следует ограничиваться рамками собственно текста, необходимо обращаться к функциям прецедентных феноменов в дискурсе.

Обзор существующих публикаций по проблемам функционирования прецедентных феноменов свидетельствует о существовании совершенно различных точек зрения на данную проблему.

Основоположник теории прецедентности Ю. Н. Караулов, рассматривая способы и цели введения прецедентных текстов в дискурс, выделяет несколько типов: номинативный (знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую примету); референтный (включение имен выдающихся людей в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения воздейственной эстетической и этической мощи). Функции цитирования могут быть двойными. Роль высказывания, носящего характер формулы, состоит в указании на особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи» [Караулов 1987: 230].

Д. Б. Гудков, один из наиболее авторитетных специалистов по теории прецедентности, выделяет для прецедентных феноменов следующие функции: экспрессивную, оценочную и парольную [Гудков 2003: 157–158]. В его публикации не акцентируется исследуемый дискурс, однако следует учитывать, что функции прецедентных феноменов в значительной степени зависят от характера дискурса. Обратимся к проблемам взаимосвязи функций прецедентности и типа дискурса.

С. И. Сметанина, рассматривая прецедентные феномены в медиатекстах, указывает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. По мнению Н. В. Немировой, прецедентность контекста «позволяет наиболее ярко выразить политические пристрастия автора-публициста» [Немирова 2003: 153]. В публикациях Н. И. Клушиной выделены две основные тенденции в использовании антропонимов в современном газетном языке. Первая из них состоит в экспрессивной игре со словом, которая призвана привлечь внимание читателя. Вторая тенденция – идеологическое использование антропонима, «когда он становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), являясь грозным оружием в руках умелых журналистов» [Клушина 2002: 53]. Автор убежден, что «антропонимика в современной газете является мощным механизмом создания положительного или отрицательного политического портрета» [Клушина 2002: 55].

При исследовании политической коммуникации выделяют следующие функции прецедентных феноменов: опознавательную, поэтическую и референтивную [Филинский 2002: 53]; экспрессивную, оценочную, идеологическую и консолидирующую [Базылев 2005: 14–16]. В диссертации О. А. Ворожцовой, посвященной сопоставительному исследованию прецедентности в российском и американском предвыборном дискурсе, рассмотрены следующие функции прецедентных феноменов: когнитивная (представлена номинативной, оценочной, моделирующей, инструментальной, гипотетической разновидностями), коммуникативная, прагматическая и эстетическая (делится на изобразительную и экспрессивную) [Ворожцова 2007]. В основу представленной классификации положено разграничение функций метафоры, предложенной А. П. Чудиновым [Чудинов 2001].

В диссертациях, посвященных использованию прецедентных феноменов в рекламном дискурсе, особое внимание обращается на их манипулятивную функцию, прагматическое воздействие на адресата [Кушнерук 2006; ПикULEва 2003]. В диссертации М. В. Терских персуазивная функция соотносится с функцией авторитетности, основанной на том, что прецедентные тексты обладают определенной культурной значимостью. Далее рассматриваются аттрактивная функция, которая основана на использовании известного текста в новом контексте для привлечения внимания, игровая (людическая) функция, основанная на использовании игровых приемов и тесно связанная с эстетической функцией. Автор выделяет также другие функции: делимитативную (адресация рекламы определенной референтной группе) и имиджеобразующую, ориентированную на создание позитивного имиджа [Терских 2003: 20–22].

При характеристике художественного дискурса Н. А. Фатеева сформулировала следующие функции интертекста: введение в текст некоторой мысли или конкретной формы представления мысли; включение данного текста в более широкий культурно-литературный контекст; создание подобия тропеических отношений на уровне текста; в качестве дополнительной выделяется конструктивная, текстопорождающая функция [Фатеева 2006: 37–39]. Ю. Ю. Саксонова при анализе прецедентности указывает на следующие цели: 1) вызвать узнавание у читателей; 2) создать комический эффект путем столкновения различных дискурсов; 3) поддержать развитие сюжета. Автор подчеркивает, что в художественных произведениях выделенные функции чаще всего совмещаются [Саксонова 2001: 15].

При анализе функционирования прецедентных феноменов в разговорной речи выделяют оценочную, характеризующую, коммуника-

тивную, конативную и экспрессивную функции [Гулько 2002: 18], а в исследовании, посвященном изучению смеховых жанров, – номинативную, персуазивную, людическую и парольную функции [Слышкин 2000: 85–104].

Обнаруженные расхождения объясняются, во-первых, тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.), а во-вторых, тем, что одни специалисты говорят только о функциях прецедентных имен, а другие – о функциях прецедентных феноменов в целом. Следует учитывать также принадлежность исследователей к той или иной научной школе, различия в представлениях о функциях прецедентных феноменов.

Однако в рассмотренных классификациях можно выявить общие моменты. Различные авторы выделяют следующие виды функций:

- оценочную (А. А. Филинский, Б. В. Гудков, В. Н. Базылев, Е. В. Михайлова, Ю. А. Гулько, О. А. Ворожцова);

- поэтическую, к которой близки эстетическая и декоративная (А. А. Филинский, Е. В. Михайлова, О. А. Ворожцова, Н. А. Фатеева, Г. Г. Слышкин, Ю. Ю. Саксонова);

- экспрессивную (В. Н. Базылев, О. А. Ворожцова, Б. В. Гудков, Ю. А. Гулько);

- консолидирующую, к которой близка парольная и опознавательная функции (В. Н. Базылев, Б. В. Гудков, Г. Г. Слышкин, А. А. Филинский);

- номинативную (Г. Г. Слышкин, О. А. Ворожцова);

- коммуникативную (О. А. Ворожцова, Ю. А. Гулько, Н. А. Фатеева);

- людическую, связанную с языковой игрой (Г. Г. Слышкин, М. В. Терских);

- прагматическую (С. Л. Кушнерук, Ю. Б. Пикулева, М. В. Терских);

- референтивную, или референционную (А. А. Филинский, Е. В. Михайлова).

Отдельные специалисты выделяют также следующие функции: идеологическую (В. Н. Базылев); характеризующую и конативную (Ю. А. Гулько); персуазивную (Г. Г. Слышкин); когнитивную (О. А. Ворожцова); интертекстуальную и текстопорождающую (Н. А. Фатеева); персуазивную (М. В. Терских); имиджеобразующую (М. В. Терских). При внимательном рассмотрении указанных функций среди них можно выделить две группы.

К первой группе относятся функции, которые выделяют едва ли не у любого слова как единицы языка и речи: ими прецедентные имена обладают в силу того, что являются именами существительными. Примером может служить номинативная функция, присущая всякому слову. Ко второй группе следует отнести такие функции, которые проявляются у прецедентных имен в большей степени, чем у некоторых иных групп существительных.

Для настоящего исследования преимущественный интерес представляет вторая группа функций, которая и будет охарактеризована ниже.

1. Функция оценки. Прецедентные имена – важное средство эмоциональной оценки, они не претендуют на логическую законченность, на точность формулировки, но ярко выражают субъективное отношение автора. Как подчеркивает Д. Б. Гудков, оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна [Гудков 2003: 157].

2. Моделирующая функция состоит в формировании представлений о мире в виде модели. Прецедентные имена – важная часть национальной языковой картины мира. С их помощью тому или иному реальному лицу приписываются определенные качества, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя.

3. Прагматическая функция заключается в воздействии на адресата. Прецедентные феномены – мощное средство воздействия, они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата. Прецедентные феномены задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим».

4. Эстетическая функция связана с тем, что прецедентные имена воспринимаются как способ эстетической оценки мира, как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения. Поскольку прецедентные имена нередко рассматриваются как одна из разновидностей метафоры (хотя не всегда и не всякое прецедентное имя употребляется метафорически), то их восприятие во многом аналогично восприятию метафоры – одного из главных средств эстетического воздействия.

5. Парольная функция. Прецедентные имена, используемые в речи, часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя. Читатель, откликаясь на пароль, названный автором, становится как бы «своим», «посвященным». Таким образом, читатель и автор образуют своего рода «команду», группу единомыш-

ленников, понимающих друг друга и отделяющих себя от «непосвященных».

6. Людическая функция. Использование прецедентных феноменов часто имеет характер языковой игры: автор задает загадку, а читатель ищет на нее ответ. Языковая игра способствует привлечению внимания к форме текста, снижению напряженности общения и делает его менее формальным.

7. Эвфемистическая функция. Применение прецедентных имен иногда помогает смягчить высказывание, сделать его менее резким, менее конкретным и – в конечном итоге – выразить необходимую информацию в неагрессивной форме.

Важно подчеркнуть, что все названные функции прецедентных имен реализуются в комплексе, хотя в тех или иных контекстах может преобладать одна из них. При определении этих функций важно учитывать не только содержание текста, но соотношение текста с дискурсом: прецедентные имена функционируют не просто в тексте, а в дискурсе.

Итак, проблема использования прецедентных онимов уже неоднократно рассматривалась современными исследователями. Вместе с тем представленный обзор позволяет обнаружить своего рода «белые пятна» в исследованиях, посвященных использованию прецедентных онимов в текстах. К числу вопросов, требующих дальнейшего изучения, относятся, в частности, те, которые рассматриваются в последующих разделах настоящей главы.

4.2. Взаимодействие «Мира реальности» и «Мира искусств» (сферы «литература» и «театр») как источников прецедентности

Специальные наблюдения показывают, что прецедентные феномены, восходящие к одной сфере-источнику, образуют своеобразное **поле прецедентных феноменов**, в составе которого выделяется целая система прецедентных имен, событий, высказываний и текстов, составляющих развернутую подсистему фреймов. Подобное поле во многом оказывается аналогичным ментальному полю, служащему источником для метафорических моделей, однако между двумя указанными феноменами можно обнаружить и существенные различия.

В качестве примера рассмотрим поле прецедентных феноменов с ментальной сферой-источником «Театр». В современной массовой коммуникации это поле-источник включает по меньшей мере следующие составляющие:

1. Прецедентные имена:
  - создатели пьес и сценариев (драматурги, сценаристы и др.);
  - создатели спектаклей (режиссеры, балетмейстеры и др.);
  - персонажи пьес и спектаклей;
  - актеры.
2. Прецедентные тексты:
  - названия пьес и их фрагментов;
  - названия прозаических произведений, по которым ставятся спектакли;
  - названия спектаклей (например, спектакль Г. Товстоногова по пьесе А. М. Горького «На дне» – это нечто иное, чем другие спектакли по этой пьесе).
3. Прецедентные высказывания:
  - цитаты из пьес;
  - афоризмы и цитаты, связанные с соответствующей ментальной сферой («театр начинается с вешалки», «короля играет свита» и др.).
4. Прецедентные ситуации:
  - ситуации из пьес (например, Софья Фамусова предпочла Молчалина);
  - ситуации из соответствующей ментальной сферы, например, «почкование театров (в частности, разделение на две части «Театра на Таганке» и МХАТа);
  - ситуации, представляющие собой своего рода синтез театральной и политической жизни (например, балет «Лебединое озеро» прочно связывается в современном сознании с августовским путчем 1991 года).

Можно предположить, что использование в политических текстах театральных прецедентных феноменов далеко не случайно. И дело здесь не только в том, что на рубеже веков многие политики активно осваивают актерские приемы для обольщения избирателей, а многие люди театра «ушли в политику». Особенно яркими примерами такого «ухода» могут служить президент Чехии драматург Вацлав Гавел, известный артист кино, впоследствии – Президент США Джордж Буш-старший, знаменитый киноактер – губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер, артист разговорного жанра, бывший губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов. В эпоху усиливающейся власти СМИ сценический имидж политика все чаще оказывается более важным, чем политическая программа, моральные качества или опыт государственной деятельности. Отношения между политическим лидером и

электоратом все больше напоминают взаимодействие актера и театральной публики.

Для комплексного описания поля прецедентных феноменов должны быть охарактеризованы следующие его существенные признаки:

1. Исходная понятийная область, то есть сфера-источник для соответствующего ментального поля (например, «театр», «литература», «история», «музыка», «спорт» и др.). Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-источника можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы.

2. Новая понятийная область, то есть сфера-магнит (сфера-мишень) для соответствующего ментального поля (например, «политика», «реклама», «сфера развлечений» и др.). Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-магнита можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы. В настоящей публикации рассматриваются только ментальные поля прецедентных феноменов, относящихся к сфере-магниту «политика».

3. Типы (по классификации Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. Б. Багаевой) прецедентных феноменов, относящихся к данному ментальному полю (прецедентные имена, ситуации, высказывания и тексты).

4. Относящиеся к соответствующей сфере фреймы, концепты, сценарии, скрипты и иные ментальные единицы, каждая из которых представляет определенную часть соответствующего смыслового поля.

При необходимости это описание может быть дополнено характеристикой продуктивности соответствующего поля (его способности к развертыванию в тексте и дискурсе) и сведениями о частотности составляющих данное поле единиц. Полезной может быть также дискурсивная характеристика поля прецедентных феноменов, то есть описание типичных для данного поля концептуальных векторов, прагматических интенций и эмотивных характеристик, дополненное сведениями о взаимосвязи данного поля с другими полями и с другими составляющими текста и дискурса.

Во многих случаях можно обнаружить также элементы взаимодействия между полем прецедентных феноменов и соответствующим метафорическим полем.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере ментальных полей прецедентных источников может способствовать обнаружению специфических свойств современной политической коммуникации и выявлению тенденций развития политического дискурса.

Рассмотрим закономерности разворачивания ментального поля прецедентных феноменов со сферой-источником «Театр» в статье Ю. Богомолова «Политночлежка в пределах Садового кольца», опубликованной в газете «Известия» 6 марта 2004 года.

Нынче перед нами поставлен вопрос ребром: кто мы – быдло или напротив?

Хакамада говорит: если вы «напротив», придите и отдайте голос мне.

«Комитет-2008» и Владимир Рыжков говорят: если вы истинные демократы, не ходите к урнам, оставайтесь дома.

...Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит в глаза, принялась обличать и требовать долива после отстоя пены. Теперь она – лицо русской демократии и, как бывший член Государственной думы Киса Воробьянинов, просит покаяния.

Нетрудно заметить, что всякий раз у нас президентская гонка напоминает если не басенный, так литературно-сценический сюжет.

В 1996-м выборы проходили почти по сценарию «Карьеры Артура Уи». Финал был не тот, что в пьесе. Старый президент Генсборо все-таки выбрался из глубокой ямы. Все-таки Уи тогда не прошел в президенты.

В связи с выборами 2000 года мне в свое время пришлось вспомнить «Горе от ума». Появление Путина на политической авансцене вызвало тогда недоумение у передовой общественности. Сразу встал вопрос: кто такой? Ответ на него имел психологический подтекст: он такой, как все, – не самый высокий, не самый красноречивый. Не ярко выраженный блондин и уж точно не брюнет. И никакой у него харизмы. И политическая биография у него совсем коротенькая. И чего в нем нашла Софья Фамусова?

Каждый претендент не ее руку тогда чувствовал себя обойденным Чацким – остроумным, свободолюбивым, непринужденным, с большим политическим опытом. Особенно Явлинский. А она, Софья (в просторечии – электорат), тогда предпочла Молчалина, который на поверку не так уж и прост.

В знаменитой товстоноговской постановке, памятной для нашего поколения, акценты были несколько смещены. Самой яркой актерской удачей был Юрский в роли Чацкого – непринужденный, обаятельный, эксцентричный. Но истинным откровением того режиссерского прочтения все-таки стал Молчалин в исполнении Кирилла Лаврова. Его Молчалин был, по контрасту, скованный, принужденный, затаившийся – разночинец, шагнувший из тени в свет. Но при всем

том его герой не смотрелся ничтожеством. Были в нем какая-то странность, загадочность и сила. Снаружи действительно Молчалин, а внутри – чуть ли не Базаров.

Молчалин и Чацкий – неразлучная пара в русской литературе. И, возможно, в русской жизни. У Салтыкова они подружились. А у Островского – одно лицо. И имя ему – Егор Дмитриевич Глумов. Повадки и приемчики у него – как у Молчалина, а резвость ума и либерализм – от Чацкого.

То была середина XIX века. Тогда чиновничество набирало силу и пускало корни. Не было жалъче зверя – мелкого чиновника (читайте Гоголя). Не было зверя страшнее крупного бюрократа (смотрите Сухово-Кобылина). Чацкие обезличились к тому времени, Молчалины обрели сановитость.

А уж в начале XX века, когда ветер демократических свобод и буржуазных начинаний впервые задул на просторах России, собирательным ее образом стал не чеховский «Вишневый сад» – им явилась ко всеобщему удивлению городская ночлежка из горьковской пьесы «На дне».

Как ни странно, она аукнулась в политической жизни России уже XXI века.

Такое впечатление, что компания бомжей из прошлого решила поучаствовать в избирательной кампании 2004-го. Когда идут теледебаты, то сходство становится разительным.

Собрались политические аутсайдеры с разным житейским опытом, с непохожими судьбами, с несходными менталитетами и мировоззрениями и плачутся на жизнь и клянут тех, кто предал, захватил, обманул, украл, узурпировал. И поминают лучшие времена, всякий свои.

То выглядит из кого-нибудь брезгливый Барон, гнушающийся босяцким (в политическом смысле) обществом (например, из той же Хакамады), а то буйный Васька Пепел – из Малышкина или Лука, на которого отчасти смахивает бомжующий странник Иван Рыбкин, отчасти – бесконфликтный Сергей Миронов. Как, впрочем, и крестьянин с погонами офицера спецслужбы Николай Харитонов, и социалист-патриот с докторской степенью Сергей Глазьев. Вот такая образовалась политическая ночлежка в пределах Садового кольца.

Вот их демократические лица мы, избиратели, должны спасти, придя на выборы.

Лицо еще одного отца русской демократии – Владимира Рыжкова – мы можем спасти, если не придем на выборы.

При знакомстве с представленной статьей легко заметить, что прецедентные феномены являются подлинным структурным, смысловым и стилистическим центром этой публикации. Они в значительной степени обеспечивают целостность и связность текста, поскольку развертывание поля начинается уже в заголовке статьи и развивается во всех ее структурно-композиционных частях.

Анализируя направления развертывания ментального поля прецедентных феноменов со сферой-источником «Театр» в рассматриваемом тексте, можно выделить следующие составляющие данного поля, прямо или косвенно представленные в статье.

1. Прецедентные имена:

- создатели пьес и спектаклей (драматурги А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, А. М. Горький, А. Н. Островский, Бертольд Брехт, А. В. Сухово-Кобылин, А. П. Чехов; режиссер Г. А. Товстоногов);
- персонажи пьес и спектаклей (Артур Уи, президент Генсборо, Чацкий, Молчалин, Софья Фамусова, Барон, Васька Пепел, Лука, Расплюев);
- актеры (Юрский, Кирилл Лавров).

2. Прецедентные тексты:

- названия пьес («Карьера Артура Уи», «Горе от ума», «На дне», «Вишневый сад», косвенное упоминание о пьесах «Ревизор» и «На всякого мудреца довольно простоты», а также о трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина»);
- названия спектаклей (спектакль Г. Товстоногова по пьесе А. М. Горького «На дне»).

3. Прецедентные высказывания:

- цитаты из пьес (неудачники с разным житейским опытом, с непохожими судьбами, с несхожими менталитетами «плачутся на жизнь и клянут тех, кто предал, захватил, обманул, украл, узурпировал. И поминают лучшие времена»);
- афоризмы и цитаты, связанные с соответствующей ментальной сферой (в рассматриваемой публикации не обнаружены).

4. Прецедентные ситуации:

- ситуации из пьес (Софья предпочла Молчалина; Барон гнушается босаяцким обществом; победа на выборах президента Генсборо и поражение Артура Уи; странствования Луки, который назван бомжем);
- ситуация из спектакля Г. Товстоногова, представившего образ Молчалина, в котором была «какая-то странность, зага-

дочность и сила. Снаружи действительно Молчалин, а внутри – чуть ли не Базаров»;

- ситуации из соответствующей ментальной сферы (большой успех постановки Г. А. Товстоногова).

Можно предположить, что внимательный читатель обнаружит в тексте и иные театральные аллюзии. Например, в начальной фразе (*Нынче перед нами поставлен вопрос ребром: кто мы – быдло или на-против?*) можно заметить отголоски знаменитого монолога «Быть или не быть?» из пьесы В. Шекспира «Гамлет» (вопросительная структура, антитеза, инициальная позиция).

Отметим также, что в данном тексте активно представлены театральные (по сфере-источнику) метафоры (*сценарий, пьеса, литературно-сценический сюжет, подтекст, постановка, авансцена* и др.), то есть обнаруживается взаимодействие поля прецедентных феноменов с метафорическим полем «Театр», о котором писали О. Н. Григорьева [Григорьева 2001], Н. А. Кузьмина [Кузьмин 1999], А. П. Чудинов [Чудинов 2001], Н. Г. Шехтман [Шехтман 2004] и другие исследователи политической метафоры.

Как известно, в социальной жизни оказываются тесно связанными ментальные сферы «Театр» и «Литература». Поэтому вполне закономерно, что подобные связи находят отражение и в рассматриваемом тексте, где, помимо театральных, актуализированы еще и прецедентные феномены из сферы-источника «Литература». В анализируемой статье упоминаются Егор Дмитриевич Глумов – герой цикла очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности», Евгений Базаров – герой романа И. С. Тургенева, Киса Воробьянинов – персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев», а также «попрыгунья-стрекоза» из басни И. А. Крылова. Показательно, что в статье использованы также несколько трансформированные прецедентные высказывания из этой басни («Попрыгунья-стрекоза лето целое пропела и проплясала, а теперь, когда зима катит в глаза...») и из романа «12 стульев» («лицо еще одного отца русской демократии» и «бывший член Государственной Думы Киса Воробьянинов»).

Продолжая описание ментальных полей прецедентных феноменов в рассматриваемой статье, в соответствии с представленной выше методикой анализа выделим взаимосвязи между полями-источниками «Театр» и «Литература», с одной стороны, и полем-магнитом «Политическая реальность» – с другой (в данном случае актуализировано подполе «Федеральные выборы в России»).

1. Фрейм «Политические партии и лидеры» – фрейм «Персонажи литературных произведений и спектаклей».

- 1.1. Правые политические силы» (СПС, «Яблоко», Комитет-2008», Владимир Рыжков, Ирина Хакамада и др.) – попрыгунья-стрекоза, просящий подаяния отец русской демократии Киса Воробьянинов, «бомжи» из прошлого.
- 1.2. Ельцин – президент Генсборо.
- 1.3. Путин – Молчалин в исполнении Кирилла Лаврова.
- 1.4. Избиратели – непостижимая Софья Фамусова.
- 1.5. Явлинский – обойденный Чацкий.
- 1.6. Хакамада – брезгливый Барон.
- 1.7. Малышкин – буйный вор Васька Пепел.
- 1.8. Иван Рыбкин, Сергей Миронов, Сергей Глазьев и Николай Харитонов – названный бомжем странник Лука.
2. Фрейм «Избирательные кампании» – фрейм «Пьесы и спектакли».
  - 2.1. Выборы 1996 года – пьеса Б. Брехта «Карьера Артура Уи».
  - 2.2. Выборы 2000 года – пьеса А. С. Грибоедова «Горе от ума».
  - 2.3. Выборы 2004 года – пьеса А. М. Горького «На дне».
3. Фрейм «Проведение избирательной кампании».
  - 3.1. Плохая подготовка к выборам – песни и пляски беспечной попрыгуньи-стрекозы.
  - 3.2. Послевыборное поведение политических неудачников – жалобы и проклятия «политических бомжей» Барона, Васьки Пепла и Луки, а также попрошайничество Кисы Воробьянинова.

Разумеется, рассмотренное соотношение прецедентных феноменов из театральной сферы с реальной политической ситуацией представляет собой лишь один из возможных вариантов представления ситуации. Показательно, что в интервью с режиссером Андреем Житинкиным («Независимая газета», март 2000 г.) предлагается совсем иное распределение ролей. Ср.:

В «Горе от ума» роли распределяются совершенно замечательно. Чацкий – это же Путин. В этом случае, понятное дело, Фамусова играет Лебедь. У Путина/Чацкого сложные отношения с Софьей/Хакамадой. Правда, есть персонажи, у которых отношения складываются лучше. Это в первую очередь Кириенко/Молчалин. Фантастически ярко роль старухи Хлестовой мог бы сыграть Жириновский – с его яркими губами, потрясающей мимикой. В чепчике и с лорнетом он был бы просто неподражаем. Получилась бы яркая, язвительная, всех высмеивающая Хлестова. На роль Скалозуба огромное количество претендентов – например, Руцкой, тот же Лебедь... И, как ни странно, на Скалозуба можно было бы попробовать Невзоро-

ва. В труппе нашего гипотетического театра есть потрясающие «люди двора» – те, кого называют сплетниками. Есть свой резонер. Роль Репетилова я дал бы Доренко. Он фантастически транслирует любую мысль и способен говорить на любую тему.

Отметим также, что в статье Ю. Богомолова, опубликованной газетой «Известия» в марте 2000 года, предлагалось еще одно распределение ролей: Скалозуба, по мысли автора, мог бы сыграть Геннадий Зюганов, а на роль Фамусова хорошо подошел бы Борис Ельцин. В этом случае Чацкого и Молчалина, которые добиваются руки Софьи-электората, пришлось бы играть соответственно Григорию Явлинскому и избранному президенту В. В. Путину.

О судьбе еще одного активного участника избирательной кампании 2000 года – Бориса Березовского – размышляет журналист А. Угланов в приведенном ниже фрагменте.

Да, у лондонского сидельца все еще немало помощников в России. Они – остатки некогда большой армии, служившей БАБу за деньги. Так что в его сегодняшней активности явно прослеживается комплекс короля Лира – он продолжает думать о тех, кого поставил на ноги, вывел во власть, как о своих детях. Но нужен ли он этим «детям» сегодня?! <...> Так что БАБ все больше становится похож на Фирса из “Вишневого сада” А. П. Чехова. Пришли новые олигархи – и старый больше не нужен. Демонизированная фигура окончательно отлучена от российской политики (А. Угланов. Березовский атакует российский трон // Аргументы и факты. 2003. № 24).

Еще один широко распространенный источник прецедентности в современной массовой коммуникации – пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор». В частности, в «Национальном корпусе русского языка», представленном в Интернете (режим доступа: ruscorpora.ru), содержится более 120 документов (около 230 контекстов), включающих прецедентные имена указанной группы. Аналогичные материалы широко представлены и на сайтах ведущих российских газет («Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Завтра», «Российская газета», «Независимая газета»). Именно эти источники и послужили основным предметом рассмотрения в настоящей публикации.

Главный герой «Ревизора» в современных СМИ часто выступает как лжец, фантазер, склонный к безответственным советам и обещаниям. Ср.: *Эксперты, не видевшие других гор, кроме Альп и Анпалачей (и те порой лишь на фотографиях), с легкостью Хлестакова и с его же безответственностью дают почти директивные рекомендации Москве по проведению кавказской политики (В. Третьяков // Российская газета. 2005). Похоже было, что Хлестаков никуда не уехал, а пере-*

квалифицировался в политика и баллотируется в депутаты Государственной Думы (Е. Коврова // Независимая газета. 2005). Какое впечатление произвел на вас Литвиненко? – Как не нашедший себя в жизни человек. И (пусть простят меня его родные и близкие) не очень умный. Взрывной, авантюрный, очень падкий на какие-то внешние эффекты. **Хлестаков** *этакий...* А в последнее время мне стало казаться, что у него вообще что-то с психикой случилось. Стал грезить близким переворотом в России, на полном серьезе утверждал, что станет новым директором ФСБ, а меня обещал взять замом. Бред в общем... (В. Жарко // Завтра. 2007).

В современных политических текстах активно используются и имена других героев «Ревизора». Ср.:

Немцов ответил Зюганову, назвавшему его **Хлестаковым**: «Чем громче кукарекают современные **Бобчинские-Добчинские**, тем больше мы их будем заставлять делать то, что надо» (Ю. Бялый. Политические дарвиналии // Завтра. 1997. 24.06). Ну все, конечно же, помнят, как в 1999-2000-м народ разогревали опять же с двух концов – против Примакова – Лужкова и за Путина – «Единство». К выборам 2003–2004 гг. ничего этого нет. Нет врага, против которого проводят «пятиминутку ненависти» и издают газету «Не дай Бог», нет волшебного нового **Ревизора** (или хотя бы **Хлестакова**), который, свалившись неведомо откуда, «вдруг» сводит с ума и **Марью Антоновну**, и ее вроде бы неглупого папеньку, и всех прочих **добчинско-бобчинских**. Да ничего этого нет. И не предвидится (Л. Радзиховский // Время Московских новостей. 2003).

Показательно, что прецедентные феномены, восходящие к текстам Н. В. Гоголя, часто используются «совместно», то есть авторы в рамках единого текста объединяют персонажей из различных произведений, например, в следующем примере объединяются герои, названные современным Чичиковым, Хлестаковым, Иваном Никифоровичем, старосветскими помещиками.

О мертвых душах (в количестве, которое и не грезилося предпримчивому **Павлу Ивановичу Чичикову**) в подписных листах иных претендентов на кресло петербургского губернатора не упомянул всуе лишь ленивый. Между тем остались без должного внимания другие, не менее характерные мотивы нынешней избирательной кампании. Тридцать с лишним соискателей, жадно алкавших губернаторский пост на старте предвыборной гонки, отдаленно напоминали **сорочинскую ярмарку**. В политическом лицедействе наряду с ряжеными **казаками** и **купчиками** легко угадывались **Хлестаковы** и **Ноздревы**, **Бобчинские** и **Добчинские**. С позволения сказать, предвыборные

платформы иных кандидатов и вовсе смахивали **на записки сумасшедшего**. Для этой публики именно охаянная всеми процедура сбора подписей избирателей стала тем самым **заколдованным местом**, потоптавшись возле которого бузотеры от политики вынуждены были досрочно отправиться восвояси (М. Корневский // Петербургский Час пик. 2003).

Отметим, что в данном фрагменте представлены не только прецедентные имена (*Чичиков, Хлестаков, Ноздрев, Бобчинский, Добчинский*), но и названия прецедентных текстов (*«Мертвые души», «Сорочинская ярмарка», «Записки сумасшедшего»*). Показательно, что рассматриваемый комплекс прецедентных имен впервые обнаруживается уже в самом названии статьи: *«Гоголевские мотивы губернаторских выборов»*.

Активно представлен рассматриваемый фрейм и в следующем фрагменте: *Вскоре появился второй, даже более яркий национальный тип нашего времени. И снова – увы! – вобрал в себя наши особенности, которые уже предстали как мутация: **Собакевич, Хлестаков и Ноздрев** – все в одном флаконе, вдыхайте, обоняйте! Вот такие гоголевские персонажи-маски, оказавшись на вершинах власти, практически разрушили наше национальное самосознание* (*«Под небом Шиллера и Гете»*. Читатель-соавтор // Известия. 2002).

Еще один тип использования прецедентности – это контексты, в которых восходящие к пьесе «Ревизор» прецедентные концепты оказываются в едином комплексе с концептами, связанными с различными произведениями отечественной и зарубежной классики. Ср.: *Теневик – особый тип. Отличие теневика от интеллигента важнее, чем отличие еврея от русского. Этническое решает в примитивных племенах, в развитых нациях решает тип. **Хлестаков** не обязательно русский, он может быть евреем, армянином, итальянцем. В России были свои **Гамлеты** (не только в **Щигровском уезде**), свои **Дон-Кихоты*** (Г. Померанц // Звезда. 2003).

Показателен и фрагмент, в котором аллюзии на произведения Гоголя причудливым образом соединяются с отсылками к творениям скандально известного политика В. В. Жириновского: *На политической сцене он [Жириновский] презентовал себя диктатором, самодуром и сумасбродом, являя собой гремучую смесь **Хлестакова с Ноздревым**. Интеллигентов отправлял с последним вагоном на Север, солдат посылал подальше на Юг, **мыть сапоги в Индийском океане*** (Ю. Богомолов // Известия. 2002).

Насыщенность текста прецедентными именами, высказываниями и ситуациями, восходящими к творчеству Н. В. Гоголя, позволяет про-

вести неожиданные параллели между различными событиями и эпохами. Примером может служить следующий фрагмент, в котором подготовка к юбилею Санкт-Петербурга сопоставляется с ожиданием ревизора, а современные политики – с гоголевскими героями. Множество легко узнаваемых цитат и аллюзий усиливают параллелизм и эффективность воздействия. Ср.:

*По отношению к юбилейным торжествам в СМИ доминирует гоголевско-щедринский сарказм. И поводов для этого довольно: там не успели стену отремонтировать – так ее нарисовали; здесь оказался дом недостроенным – так его декорировали; тут куча мусора – так ее заслонили свежеспокрашенным забором. И т. д. Впору **писать и ставить нового «Ревизора»**. Питерский голова Владимир Яковлев, который выглядит перед телекамерами несколько испуганным и самонадеянным одновременно, сгодился бы на роль **городничего**. Есть в нынешнем Питере своя Анна Андреевна, что, по **наблюдению Гоголя, кокетлива и при случае выказывает тщеславие, а также власть**: это Валентина Матвиенко. За роль **Марьи Антоновны, более молодой соперницы Анны Андреевны**, могла бы взяться Ирина Хакамада. Прочая номенклатура – окружение городничего – легко составила бы из чиновников питерской мэрии. **Хлестаков** – это и есть господин Юбилей. Такой собирательный образ **мнимого ревизора**. Будучи безобидным, хвастливым фантомом, он всех приводит в трепет и лишает иных сановитых людей разума. Юмор **нового «Ревизора»** состоит в том, что его действие происходит не в каком-то тьмутараканском городе N, откуда сто лет скачи – никуда не доскачешь, а в С-Пб, за окном коего – Европа. Юмор еще в том, что **нынешний Хлестаков** не врет на предмет своего веселого времяпрепровождения, знакомств с хорошенькими актрисами, «дружеских ног» больших начальников и знаменитых писателей, похожести на главнокомандующего. И **насчет арбуза в семьсот рублей – не врет**. И тридцать тысяч одних вивов – правда. А **вист с французским и немецким посланниками** – лишь малая часть ее. Тут уж речь о висте рангом повыше (теперь он саммитом зовется) – флаги около полусотни больших и малых государств спешат к Его Величеству Юбилею, чтобы перекинуться с ним в картишки (Ю. Богомолов // Известия. 2003).*

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальное поле прецедентных имен со сферой-источником «Произведения Н. В. Гоголя» обладает широкими возможностями для разрывывания в современных текстах. Среди наиболее активных в названном поле следует отметить прецедентные имена *Хлестаков*, *Манилов*,

Собакевич, Ноздрев и Чичиков. Значительным интертекстуальным потенциалом обладают прецедентные названия «*Мертвые души*», «*Ревизор*», «*Записки сумасшедшего*», «*Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*».

Прецедентные имена, восходящие к текстам Н. В. Гоголя, нередко выступают символами прецедентных ситуаций. Особенно часто в современной прессе встречаются аллюзии, связанные со следующими ситуациями: «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «К нам едет ревизор», мошенничество с использованием «мертвых душ». Ср.:

А затем – пошло, поехало. Ломать – не строить. О том, как поссорились Гарри Кимыч с Анатолием Евгеньевичем, мог бы написать рассказ новоявленный Гоголь. А об использовании последнего властными структурами написано немало книг, сняты фильмы. Но не будем спускать всех собак на 12-го чемпиона. Каспарова можно оценивать тоже по-разному (В. Кордовский // Вестник США. 2003). Северо-Восточный округ первым испытал на себе плюсы и минусы новой системы. Теперь здесь школьников оказалось в 2,5 раза меньше, чем до проведения эксперимента. Интересно, сколько тысяч учащихся окажутся «мертвыми душами» после 1 мая, когда будут отменены старые неперсональные проездные? (Г. Шейкина // Аргументы и факты. 2001). Сегодня, когда «к нам едет ревизор», это еще вопрос, откуда он. Чаще всего им оказывается представитель так называемого «внутреннего» (ведомственного) финансового контроля – сотрудник соответствующего подразделения минфина или иного органа исполнительной власти (Н. Канатик // Российская газета. 2004).

Специальные подсчеты показывают, что прецедентные феномены, восходящие к творчеству Н. В. Гоголя, используются в современных СМИ заметно чаще, чем восходящие к произведениям А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Достоевского, Л. Н. Толстого или иных писателей «золотого века» русской классической литературы. Более частотны в наших материалах только аллюзии, связанные с личностью и творчеством А. С. Пушкина.

Употребление в современных СМИ прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Н. В. Гоголя, позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам соответствующей ситуации, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем аллюзии, связанные с произведениями классика отечественной литературы, легко воспринимаются читателями и нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Заканчивая рассмотрение закономерностей реализации прецедентного фрейма «Произведения Н. В. Гоголя» в современной массовой коммуникации, можно сделать следующие выводы:

1. В текстах, ориентированных на массовую коммуникацию, часто можно обнаружить прецедентные феномены, играющие важную роль в смысловой и эстетической организации содержания. Для русской культуры особенно характерны прецедентные феномены, восходящие к художественным текстам, в том числе принадлежащим перу Н. В. Гоголя

2. Восприятие прецедентного феномена становится более ярким, если он акцентируется в тексте при помощи тех или иных средств, способствующих привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов. Особую значимость для восприятия прецедентности приобретает использование соответствующего феномена в заголовке текста, в его начальной фразе и в концовке.

3. Доминантные прецедентные феномены представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста, они усиливают его эстетическую значимость и прагматический потенциал. Удачное использование прецедентного феномена – мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании. Применение прецедентного феномена способно изменить отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и подсказывает решения за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.

4. Использование когнитивно-дискурсивного лингвокультурологического анализа существенно расширяет возможности традиционной лингвистики текста. Эффективный анализ текстообразующей роли прецедентных феноменов возможен только с учетом их интертекстуальных связей и дискурсивной организации текста. Такое исследование позволяет лучше понять разворачиваемые прецедентные феномены в их взаимосвязи не только внутри текста, но и в общем континууме современности.

Представленные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальные поля прецедентных феноменов со сферами-источниками «Театр» и «Литература» обладают широкими возможностями для разворачивания в современных российских политических текстах. При дискурсивной характеристике названных полей прецедентных феноменов можно отметить, что они проникнуты концептуальными векторами, представляющими политическое событие как что-то вторичное, неподлинное, как своего рода игру, имитацию настоящей жизни. Ис-

пользование названных полей для характеристики политической ситуации часто носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам политической борьбы и политической ситуации в стране в целом, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем литературно-театральные аллюзии нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать политическое событие и его активных участников.

Высокая продуктивность и частотность использования в политической коммуникации прецедентных феноменов, относящихся к рассматриваемым полям, в значительной степени объясняется общей «театроцентричностью» и «литературоцентричностью» русской культуры. Как известно, «поэт в России – больше, чем поэт»: в нашей стране театр и литература издавна служат своего рода «учебниками жизни» – источниками моральных ценностей, стереотипных представлений и репертуара прецедентных имен, ситуаций, текстов и высказываний. В этих условиях вполне закономерно регулярное обращение отечественных политиков и журналистов к прагматическим ресурсам литературно-театральных источников.

4.3. Взаимодействие сфер «литература», «кино» и «политика» как источников прецедентности

В специальных исследованиях уже отмечалась значительная роль прецедентных феноменов со сферой-источником «Кино» в современной массовой коммуникации, указывалось на повышенную роль зарубежной кинопродукции как источника прецедентности, а также были выделены ведущие киножанры, из которых заимствуются прецедентные имена и высказывания [Косарев 2007]. Не менее интересными могут стать и результаты анализа взаимодействия детской литературы и кинофильмов как источников прецедентности в политических текстах.

В современной массовой коммуникации текст часто оказывается «многослойным», то есть насыщенным элементами интертекстуальности: в нем обнаруживается множество прецедентных феноменов, цитат и квазичитат, реминисценций и аллюзий, явной и скрытой полемики. В подобных случаях интертекстуальность становится не единичным приемом, а ведущим композиционным принципом, что характерно для постмодернистской парадигмы. Адекватное восприятие материалов современных СМИ возможно только в дискурсе, с учетом множества фоновых знаний из различных областей культуры, а следовательно,

требует специального подхода, учитывающего современные методики интерпретации текста, включающего концептуальные метафоры, аллюзии, прецедентные феномены и иные проявления интертекстуальности [Бабенко, Васильев, Казарин 2000; Богин 2000; Костомаров, Бурвикова 2006; Сметанина 2002; Чудинов 2003 и др.].

Яркой отличительной чертой современной отечественной массовой коммуникации является активное использование прецедентных феноменов, восходящих к детской литературе. В частности, врач часто обозначается как *доктор Айболит*, милиционера называют *дядя Степа*, простодушного человека – *Незнайка*, подростков, которые стремятся помогать старшим, нередко именуют *тимуровцами*. Достойное место в этой команде занимают имена героев сказки А. Н. Толстого «Приключения Буратино, или Золотой ключик», образующие развернутое поле прецедентных феноменов в современных СМИ (вовсе не обязательно детских). Характерной чертой указанного поля является активное использование прецедентных феноменов, заимствованных не непосредственно из сказки, а из созданного по ее мотивам фильма.

Прежде чем анализировать прецедентное имя *Буратино* и соответствующее поле прецедентных феноменов, необходимо вспомнить, что сказка «Приключения Буратино, или Золотой ключик» была написана Алексеем Толстым по мотивам повести итальянского писателя Карло Коллоди «Пиноккио. История деревянной куклы» в середине тридцатых годов прошлого века. В 1935 году она в течение нескольких месяцев печаталась в газете «Пионерская правда». На основе толстовского текста были созданы опера, балет, несколько пьес. Уже в 1939 году появился фильм «Золотой ключик», в котором играли и актеры, и куклы. Режиссер этого фильма – Александр Птушко, авторы сценария – Алексей Толстой и Николай Лещенко. В 1959 году зрители увидели рисованный мультфильм «Приключения Буратино» (режиссеры И. Иванов-Вано и Д. Бабиченко, авторы сценария – Л. Толстая и Н. Эрдман). В 1975 году появился двухсерийный музыкальный фильм «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (режиссер – Л. Нечаев, автор сценария – И. Веткина). Именно третий фильм стал источником множества цитат и аллюзий в современных СМИ, особенно часто используются слова песен, которые были созданы на слова Б. Окуджавы и Ю. Энтина.

Академик Ю. С. Степанов справедливо отнес *Буратино* к числу констант русской культуры [Степанов 2001: 811–825], а М. Н. Липовецкий охарактеризовал его как устойчивый культурный архетип, который, казалось, должен был уйти вместе с «Тимуром и его командой», но продолжает активно функционировать и в постсоветский пе-

риод. Помимо собственно сказки о Буратино в национальном сознании присутствуют порожденные ею газированный напиток «Буратино», конфеты «Золотой ключик», телепередача «Поле чудес». Наши соотечественники нередко играют в настольные и компьютерные игры, созданные на основе данной сказки, покупают для детей соответствующие костюмы и маски, а также одежду, на которой изображен длинноносый мальчик.

Если использовать классификацию прецедентных феноменов, предложенную Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой [1997], то в рассматриваемом фрейме можно обнаружить следующие составляющие.

1. Прецедентные тексты – сказка А. Н. Толстого «*Приключения Буратино, или Золотой ключик*» и ее итальянский первоисточник, а также сценарий фильма «Золотой ключик, или Приключения Буратино», включающий множество песен. Ср.:

*Впрочем, доверчивых адептов ожидает судьба «коммерческой» карьеры деревянного **Буратино**, оказавшегося на возделанном поле чудес в стране дураков. Гениальная пародия графа Алексея Толстого в жанре итальянской сказки задолго до ваучеризации и приватизации рельефно выявила реальный финансовый подтекст банковских манипуляций и пирамид, связь их с криминалитетом, а также пагубность предпочтения сиюминутных развлечений новым знаниям (И. Л. Андреев // Вестник РАН. 2004). Это Аксаков присвоил сказку, придуманную еще в 1757 году французской писательницей Жанной-Мари Лепринс де Бомон, подобно тому, как Алексей Толстой переписал итальянского Пиноккио в **Буратино**, а Николай Волков из чужой «Страны Оз» сотворил свой «Изумрудный город» (Валерий Кичин // Известия. 2002. 20.12).*

Герои сказки Алексея Толстого представлены во множестве анекдотов, многие из которых размещены в Интернете, то есть на основе рассматриваемой сказки постоянно возникают новые прецедентные тексты.

2. Прецедентные имена. В современных СМИ прецедентные имена рассматриваемой группы регулярно используются для обозначения тех или иных качеств (простодушный *Буратино* – кукла, изготовленная из полена, злобный *Карабас-Барабас*, долгожительница *черепаха Тортилла*, красивая кукла *Мальвина*, хитрая лиса *Алиса*, ее спутник *кот Базилио*, доблестный пудель *Артемон* и др.). Ср.:

*Вспоминается история с **Буратино**. Деревянный парень запретил укорачивать себе нос. Это было первое его своеволие. Затем последовала череда самостоятельных поступков, от которых **папа Карло***

пришел в уныние. То же самое прослеживается и в настроениях российских политических **Карлов** (А. Лысков // Завтра. 2000. 18.01). Но издательства нелюбопытны, они не желают рисковать, покупая кот в мешке, поэтому те, кто мог бы создать новых **Буратино** и Чебурашек, гробят силы, молодость и талант на детские (и не детские, кстати, тоже) розовые романы и ужастики (Ева Датнова // Материалы Национального корпуса русского языка). Если получится **Буратино**, найдем среди вас **папу Карло** (А. Лившиц // Известия. 2003. 02.27).

Весьма показательны и параллели, которые проводят авторы современных текстов массовой коммуникации: Григорий Явлинский – плачущий **Пьеро**, Борис Березовский – **папа Карло** или **Карабас-Барабас**, Ирина Хакамада – **лиса Алиса**, Владимир Путин – **Буратино**... Одним из ярких примеров развертывания подобной метафоризации может служить следующий фрагмент из статьи Юрия Зайнашева «Наследник деревянной куклы» (Московский комсомолец. 2000. 02.04).

*Буратино появился так. Вместо того чтобы работать с документами, **Мама Карла дель Понто** весь вечер столярничала. Из первого попавшегося полена ей приспичило сделать сыночка. Наследника. Имя ему Мама сочинила сразу – Буратино. **Мама Карла** очень хотела, чтобы сыночек вырос честным и боролся с коррупцией. Преемник бежал по тропе, зажимая березовыми ладонями пять золотых монет. Мама отрядила его купить азбуку на Западе. Но она зря надеялась. Буратино свернул с пути, указанного ему Мамой Карлой. Сделали это одноглазый **кот Базилио-Березовски** и **лиса Алиса-Дьяченко**.*

3. Прецедентные высказывания: «**Богатенький Буратино**», «поле чудес в стране дураков», «крекс, фекс, пекс», «закопать пять золотых» и др. Ср.:

*В массовость столь дорогих торгов, впрочем, верится с трудом – если и нашлись «**богатенькие Буратино**», то не больше десятка. Кстати, именно столько в палате малоизвестных московских бизнесменов, чья связь с избравшими их регионами плохо прослеживается (П. Акопов // Известия. 2002. 30.01). Как было сказано в «Буратино», «**пациент либо жив, либо мертв**» (А. Генис // Довлатов и окрестности). Финансовые пирамиды, как Ленин, жили, живы и жить будут. Есть где развернуться, пока не перевелись **богатенькие Буратины**, которые не прочь закопать свои пять золотых на Поле чудес (А. Каледина // Финансовые пирамиды для богатеньких Буратинов // Известия. 2008. 2.03).*

Необходимо отметить, что рассматриваемые высказывания восходят преимущественно не к оригинальному тексту Алексея Толстого, а

к телефильму «Приключения Буратино». Этот телефильм по сценарию И. И. Веткиной поставил режиссер Л. Нечаев в 1975 году [Душенко 2005: 78].

4. Прецедентные ситуации, то есть описанные А. Толстым ситуации, к которым обращаются авторы современных текстов в поисках источника для аналогии, способа нетривиальной оценки современных событий или инструмента для моделирования действительности. Наши современники постоянно вспоминают о том, как Папа Карло создал ожившую куклу и продал свою куртку, чтобы купить мальчику азбуку, о том, как Буратино закопал свои деньги на поле чудес и ожидал богатого урожая, о том, как кот Базилио и лиса Алиса обманывали простодушного мальчика. Ср.:

Но обеспечивает ли выглядящий нарисованным результат выборов настоящую стабильность, настоящий контроль над республикой? Папа Карло, помнится, сизживал в своей каморке у нарисованного очага и вообразал, что ужинает – так что даже расстроился, когда Буратино сорвал холст, чтобы открыть им настоящую дверцу. Сейчас Ахмад Кадыров размахивает точно таким же холстом перед глазами Владимира Путина, убеждая Кремль в реальности нарисованной картины и ненужности искать подлинное решение чеченской проблемы – чего его, в самом деле, искать-то, когда все так хорошо изображено (В. Портников // «ПОЛИТКОМ.РУ». 2003. 25.03). В десяти метрах от контрольно-пропускного пункта, отделяющего Ставрополье от Карачаево-Черкесии, – захудалое придорожное кафе. Над входом в пункт питания краской выведено: «Поле чудес». Карачаево-Черкесская Республика сегодня, и правда, – поле чудес, где российские власти, подобно Буратино, все закапывают и закапывают деньги. И с упорством деревянного мальчика твердо верят, что совсем скоро денежки прорастут стабильностью и безопасностью. Результат, как и полагается, сказочный: Карачаево-Черкесия может стать второй Чечней (С. Метелева // Известия. 2002. 16.12).

В отдельную группу можно выделить **прецедентные атрибуты** – постоянные приметы облика героев (длинный нос Буратино, красивые голубые волосы Мальвины, борода Карабаса Барабаса, курточка папы Карло), а также важные для развития сюжета прецедентные **артефакты** (золотой ключик, картина, за которой скрывалась дверца, поле чудес, пять золотых монет и др.).

Можно предположить, что использование в текстах современных СМИ подобных прецедентных феноменов далеко не случайно. Авторы уверены в том, что сказка А. Н. Толстого и особенно фильмы по ее мотивам хорошо знакомы современным читателям, а поэтому соответ-

ствующие аллюзии будут правильно восприняты. Если XIX век начинался с активизации прецедентных феноменов, восходящих к античности, а в прошлом веке максимально активными были прецедентные феномены, восходящие к русской классической литературе, то в наступившем веке закономерно ожидать активизации новых сфер-источников. Все отчетливее в массовой коммуникации прослеживается тенденция к сокращению аллюзий, ориентированных на знакомство с текстами классической литературы, и активизации отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности.

Целенаправленный анализ прецедентных феноменов, функционирующих в современных СМИ, с учетом источников прецедентности и возможных смысловых трансформаций может способствовать обнаружению специфических свойств современной массовой коммуникации и выявлению тенденций в развитии медийного дискурса.

Значительный интерес представляет рассмотрение закономерностей использования прецедентных феноменов, относящихся к рассматриваемому фрейму, в конкретных текстах. На первом этапе исследования разграничим случаи, когда прецедентный концепт *Буратино* оказывается в тексте единичным, не связанным с другими прецедентными феноменами, и случаи, когда прецедентный концепт выступает в составе целого фрейма прецедентных феноменов. По количеству словоупотреблений заметно преобладает первый вариант использования указанного концепта. Например, в публикации, посвященной положению в Грузии, приводятся слова бывшего министра Георгия Хаиндрава:

*У Саакашвили (как, кстати, и у Ющенко на Украине) своей идеологии нет. Есть убежденность: если мы пойдем на Запад, то решим все проблемы, найдем там **золотой ключик**. Я это называю идеологией **Буратино*** (М. Юсин, А. Иашвили – Известия. 2007. 13.02). Образ представляется достаточно интересным, но отсутствует его развитие, названный фрейм не является для данного текста доминантным.

Значительно меньше распространен (но более интересен) второй вариант использования рассматриваемого концепта, когда *Буратино* оказывается в составе целого фрейма прецедентных феноменов, играющего важную роль в композиционной и эстетической организации текста. При рассмотрении прецедентности в современной публицистике Н. В. Немирова выделяет несколько способов функционирования прецедентных феноменов в пространстве текста: прецедентные цепочки (группа прецедентных единиц, где каждый из предыдущих является непосредственным источником последующего), прецедентные парадигмы (группа прецедентных феноменов, восходящих к одному и тому

же источнику) и прецедентные контаминанты (высказывания, восходящие одновременно к двум прецедентным источникам) [Немирова 2003: 153]. Представляется, что этот список не является исчерпывающим, однако в нем выделены действительно типичные пути реализации прецедентности в конкретных текстах

Рассмотрим закономерности развертывания указанного фрейма в статье Натальи Галимовой «Поле чудес», опубликованной в газете «Московский комсомолец» 15 сентября 2003 года.

Акцентирование фрейма «*Приключения Буратино*» в данной статье начинается уже с самого заголовка, в качестве которого выступает прецедентное высказывание «*Поле чудес*». Далее следует интригующий подзаголовок «Папой Буратино был Абрам», представляющий собой формальную и смысловую трансформацию прецедентного имени *Папа Карло*. Это привлекает внимание читателей, хорошо помнящих текст детской сказки, и заставляет их продолжить чтение, чтобы выяснить причины заведомо неверного утверждения.

Использование прецедентных феноменов, восходящих к указанной сказке А. Н. Толстого, активно продолжается в начальном абзаце рассматриваемой статьи, где обсуждается отчество и фамилия Буратино и авторство соответствующей сказки. В результате оказывается, что в данном контексте сын папы Карло действительно должен быть Абрамовичем и носить фамилию Березовский. Далее обнаруживается и нетрадиционный подход к определению авторства сказки.

*Кто бы мог подумать, что фамилия **Буратино** – Березовский? И что отчество у него вовсе не **Карлович**, а Абрамович? Тайна **деревянного мальчика** была раскрыта в субботу на съезде «Либеральной России» Березовского, когда в концертном зале «Измайлово» зазвучала финальная песенка из знаменитого **фильма-сказки про золотой ключик**. После вопроса: «Скажите, как его зовут?» – прозвучало не привычное уху «**Бу-ра-ти-но**», а неожиданное «Бе-ре-зов-ский». Присутствующие тут же засомневались в **авторстве сказки**: может, **ее написал вовсе не Толстой**, а друг БАБа Юлий Дубов, который уже «обессмертил» Березовского, сняв фильм «Олигарх».*

Развертывание фрейма продолжается (хотя и менее активно) во втором абзаце рассматриваемой статьи, где обнаруживаются *Мальвины* и *Карабасы-Барабасы*, участвующие в празднике на «поле чудес». Все это позволяет акцентировать концептуальный вектор карнавальности и несерьезности происходящего, что, разумеется, дискредитирует столь солидное политическое событие, как съезд партии, претендующей на политическое влияние в России и активное участие в избирательной кампании. Ср.:

Сторонники Бориса Абрамовича решили превратить съезд в **поле чудес**. Более 600 делегатов походили на гигантские лимоны, нарядившись в ярко-желтые толстовки с надписью «Berezovsky team» (то бишь «команда Березовского»). Наиболее остроумные прозвали толстовки «березовками». Лидер партии Иван Рыбкин «березовку» не надел. «Я похудел на 16 кг, все майки на мне болтаются как на дубине», – пожаловался он. Дважды «подберезовики» устраивали фейерверк. На сцене «распускались» диковинные искусственные цветы, а с потолка сыпались нарядные ленты. Впрочем, не только они: в опасной близости от журналистов пролетели гигантский болт и кусок пластмассы. В большом ассортименте были представлены **Мальвины** – девушки из модельного агентства, которых пригласили в качестве украшения. Не обошлось без **карабасов-барабасов**: в зал неожиданно ворвались люди в униформе и масках и заорали: «Не двигайся!» Лица делегатов напряглись. Но вскоре выяснилось, что это продакшн товарищей. «Это шутка, – заявил и. о. сопредседателя партии Виктор Курочкин. – Но, пока в нашей стране режим Путина, это может стать реальностью». «Режиму Путина» еще повезло: его выставили в довольно безобидном свете. Изначально планировалось, что «захватчики» будут вооружены и откроют стрельбу холостыми патронами, но администрация «Измайлово» стрелять запретила.

Составляющие рассматриваемого фрейма не представлены в двух следующих абзацах статьи, но зато они вновь появляются в концовке текста, где пересекаются концептуальные фреймы *Буратино* (кукла, сделанная из полена) и *Березовский*, сторонники которого обозначаются как «подберезовики» и «березовцы», что акцентирует сему «дерево». Все это напрямую связано с общим смыслом статьи, в которой съезд партии представлен как действие, весьма похожее на кукольную жизнь, описанную Алексеем Толстым. Ср.:

*Компания подобралась что надо. Да и делегаты тоже. Утвердили письмо правительству и королеве Великобритании, в котором выражали благодарность за участие в деле Березовского. А вот о своей судьбе на выборах рассуждали равнодушно. Сейчас сторонники БАБа судятся с Минюстом, оспаривая право участвовать в выборах. Но глава ЦИК Александр Вешняков назвал притязания «подберезовиков» абсурдом: мол, в выборах имеет право участвовать «ЛибРоссия» Похмелкина. «Ну не регистрируют нас. Подумаешь», – пожимали плечами **березовцы**. Действительно, чего волноваться? БАБ исправно платит своим сторонникам зарплату (лидеры региональных отделений, по информации «МК», получают \$3 тыс.), а они исправно созда-*

*ют шумную оппозиционную массовку. Альянс **богатого Буратино** и **хитрых котов Базилио** наверняка будет длиться до тех пор, пока Березовскому хочется, чтобы о нем говорили в России. А желание это вряд ли привязано только к выборам.*

При знакомстве с представленной статьей легко заметить, что прецедентные феномены являются подлинным структурным, смысловым и стилистическим центром этой публикации. Они в значительной степени обеспечивают целостность и связность текста, поскольку развертывание поля начинается уже в заголовке и максимально развивается в наиболее сильных позициях текста: в начальной и заключительной части.

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальное поле прецедентных феноменов со сферой-источником «Детская литература» обладает широкими возможностями для развертывания в текстах современной массовой коммуникации. Одним из наиболее активных в названном поле оказался фрейм «Приключения Буратино». Использование названного фрейма часто носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам соответствующей ситуации, а также многие другие концептуальные смыслы. Вместе с тем аллюзии, связанные с детской литературой, легко воспринимаются читателями и нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Специалисты по русской культуре уже отмечали ее «литературоцентризм», высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам в самых различных сферах коммуникации [Кондаков 2005]. Наши наблюдения показывают, что на современном этапе развития для отечественной массовой коммуникации (а возможно, и для российской культуры в целом) особенно характерно обращение к ресурсам детской литературы и иным наиболее доступным источникам. Особенно часто аллюзии связаны с литературными текстами, популярность которых поддерживается хорошими инсценировками, популярными песнями или римейками.

Заканчивая рассмотрение закономерностей реализации прецедентного поля «Приключения Буратино» в современной массовой коммуникации, можно сделать следующие выводы:

1. В текстах, ориентированных на массовую коммуникацию, часто можно обнаружить прецедентные феномены, играющие важную роль в смысловой и эстетической организации содержания. Для русской культуры особенно характерны прецедентные феномены, восходящие к художественным текстам, в том числе текстам популярной

детской литературы, а также к фильмам, созданным по мотивам произведений указанной литературы.

2. Прецедентные феномены из поля «Приключения Буратино» часто привлекают внимание читателей, поскольку находятся в сильной позиции, в том числе в заголовке текста, в его начальной фразе или в концовке, в составе подзаголовков, эпитетов, выражений, выделенных шрифтом, и т. п.

3. Принадлежность прецедентного имени «Буратино» к числу констант русской культуры, к числу ее важных архетипов находит отражение в том, что данное имя и примыкающие к нему прецедентные имена (Карабас-Барабас, Мальвина, Папа Карло и пр.) часто используются метафорически для характеристики современных реалий.

4. Активное использование в современной массовой коммуникации прецедентных феноменов, связанных с полем «Приключения Буратино», объясняется не только тем, что наши современники хорошо помнят текст соответствующей сказки, но и тем, что в их памяти присутствуют фильмы, созданные на ее основе. Таким образом, оказывается, что данное прецедентное поле относится не только к сфере-источнику «Литература», но и к сфере-источнику «Кино».

4.4. Отечественная и зарубежная история как источники прецедентности в текстах массовой коммуникации

В предшествующих разделах рассматривались случаи превалирования в текстах современной массовой коммуникации прецедентных феноменов, восходящих к «Миру искусств». Однако не меньший интерес представляют тексты, в которых на первый план выходят прецедентные феномены, связанные с «Миром реальности», в том числе со сферой отечественной и зарубежной истории.

Ярким примером использования текстообразующего потенциала прецедентности служит статья В. Бушина «Романовы и Ельцин», опубликованная в газете «Завтра» (1998. 01.09). Информационным поводом для данной статьи стало участие президента Б. Н. Ельцина в церемонии перезахоронения в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга найденных в окрестностях Екатеринбурга останков, которые, по мнению ряда специалистов, принадлежат членам семьи императора Николая II. Указанная церемония послужила исходной точкой для множества аналогий между историей России эпохи династии Романовых и современной ситуацией в нашей стране. Важным инструментом для этих аналогий стало использование прецедентных фено-

менов: в этом случае имена из былых эпох используются для обозначения наших современников. Ср.:

*Надо признать, что, в противоположность Бирону и Левенвольдам, Остерман и Миних, служившие еще при Петре, были далеко не бесталанны. Но, как пишет С. М. Соловьев: «вместе с толпой иностранцев, Бироном и Левенвольдом поднятых и им подобных, и они оказались теми паразитами, которые производили болезненное состояние России в царствование Анны» (книга X, стр. 269). Тут нельзя не подчеркнуть одно существенное различие веков: среди **левенвольдов**, копошащихся и журиющих за спиной Ельцина, нет ни одного **Остермана и Миниха**, а одни только паразиты в чистом виде.*

В некоторых случаях автор рассматриваемой статьи в качестве прецедентных использует не фамилии, а личные имена российских сановников XVIII века, которые были этническими иностранцами. Этот прием призван показать, что современные руководители действуют вопреки интересам России. Ср.:

*Для духа бироновщины очень показателен такой эпизод. Вскоре по воцелении на престол Анна решила сформировать новый гвардейский полк, назвав его Измайловским. Полковником (командиром полка) царица назначила упоминавшегося Карла Густава Левенвольда, подполковником (заместителем командира) – шотландца Кейта и поручила остальных офицеров подобрать «из лифляндцев, эстляндцев, курляндцев и прочих наций иноземцев, а также из русских» (там же, с. 263). Полное впечатление, что русских кто-то дописал в последний момент, возможно, сам Бирон, спохватившись, что ведь живет в России. Есть веские основания полагать, что подобное поручение Ельцин давал **и Карлу Гайдару, и Густаву Черномырдину и Рейнгольду Кириенко**. Русские наверняка тоже стояли там после «прочих наций», если вообще стояли. А уж при формировании телевизионных полков, это видит каждый, рекрутируют исключительно курляндцев: даже прогнозом погоды занимается теперь курляндец, и передачу «Спокойной ночи, малыши» ведет тоже россиянец курляндского происхождения.*

В других случаях автор статьи для проведения аналогий между историей и современностью использует старинные названия должностей, которые занимают государственные сановники. Ср.:

Однако нельзя сказать, что при Анне вовсе не приближались ко двору, не выдвинулись русские. Нет, имели место и такие факты. Но, как отмечает Б. Г. Пашков, царица приближала среди них лишь «знатных, но неопасных»: князей Головиных, Салтыковых, Черкасских... Как теперь приближаются и выдвигаются фигуры, подобные

гоф-маршалу Сергееву, обер-прокурору Скуратову, лейб-камергеру Ястржембскому. С той, правда, поправкой, что это люди не только неопасные, но и готовые ради на все, может быть, даже – сожрать друг друга.

Обращаясь к событиям начала XVII века, В. Бушин использует лексику, характеризующую современные реалии (*народное хозяйство, оборонка, Международный валютный фонд, доллары, комсомольский возраст* и др.), а также называет гипотетического дипломата *Чубайсом*. Подобная ирония вновь способствует демонстрации аналогий между современным состоянием страны и ее историческим прошлым. Ср.:

Когда Михаил Романов принял корону, положение в стране после всех этих лжедмитриев было крайне тяжелым. Народное хозяйство, оборонка, здравоохранение, просвещение остро нуждались в деньгах, а казна – пуста! И что же? Царь послал Чубайса в Международный валютный фонд кланчить доллары? Нет, у этого царя даже в первичном комсомольском возрасте было то, о чем и не подозревают как престарелые, так и молодые нынешние правители, – национальное достоинство, державное чувство. Будучи подлинно русским человеком с чувством национального достоинства и зная, что иноземные займы – это кабала, царь Михаил не князя Воротынского послал за океан, а написал письмо купцам и промышленникам Строгановым с просьбой дать государству займы денег, хлеба и других товаров.

Далее В. Бушин проводит аналогии между самозванцами и преступниками периода Смуты и современными чиновниками. С этой целью используется серия риторических вопросов. Ср.:

Еще одной большой заботой царя Михаила являлись самозванцы. Ведь после того как одного Лжедмитрия растерзали в Москве, другого в Калуге, самозванцы не перевелись. Был еще Илейка Муромец, которого казаки объявили царевичем Петром, был Сидорка, псковский вор – его двигал на престол все тот же казачий атаман Заруцкий, который позже и себя объявил царевичем Дмитрием, а свою сожительницу Марину Мнишек – Марией Нагой, последней женой Ивана Грозного, матерью Дмитрия. Потом в Крыму объявился еще один Лжедмитрий – Иван Вергунок, а в Константинополе – сын царя Василия Шуйского. И надо ж было постараться всех изловить, разоблачить и кого повесить, кого четвертовать, кого посадить на кол, кого хотя бы выпороть публично... Словом, это была настоящая эпидемия самозванства.

Что ж, и это нам хорошо знакомо. Разве, вытащив из недр МИДа никому не ведомого Козырева и назначив его министром иностранных дел, то есть объявив весьма крупным дипломатом, Ельцин

не создал некое **подобие Илейки Муромца**? А извлеченный из глубин журнала «Коммунист» Гайдар, известный лишь в кабинетах этого журнала и вдруг ставший главой правительства страны, – **чем не Сидорка, псковский вор**? Тем паче, что он и впрямь обокрал весь народ. А писатель-взяточник Чубайс, призывающий своих собратьев к расцвету наглости и причисленный к лику великих реформаторов, отличим ли **от Ивана Вергуненка**? А мадам Дементьева, министр, видите ли, культуры, в январе этого года при закладке памятника художнику Сурикову заявившая, что «раньше памятники ставили истуканам, а теперь – истинным героям», **разве не Марина Мнишек** с ее ненавистью ко всему русскому, в частности и к памятникам, поставленным «раньше», в том числе и в советское время, множеству замечательных людей от Юрия Долгорукого до героев Великой Отечественной войны?.. Ведь это к ним ко всем обращен призыв поэта «Надо жить без самозванства!»

Рассмотрение подобных приемов можно продолжить, однако уже приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, в данном случае прецедентные феномены выступают как своего рода стержень, композиционный прием, способствующий созданию единства текста и его прагматическому воздействию на читателя. Во-вторых, автор использует для достижения своей цели только одну сферу (прошлое России) и не обращается к ресурсам, например, таких сфер-источников, как «Зарубежная история» или «Мир искусств». Именно доминирование одной сферы-источника создает композиционное единство данной статьи.

Прагматический эффект данного текста в значительной мере определяется столкновением современной общеупотребительной лексики с архаизмами и историзмами. Одновременно автор постоянно демонстрирует параллели между прошлым и настоящим, между современными политическими лидерами и людьми, которые принесли нашей стране несчастья в былые эпохи.

Аналогия между прошлым и настоящим – широко распространенный способ концептуализации и оценки политической реальности. Активно используется такая разновидность аналогии, как проведение параллелей между российской и зарубежной политической реальностью. В подобных случаях при анализе российских политических ситуаций ищут параллели в зарубежной истории, а политические лидеры России образно представляются как своего рода «реинкарнация» иностранных политиков. Ср.:

А фамилии тех, кто в течение многих лет выстраивал преступные схемы и уводил деньги в офшоры, так и не будут названы. Ведь у

них такие должности, фамилии, капиталы! Где ты, **русский Обама?** (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. №29). Почему же на наших политических черноземах не вырастают политические «львы» – **Ганди, Ататюрки, Рузвельты** или (если брать более близкие времена) **де Голли, Аденауэры или леди с железным характером М. Тэтчер** (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. № 37). Возможно, Путин согласился возглавить список «ЕР» для подстраховки. Тогда ему нужен не просто невнятный статус «**русского Дэн Сяопина**», главного авторитета нации, – нужны реальные рычаги власти, которые дают контроль над ситуацией в стране после ухода с поста президента (В. Цепляев // Аргументы и факты. 2007. 10.10).

Противоположный вариант использования межгосударственных параллелей – это сопоставление, при котором российские (в том числе советские) политические события и участвующие в них люди предстают как своего рода субсфера-источник метафорических переносов. Ср.:

*Удается ли Обаме эффективно противостоять кризису? Или так называемый «**черный Горбачев**» развалит Штаты?* (Е. Чиркова // Комсомольская правда. 2010. 22.06). *За бескомпромиссность, с которой Тони обломал собственную партию, сподвижники прозвали его «**Сталиным**»* (О. Дмитриева // Российская газета. 2007. 26.06).

Межгосударственные сопоставления как способ моделирования политической реальности играют доминантную роль в организации статьи Владимира Лещенко «Взгляд на Китай, где ГКЧП победил», которая была опубликована 25.09.2004 в газете «Советская Россия». В данном случае проводятся аналогии между событиями в нашей стране и политической ситуацией в Китае, то есть политическая реальность одной из стран становится сферой-источником для заимствования прецедентных феноменов, необходимых автору для описания политической реальности в другом государстве. Показательно, что прецедентное название ГКЧП использовано в самой сильной позиции данного текста – в заголовке, причем сигналом не денотативного, а коннотативного смысла данного обозначения служит уже его употребление применительно к Китаю.

Указанный ведущий композиционный прием (использование хорошо известных современным отечественным читателям прецедентных феноменов для характеристики событий в Китае) многократно используется и в дальнейшем тексте. Это позволяет нашим соотечественникам, во-первых, лучше понять факты китайской политической истории, во-вторых, сопоставить итоги экономического и политического развития двух в чем-то похожих государств, а в-третьих, оказывает прагматическое воздействие, заставляет задуматься о том, на-

сколько правильным был выбор пути развития России. Статья начинается именно с сопоставления революционных политических ситуаций, избранных путей решения актуальных проблем, предварительных итогов развития событий в двух указанных государствах. Ср.:

Пятнадцать лет назад на площади Тяньаньмынь Китай выбрал свою судьбу. Четырнадцать лет назад Россия ее тоже выбрала, приняв Декларацию о суверенитете. И что теперь?

В первой половине июня мы отметили две судьбоносные даты: пятнадцатую годовщину пекинских событий и четырнадцатую – принятия Декларации о государственном суверенитете России. Друг от друга нас отделяет ровно год с небольшим. Это были моменты, когда действительно была решена судьба наших народов и выбран путь дальнейшего развития – наш и КНР, без преувеличения, навсегда.

Но в данной статье речь пойдет в большей степени о КНР. Итак, вернемся на 15 лет назад. Вокруг тех уже давних событий в общественном сознании нагромождено немало мифов. И вкратце они сводятся к следующему.

Далее начинается активное использование «советских» прецедентных феноменов для обозначения событий в Китае (андроповский путь, Ельцин, Горбачев). Очень значимо и подчеркивание темпоральной близости рассматриваемых событий. Ср.:

Первое: задумывая и проводя свои реформы, власти КНР ограничились чисто экономическими мерами, не коснувшись основ системы (пресловутый «андроповский путь», по выражению А. Вольского).

Второе: в китайском руководстве не планировали и не желали никаких либеральных преобразований, и никого похожего на Ельцина или Горбачева там не было и быть не могло.

И третье, самое распространенное. На Тяньаньмынь имела место мирная студенческая демонстрация, жестоко подавленная властями.

Так вот, действительность выглядит совершенно иначе. В 80-х годах в КНР активно проводилась политическая перестройка и либерализация по советскому образцу. В КНР были и «китайский Горбачев», и даже «китайский Ельцин». И наконец, на Тяньаньмынь происходило что угодно, но не мирная демонстрация безоружных студентов. Все это было, и все это Китай сумел преодолеть. И сейчас, спустя пятнадцать лет, автор попытается разобраться, как и почему китайцам это удалось.

Активное использование «советских» по происхождению прецедентных феноменов (Карабах, гласность, узбекское дело, Межрегио-

нальная депутатская группа, перестройка и др.) продолжается и в следующей части рассматриваемой статьи, где часто встречаются и «китайские» прецедентные имена (Тибет, Лхаса, хайнаньское дело и др.). Такой параллелизм позволяет максимально ярко продемонстрировать собище закономерности в политическом развитии Советского Союза и Китайской народной республики.

Китайские реформы в основном совпадали с теми, что осуществлялись в нашей стране с 1985 года. Так, одним из ключевых пунктов перемен стала гласность, именуемая по-китайски «прозрачность», проявившая себя, как и у нас, валом разоблачительных публикаций о коррупции, разложении и злоупотреблениях властью имущих. К примеру, в 1985 году прогремело знаменитое «хайнаньское дело», в котором было замешано порядка двух тысяч высших чиновников. Оно длилось три года и вполне могло сравниться с «узбекским» в СССР. Взять национальный вопрос – и тут совпадения. Как раз во второй половине 80-х годов на окраинах КНР прокатилась волна массовых беспорядков на национальной почве, а 1 октября 1987 года в Лхасе вспыхнул настоящий бунт. Отметим: и тут имела место почти зеркальная симметрия. Кровь в Карабахе и Тибете пролилась почти одновременно.

Постоянное подчеркивание сходства (и одновременно едва ли не игнорирование различий) позволяет российским читателям отчетливее ощутить параллелизм между историческими судьбами двух стран. Это увеличивает внутреннее напряжение текста, заставляет читателей задуматься о том, на каком этапе две крупнейших социалистических державы начали двигаться в противоположных направлениях. И вновь для обозначения китайских политических реалий используется политическая лексика, которая привычна для наших соотечественников, прецедентные имена и политические термины, которые были хорошо известны в Советском Союзе (*Межрегиональная депутатская группа, перестройка, либерализация*).

Наконец, незадолго до тяньаньмыньских событий группа китайских интеллектуалов выдвинула программу политических реформ. На митингах и шествиях слышались требования, ставшие пару лет спустя тривиальными для аналогичных демонстраций в СССР, – о свободе, демократии, политической реформе. Предлагалось пересмотреть конституцию, передать реальную власть парламенту, снять все ограничения на создание политических партий. Именно эти требования выдвинет у нас почти тогда же знаменитая Межрегиональная депутатская группа и блестяще осуществит.

*В том же году молодой астрофизик **Фан Личжи** опубликовал в центральной газете КПК «Женьминь жибао» ряд статей, где отстаивал путь демократии западного образца. Причем без всяких последствий для себя. Если это не **перестройка и либерализация**, то что это?*

Далее начинается проведение аналогий между конкретными китайскими и советскими политиками: **Ху Яобан** – **Ельцин**, соответственно **Горбачев** (и отчасти **Андропов**) – **Чжао Цзяян**. Ср.:

*История с **Фан Личжи** имеет и еще одно последствие – именно из-за него **второй человек в КПК Ху Яобан**, один из активнейших «демократизаторов», лишился своего поста. Не хочется проводить слишком смелые параллели, но... **Вспомним, что аналогичное падение Ельцина** в этом же году с куда более низкого поста стоило жизни и КПСС и СССР. Совпадение тем удивительнее, если учесть, что **Ху Яобан** был самым популярным участником команды **Дэн Сяопина**.*

Далее проводится аналогия между китайским и российским прецедентным текстом диссидентского характера (*Архипелаг ГУЛАГ* и *Элегия о Желтой реке*).

*Низы тоже не дремали. Уже в 1987 году опросы засвидетельствовали, что более половины молодых пекинцев утратили доверие к правительству. С 1988 года начало разворачиваться широкое движение гражданского протеста. Летом того же года по **Центральному телевидению Китая** был показан **шестисерийный фильм «Элегия о Желтой реке»**. Чтобы читатель понял, что это означает, пусть представит, что **советское ЦТ** в том же году показывает многосерийную постановку по **«Архипелагу ГУЛАГ»**.*

Автор статьи последовательно отмечает, с одной стороны, общие для Китая и Советского Союза политические процессы, с другой – специфику положения дел в каждой стране, а далее высказывает мысль о том, что судьба нашей страны вполне могла сложиться иначе. Ср.:

*Итак, подсчитаем наши общие проблемы тех лет: в наличии имелись мощное движение за тотальную либерализацию, кровавые национальные конфликты, разочарование значительной части общества в существующем строе и экономические сложности. Наконец, два молодых динамичных лидера, соперничающих друг с другом, но одинаково жаждущих принять власть у прежнего руководства и активно перестраивать страну – **Чжао Цзяян** и **Ху Яобан** (у последнего был даже тот самый ельцинский ореол безвинно обиженного).*

Но история, как это бывает, неожиданно сделала резкий поворот, застав всех участников врасплох. 15 апреля 1980 года внезапно умирает Ху Яобан. А 18 апреля первая студенческая демонстрация появилась на площади Тяньаньмынь. И одним из главных требований было отменить «несправедливое» постановление о снятии с должности генсека КПК (так сказать, посмертно реабилитировать). Представим, что будущий президент РФ по не зависящим от него причинам сходит с дистанции перед выборами депутатов РСФСР в том же году. Прикиньте возможную реакцию общественности, и уже не покажется удивительным, что весть о смерти гонимого партийного деятеля вывела на улицы десятки тысяч (это несравненно больше, нежели придут к Белому дому в августе 1991 года). Впрочем, первоначальные требования были быстро забыты по мере ураганного роста числа демонстрантов.

Подводя итог, можно сказать: мы шли параллельными курсами, и КНР если и отставала от России, то ненамного. И вряд ли кто решится спорить, что итог из этих предпосылок вытекал тот же, что и у нас.

В завершающей части рассматриваемой статьи прецедентные феномены перестают выступать в роли смысловой и структурной доминанты текста, а поэтому указанная часть представляет для нас меньший интерес. Но очень показательна концовка текста, где вновь активно используются прецедентные феномены. Ср.:

Напоследок – два высказывания двух разных политиков двух разных времен:

«Нам всем придется изучать русский...» – Дж. Кеннеди (1959 г.).

«Моя дочка учит китайский...» – В. Путин (2002 г.).

При рассмотрении закономерностей развертывания рассматриваемого ментального поля прецедентных феноменов в данном тексте можно выделить следующие составляющие указанного поля, которые прямо или косвенно представлены в статье.

1. Прецедентные имена и названия:

- отечественные политические лидеры второй половины прошлого века: Ю. В. Андропов, Б. Н. Ельцин, М. С. Горбачев, В. В. Путин, а также бывший президент США Дж. Кеннеди;
- политические организации: Межрегиональная депутатская группа;
- «Белый дом» (резиденция российского правительства);
- Карабах.

2. Прецедентные тексты:

- эпопея А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»;

- многосерийный китайский телефильм «Элегия о Желтой реке».
- 3. Прецедентные выражения и высказывания:
  - посмертная реабилитация;
  - «Нам всем придется изучать русский...» (Дж. Кеннеди, 1959 г.);
  - «Моя дочка учит китайский...» (В. Путин, 2002 г.).
- 4. Прецедентные ситуации и процессы:
  - ельцинский ореол безвинно пострадавшего;
  - перестройка;
  - гласность;
  - принятие декларации о государственном суверенитете России;
  - «узбекское» дело, «хайнаньское дело»;
  - карабахская трагедия;
  - защита «Белого дома» во время путча.

Продолжая описание ментального поля прецедентных феноменов в рассматриваемой статье, в соответствии с представленной выше методикой анализа выделим взаимосвязи между полем-источником «Политические процессы СССР» и полем-магнитом «Политические процессы в Китае» (в данном случае актуализирован период с середины 80-х годов прошлого века до настоящего времени).

1. Фрейм «Политические силы и их лидеры»:
  - Коммунистическая партия Китая – КПСС;
  - китайские интеллектуалы и студенты – Межрегиональная депутатская группа;
  - «геронтократы» из руководства Компартии Китая – ГКЧП;
  - Ху Яобан – Б. Н. Ельцин;
  - Дэн Сяопин – Ю. В. Андропов;
  - Чжао Цзыян – М. С. Горбачев;
  - Фан Личжи – Г. А. Явлинский.
2. Фрейм «Политические события»:
  - демонстрация на площади Тяньаньмынь – защита «Белого Дома» во время путча;
  - кровавые события в Тибете – карабахская трагедия;
  - необоснованное (по мнению части общества) наказание и смерть Ху Яобана – необоснованный (по мнению части общества) вывод Б. Н. Ельцина из Политбюро ЦК КПСС;
  - «хайнаньское» дело – «узбекское» дело.
3. Фрейм «Политические понятия и лозунги»:
  - прозрачность – гласность;
  - реформы Дэн Сяопина – Перестройка.

Можно заметить, что автор статьи отдает заметное предпочтение китайскому опыту проведения политических и экономических реформ и в связи с этим выражает некоторое сожаление, что отдельные политические события, произошедшие в Китае, не имеют российских аналогов. К числу таких событий можно отнести реальную победу сторонников Дэн Сяопина в Китае и поражение ГКЧП в Советском Союзе (в этом смысле очень показательным уже само название статьи – «Взгляд на Китай, где ГКЧП победил»). Соответственно автор проводит аналогии между решительными действиями китайского руководства при разгоне демонстрации на площади Тяньаньмэнь и нерешительностью членов ГКЧП, потерпевших полное поражение в борьбе со сторонниками быстрых политических реформ во главе с Б. Н. Ельциным. Результатом всего этого, по мысли автора, оказываются развал СССР и триумфальный рывок Китая, продолжение вооруженных межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве и отсутствие таковых в Китае; экономические проблемы и конфликты во всех государствах СНГ и бурный рост народного хозяйства в Китае.

Представленные материалы свидетельствуют о том, что ментальное подполе прецедентных феноменов «Политические события в России» широко развернуто и в рассматриваемой публикации служит сильным средством смысловой и структурной организации текста, посвященного политической истории Китая. Это достаточно распространенный прием организации политического текста, помогающий читателям лучше понять далекие от их повседневной жизни политические реалии. Активное использование ментального поля прецедентных феноменов повышает интерес читателей к тексту и усиливает его прагматический потенциал.

4.5. Коммуникативные неудачи при использовании прецедентных феноменов в текстах массовой коммуникации

При использовании прецедентного имени в тексте должно быть обеспечено его адекватное понимание адресатом. Не менее важна и позитивная оценка адресатом речевого мастерства автора, восприятие соответствующего контекста как эстетически удачного, уместного. Плохое впечатление производят случаи, когда использование прецедентного феномена приводит к возникновению нежелательного эмоционального эффекта [Ермакова 1993: 33]. Характер восприятия исследуемых единиц зависит от специфики их когнитивной структуры, которая включает дифференциальные признаки, атрибуты и оценку.

При употреблении прецедентных феноменов вполне возможны коммуникативные неудачи, которые понимаются как неполное достижение автором коммуникативной цели, приводящее к недопониманию между участниками общения и негативной оценке речевого мастерства говорящего [Виноградов и др. 1999; Земская 1993; Иссерс 1999; Культура русской речи 2003; Алексеева 2009 и др.].

Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева и И. Г. Сабурова, авторы коллективной статьи «К типологии коммуникативных неудач» [1985], определяют их как сбои в общении, при которых соответствующие речевые произведения не выполняют своего предназначения. Далее отмечается, что при многомерной классификации коммуникативных неудач следует учесть такие критерии, как последствия коммуникативных неудач и их источники. В частности, предлагается разграничивать коммуникативные неудачи, причиной которых является сам автор, и коммуникативные неудачи, вызванные обстоятельствами коммуникативного акта [Городецкий и др. 1985: 67–72].

Н. И. Формановская показывает, что коммуникативные неудачи могут быть обусловлены как внешними, экстралингвистическими причинами, так и причинами собственно языковыми [Формановская 1998: 232–234].

В специальном исследовании О. П. Ермаковой и Е. А. Земской выделены следующие причины коммуникативных неудач: 1) коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка; 2) коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих; 3) коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами [Ермакова, Земская 1993].

В настоящем исследовании основное внимание предполагается обратить на дискурсивные причины коммуникативных неудач. Значительная часть материала для изучения отобрана из книги Константина Душенко «Зернистые мысли наших политиков» (М., 2002), где содержится подборка неудачных фраз, принадлежащих известным современным российским политическим лидерам и активистам.

Специальный анализ «зернистых мыслей» наших политиков показывает, что основная проблема авторов при использовании прецедентных феноменов – это не фактические ошибки или нарушение языковых норм, а недостаточная сдержанность, отсутствие должной скромности и политической корректности.

Многие наши политики, размышляя о собственной личности и своем вкладе в историю, обращаются к прецедентным именам выдающихся людей, не проявляя при этом должной скромности. Ср.:

Де Голль был мудрым человеком, поэтому и мне надо помудреть (губернатор Приморского края Е. Ноздратенко). *Я человек добрый,*

отзывчивый. У меня на приеме всегда очередь, как в Мавзолей Ленина (В. Шандыбин, депутат Государственной думы). Если я не выиграю эти выборы, у нас все равно будет переворот. Потому что народ хочет Сталина. И я народу говорю: «Хотите? Я буду Сталиным! Но без ГУЛАГа и массовых репрессий». Психологически людям это приятно. Если увижу сопротивление, перейду к репрессиям (В. Жириновский).

Показательно, что наши соотечественники обращаются к личным качествам выдающихся политиков даже в тех случаях, когда говорят о бытовых проблемах и человеческих слабостях. Ср.: *Как вы отдыхаете? – Отдыхаю как простые люди. В баню с девочками не хожу, пью больше Горбачева, но до Ельцина мне еще далеко* (из интервью Г. Зюганова, председателя КПРФ). *Я русский Клинтон. То же образование, те же манеры, тот же возраст* (В. Жириновский, вице-спикер Государственной думы). *Классный мужик Билл Клинтон. Я завидую Монике Левински* (Д. Аяцков, губернатор Саратовской области).

Лидер кузбасских депутатов размышляет над сложнейшим вопросом: кто выше и славнее – Христос с Магометом или же все-таки губернатор Аман Тулеев, но так и не находит окончательного ответа: *Слово Амана Тулеева – это слово Господа Бога. Я не постесняюсь сказать, что сегодня примерно получается такая ситуация: вот здесь Иисус Христос, здесь Магомет, а вот здесь Тулеев, а может быть, даже наоборот* (А. Филатов, председатель законодательного собрания Кемеровской области).

Политически некорректными представляются сопоставления современных российских политиков с фашистами. Ср.:

Общество с отвращением следит за потоками лжи и клеветы, которые извергает телевидение, подконтрольное Вашей администрации. Геббельс бледнеет по сравнению с тем, что творят Добродеев и Эрнст (коммунистический лидер Г. Зюганов).

В некоторых случаях обращение политических лидеров к сфере искусств выдает крайне низкую культуру и эрудицию автора. Очень показательны следующие высказывания.

Первое и осознанное уважение к женщине я пережил, прочитав «Грозу» Островского. Очень уж мне понравилась Катерина, сиганувшая в известном направлении (Г. Янаев, вице-президент СССР). *Пушкин несчастный был. Лучше бы его не было совсем* (В. Жириновский, вице-спикер Государственной думы). *Я сегодня ночью – ну как-то готовился. Ну, решил на свежую голову, так сказать, часа в два ночи почитать Пушкина. И вы знаете, оказалось не так просто* (Б. Ельцин, Президент России).

Один из лидеров левых экстремистов Виктор Анпилов предлагает оригинальную трактовку личности идеологически близкого ему героя «Собачьего сердца»: *Когда меня сравнивают с Шариковым, ну там Киселев... Шариков – хорошая русская фамилия, она отражает сложность характеров в повести Булгакова. Шариков прошел путь от собаки до человека, который задался вопросом: «А зачем я появился на свет? Какова моя миссия?»* (В. Анпилов, сопредседатель национально-патриотического союза).

Видимо, только идеологическая близость к герою М. А. Булгакова помешала нашему современнику понять, что Шариков так и не смог стать достойным человеком, а его характер изображен не столь уж сложным. Однако общий слоган – «Все отнять и поделить!» – оказался важнее психологических, моральных характеристик и литературоведческих деталей.

Иногда даже филологу трудно сразу понять сложные литературные аллюзии государственных мужей. Например, В. С. Черномырдин обращается к авторитету А. П. Чехова: *Правительство поддерживать надо, а мы ему по рукам, по рукам, все по рукам. Еще норовим не только по рукам, но еще куда-то. Как говорил Чехов.* Не исключено, что Виктор Степанович, размышляя о взаимодействии ветвей государственной власти, вспомнил рассказ «По делам службы», где старик-вестовой горько жалуется: *«Летось веду арестанта в город, а он меня – по шее! по шее! по шее!»*. В этом случае правительство предстает как безответный возница, а депутаты – как агрессивный арестант. Однако вполне возможно, что в памяти эрудита запечатлелись слова из письма Ваньки Жукова своему дедушке Константину Макаровичу: *«А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать»*. И в том и в другом контексте люди, мешающие В. С. Черномырдину и его подчиненным, оцениваются крайне негативно, тогда как само правительство проявляет полную покорность обстоятельствам.

Значительно реже политические эрудиты обращаются к архитектуре, изобразительному искусству и театру, но и эти сферы в ряде случаев становятся источником ярких образов, обнаруживая оригинальный авторский подход к эстетическим ценностям. Ср.:

Почему вывоз икон считают контрабандой? Раз берут – надо продавать. И рисовать их, рисовать. Что у нас, Рублевых что ли, нет? (В. Брынцалов, кандидат в Президенты России). *Деньги – источник духовности. Можешь себе место в Большом театре купить. Оперу там послушать, балет опять же* (В. Брынцалов). *Наши прези-*

дент больше был похож на постоянно падающую *Пизанскую башню* (К. Затулин, депутат Государственной думы).

Итак, обращение к прецедентным феноменам – характерная черта отечественной политической коммуникации. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим основам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. Вместе с тем легко заметить, что неудачное использование прецедентных имен обнаруживает косноязычие и скудоумие автора, что особенно бросается в глаза на фоне его значительного общественного положения.

Можно выделить несколько критериев эффективности использования прецедентных феноменов в политической коммуникации.

1. Политическая уместность прецедентного феномена. Используемые автором прецедентные имена должны в полной мере соответствовать дискурсивным характеристикам текста и особенно представлениям адресата. Например, в статье С. Белковского «Специальная теория Путина» (Комсомольская правда. 2004. 29.09) выражается резкое неприятие прецедентного имени, использованного бывшим Государственным секретарем США Збигневом Бжежинским. Ср.: *Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, 76-летняя особа, приближенная к Всемирному правительству, – короче, сам Збигнев Бжежинский опубликовал программную статью “Московский Муссолини”. В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина Бенито Муссолини, а путинский режим – итальянскому фашистско-корпоративному государству 20–30-х годов прошлого века.*

2. Интертекстуальная сверхдетерминация прецедентного феномена. Этот термин широко используется в теории и практике психоанализа, где он обозначает обусловленность текста множеством накладывающихся друг на друга интертекстуальных связей. Чем больше таких связей у прецедентного феномена, тем эффективнее будет его использование в тексте. Например, Сергей Козлов, анализируя фразу Ю. Тавровского «Спящую красавицу внешнеполитической пропаганды пора будить», демонстрирует, что прецедентный феномен «Спящая красавица» в российском сознании связан не только со сказкой Перро, но и с балетом П.И. Чайковского в постановке М. Петипа, а также с недавнем возрождении этого балета в Мариинском театре. В результате «Спящая красавица» воспринимается как образ политической реставрации, тесно связанной с Петербургом (С. Козлов [http](#)).

3. Доступность используемого прецедентного феномена для читателей, на которых ориентируется соответствующее издание. В одной

из наших публикаций [Нахимова 2004] было показано, что не более четверти первокурсников педагогического университета оказались в состоянии понять смысл таких прецедентных феноменов, как *Смутное время*, *Ходынка*, *Акела промахнулся*, *пепел Клааса стучал в сердце прокурора*. Еще более яркие факты, иллюстрирующие особенности восприятия студентами прецедентных высказываний, приведены в исследованиях Н. А. Кузьминой [2000, 2004]. Обратившись к рассмотренным выше текстам, можно предположить, что не все читатели отчетливо помнят, кто такие Босх, Монк, Ришелье, Бирон, Мазарини, Вышинский или Ягода. Очевидно, что человек, не способный осознать тот или иной прецедентный феномен, оказывается вне зоны его прагматического воздействия.

4. Достаточная точность и недвусмысленность использования прецедентного феномена. Не замеченная вовремя политиком возможность двоякого понимания фразы отвлекает внимание от авторского замысла. Среди рассмотренных выше особенно двусмысленно воспринимается фраза Дмитрия Аяцкого «Я завидую Монике Левински». Не вполне корректным представляется и обращение приморского губернатора к опыту французского президента (*Де Голль был мудрым человеком, поэтому и мне надо помудреть*): все-таки слишком велика интеллектуальная дистанция от губернатора Евгения Ноздратенко до президента Шарля де Голля. По-разному можно оценить и рассказ депутата Шандыбина о том, что длина очереди в его кабинет сопоставима с размерами очереди в мавзолей В. И. Ленина. Создается впечатление, что некоторые наши политические лидеры не до конца осознают, что их внимательно слушают и пытаются найти скрытый глубокий смысл в каждом высказывании.

Вместе с тем в условиях современного российского политического дискурса отнюдь не считается недостатком некоторая грубость и даже оскорбительность используемого образа, а также неточное цитирование или смысловое преобразование цитаты. Использование прецедентных феноменов – это, помимо прочего, эффективный способ оскорбить и унижить оппонента, не опасаясь при этом судебного преследования.

5. Возможность взаимодействия соответствующего прецедентного имени с другими прецедентными феноменами и иными образными средствами в пределах текста. Особенно эффективно доминирование в пределах текста комплекса прецедентных феноменов, восходящих к одной смысловой гиперсфере-источнику.

Выводы по четвертой главе

Рассмотренные в настоящей главе материалы позволяют сделать следующие выводы о специфике взаимодействия прецедентных феноменов из мегасфер-источников «Мир искусств» и «Мир реальности» в текстах массовой коммуникации.

1. При анализе случаев прецедентности, восходящих к мегасфере-источнику «Мир реальности», в современных текстах регулярно обнаруживаются феномены, которые связаны со сферами-источниками «История России», «История зарубежных стран». Авторы часто обращаются в поисках примеров и аналогий к политическим событиям прошлых лет, происходившим как в России, так и в иных странах.

2. Прецедентные онимы из мегасферы-источника «Мир реальности» при реализации в конкретных текстах постоянно взаимодействуют с концептами и лексическими единицами, с которыми они связаны в ментальном лексиконе. Можно выделить следующие типовые взаимосвязи рассматриваемых прецедентных онимов:

- взаимосвязи с другими видами прецедентных феноменов – прецедентными высказываниями, прецедентными ситуациями и прецедентными текстами;

- взаимосвязи с другими онимами (в том числе с теми, которые не относятся к числу прецедентных);

- взаимосвязи с прецедентными феноменами, которые относятся к «Миру искусств», особенно с прецедентными феноменами, восходящими к сферам-источникам «Литература», «Театр» и «Кино»;

- взаимосвязи с единицами ментального лексикона, не являющимися прецедентными, но относящимися к той же смысловой сфере-источнику или смысловой сфере-мишени.

3. Среди прецедентных феноменов из субсферы «Мир искусств» в современной отечественной массовой коммуникации по-прежнему преобладают такие, которые относятся к сфере литературы. На следующих по частотности в современных текстах местах оказались прецедентные имена из сфер-источников «Театр», «Музыка» и «Кино». Вместе с тем традиционная «литературоцентричность» русской культуры в последние годы начала несколько ослабевать за счет повышения роли прецедентных феноменов, восходящих к сферам-источникам «Театр», «Музыка» и «Кино». В конкретных текстах массовой коммуникации нередко наблюдается тесное взаимодействие прецедентных феноменов, относящихся к различным сферам-источникам «Мира искусств». Во многих случаях спектакли, кинофильмы, телепередачи служат своего рода «ретрансляторами» литературных

текстов, в результате чего прецедентные феномены, которые, казалось бы, восходят к сфере-источнику «Литература», в действительности рождены спектаклями, кинофильмами, телепередачами, основанными на литературных текстах.

4. Восприятие прецедентного феномена становится более ярким, если он акцентируется в тексте при помощи тех или иных средств, способствующих привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов. Особую значимость для восприятия прецедентности приобретает использование соответствующего феномена в заголовке текста, в его начальной фразе и в концовке.

5. Доминантные прецедентные феномены, выступающие в тексте в тесном взаимодействии с концептами и лексическими единицами, с которыми они связаны в ментальном лексиконе, представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста, усиливают его эстетическую значимость и прагматический потенциал. Удачное использование прецедентного феномена – мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании. Применение прецедентного феномена способно изменить отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и подсказывает решения за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.

6. Применение когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического анализа существенно расширяет возможности традиционной лингвистики текста. Эффективный анализ текстообразующей роли прецедентных феноменов возможен только с учетом их интертекстуальных связей и дискурсивной организации текста. Такое исследование позволяет лучше понять развертываемые прецедентные феномены в их взаимосвязи не только внутри текста, но и в общем континууме современности.

7. При использовании прецедентных феноменов в тексте особую значимость имеют дискурсивные факторы. К числу важных причин коммуникативных неудач относится политическая неуместность употребления прецедентного феномена, его недостаточная известность и ограниченность интертекстуальных связей, недостаточный учет аудитории соответствующего издания. Существенные недочеты – возможность двоякого понимания фразы, неточное цитирование, оскорбительные аллюзии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное когнитивно-дискурсивное лингвокультурологическое исследование системы прецедентных онимов, которые используются в современной отечественной массовой коммуникации, свидетельствует, что названная система – это важное средство постижения, категоризации, концептуализации, представления и оценки действительности. Указанная система ярко отражает национальное самосознание и дискурсивные характеристики соответствующего текста: его авторство и адресность, условия создания и функционирования, интертекстуальные связи и социальное восприятие.

Прецедентные онимы – это важная часть национальной языковой картины мира, они задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим». Постсоветское преобразование русского языка и особенно его функциональных свойств в значительной степени связано и с обновлением корпуса прецедентных онимов, с усилением роли интертекстуальности в организации массовой коммуникации.

Прецедентные онимы с давних пор привлекают внимание ученых различных специальностей (философия, логика, лингвистика, культурология, антропология и др.). Широко известны филологические исследования прецедентных онимов в рамках структурно-семантической и сравнительно-исторической парадигмы, с позиций ономастики, психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, этимологии и иных научных направлений. Использование идей, методик и эвристик когнитивно-дискурсивной парадигмы позволило по-новому подойти к решению ряда дискуссионных проблем, выявить ранее не обнаруженные закономерности и охарактеризовать современные тенденции в развитии системы российских прецедентных онимов, функционирующих в постсоветской массовой коммуникации.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы прецедентные онимы рассматриваются как языковая (речевая) репрезентация прецедентных концептов, существующих в национальном и личностном сознании. Поэтому не имеют оснований возможные споры об отнесении соответствующих единиц при анализе к лингвистическим или же ментальным. В зависимости от задач того или иного этапа исследования специалист может рассматривать или ментальные единицы (пре-

цедентные концепты), или языковые (речевые) единицы (прецедентные онимы), или же обращаться к соотношению ментальных и языковых (речевых) феноменов. При конкретном анализе прецедентных онимов важно учитывать, что они выступают репрезентантами ментальных феноменов.

В современной когнитивной науке существует несколько ведущих направлений исследования прецедентных онимов. Это теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов и др.), теория концептуальной интеграции (М. Тернер, Ж. Фоконье и др.), теория когнитивной дефиниции и профилирования (Е. Барминьски, Н. П. Попова, С. В. Елисеева), теория жесткой и нежесткой референции (А. П. Бабушкин, С. Крипке, А. Д. Шмелев), концептуальные исследования (В. И. Карасик, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин и др.). Каждое из этих направлений имеет свой инструментарий, позволяющий глубже исследовать те или иные свойства прецедентных онимов и закономерности их функционирования.

Параллельное использование в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы идей, методики и эвристик нескольких ведущих направлений характерно для представленного в настоящем исследовании широкого подхода к выделению прецедентных онимов. Для широкой трактовки прецедентных онимов закономерна многополярная характеристика рассматриваемого феномена. При таком подходе не имеют принципиального значения некоторые терминологические дискуссии. Так, если ориентироваться на теорию концептуальной метафоры, то многие (однако не все) проанализированные в настоящем исследовании прецедентные онимы должны рассматриваться как особая разновидность метафор. Если же подходить к указанным единицам с позиций теории прецедентности, они должны быть отнесены к числу прецедентных имен, которые, вместе с прецедентными высказываниями, прецедентными ситуациями и прецедентными текстами, составляют систему прецедентных феноменов. Если же взять за основу теорию концептуальной интеграции, то многие случаи использования прецедентных онимов должны квалифицироваться как бленды, интегрирующие соответствующие ментальные пространства.

Система прецедентных онимов – это национальная лингвокультурная ценность, отражающая как историю языка и общества, так и их современное состояние. Постсоветская система прецедентных онимов характеризуются крайне высокой исторической динамикой: в данном разряде слов особенно часто появляются метафоры-неологизмы, которые иногда уже через три-четыре года пополняют ряды историзмов и архаизмов. Еще более стремительно подсистема архаизмов и историз-

мов расширяется за счет прецедентных онимов, которые связаны с реалиями советской эпохи. Скорость этих процессов значительно выше, чем темпы обновления разрядов слов, не относящихся к именам собственным. Специальные подсчеты показывают, что в корпусе прецедентных онимов, используемых в современной массовой коммуникации, заметно преобладают отечественные по происхождению имена собственные. Вместе с тем более трети современных прецедентных онимов связаны с зарубежными источниками, что свидетельствует о значительной роли, которую играют универсально-прецедентные имена в российской культуре.

При рассмотрении ментальных сфер-источников прецедентных онимов важно разграничивать мегасферы «Мир реальности» и «Мир искусств». Специфика каждой из указанных мегасфер существенно влияет на закономерности использования прецедентных имен собственных в массовой коммуникации.

Среди прецедентных феноменов с мегасферой-источником МИР ИСКУССТВ в постсоветской массовой коммуникации по-прежнему преобладают такие, которые относятся к сфере литературы. Вместе с тем традиционная «литературоцентричность» русской культуры в последние годы начала несколько ослабевать за счет повышения роли прецедентных феноменов, восходящих к сферам-источникам «Театр», «Музыка» и «Кино». Спектакли, кинофильмы, телепередачи нередко служат «ретрансляторами» литературных текстов, в результате чего наши современники соотносят прецедентные феномены, которые изначально восходят к сфере-источнику «Литература», преимущественно со спектаклями, кинофильмами, телепередачами, созданными на основе литературных текстов.

Среди прецедентных феноменов, восходящих к «Миру реальности», в постсоветской массовой коммуникации особенно активно используются такие, которые связаны со сферами-источниками «История России», «История зарубежных стран». Современные авторы часто обращаются в поисках примеров и аналогий к политическим событиям прошлых лет, происходившим как в России, так и в других странах.

При когнитивно-дискурсивном анализе конкретных прецедентных онимов целесообразно учитывать следующие ведущие параметры:

- уровень частотности;
- многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества);
- аксиологический модус (преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования);

- широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования;
- функционирование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса.

На основе указанных параметров можно сделать обоснованные выводы о принадлежности рассматриваемого онима к центральной зоне поля прецедентности или же к его периферии, о чертах «фамильного сходства», характерных для данного онима, и возможности его представления как «лучшего экземпляра» в составе когнитивной категории прецедентности.

Использование когнитивно-дискурсивной методологии позволяет более полно и многоаспектно охарактеризовать функционирование прецедентных онимов в современной массовой коммуникации. С позиций когнитивной лингвистики аксиологему можно охарактеризовать как когнитивный феномен (концепт), включающий аксиологический компонент (позитивный, негативный или переменный). Этот компонент предопределяет особенности использования репрезентантов соответствующей аксиологемы. Следует различать аксиологемы со стабильным оценочным модусом (позитивным или негативным) и с вариативным.

При когнитивном подходе мифологема понимается как ментальная единица, отражающая принимаемые на веру стереотипы массового сознания, которые часто характеризуются неверифицируемостью и внерациональностью, гиперболичностью и аксиоматичностью, динамичностью, зависимостью от социального этапа развития общества и его идеологии. Мифологема формирует концептуальные схемы и категории, обуславливающие процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином объекте.

В настоящем исследовании идеологема понимается как ментальная единица, в содержание которой входит идеологический компонент. Идеологема формирует концептуальные схемы и категории, обуславливает процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологемы могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию.

Когнитивное понимание терминов «идеологема», «мифологема» и вновь предложенного термина «аксиологема», а также характеристика прецедентных имен как языковых и речевых репрезентантов указанных ментальных феноменов способствует более точному представле-

нию взаимоотношений между единицами ментального лексикона и их языковыми (и речевыми) репрезентантами.

При обращении к закономерностям текстовой и дискурсивной реализации прецедентных онимов необходимо учитывать следующие основания для классификации:

- коннотативное (с изменением предметной соотнесенности) или денотативное (без изменения предметной соотнесенности) использование прецедентных онимов;
- использование прецедентных феноменов в структурно трансформированном или структурно не трансформированном виде (с изменением грамматических свойств или без него);
- использование прецедентных имен в составе текстового поля или же в изолированном виде;
- способ указания на источник прецедентности (название произведения, его автор, историческая эпоха, национальная принадлежность, атрибут прецедентного имени и др.);
- использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени и графическое указание на прецедентность (кавычки, курсив и др.).

Проведенное исследование показало, что в современных текстах массовой коммуникации активно используются специальные средства, направленные на акцентирование прецедентных феноменов. К числу таких средств относятся повышенная частотность использования, наличие определенной системы прецедентных единиц, использование прецедентных феноменов в сильной позиции (заголовки, первая и последняя фразы текста и др.), разнообразие прецедентных феноменов по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным параметрам. Значительное воздействие оказывают и такие признаки, как рассредоточенность прецедентных феноменов, то есть их присутствие в различных частях текста, взаимодействие с иными образными средствами (метафора, антитеза, аллюзия, гипербола и др.). Активное использование прецедентных онимов способствует привлечению внимания читателя (слушателя) к форме и содержанию текста.

Проведенное исследование – это очередной, но далеко не последний этап в рассмотрении проблем прецедентных онимов.

Дальнейшее развитие когнитивной теории и практики ее исследования приведет к постановке новых проблем, к обновлению и совершенствованию научного инструментария, который используется для исследования прецедентных имен и иных прецедентных феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева М. С.* Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009.
2. *Алексеев М. А.* Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX – XXI вв.: человек и его дискурс. Сб. науч. тр. – М., 2003.
3. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики. – Волгоград, 1999.
4. *Андерсон Р. Д.* О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Политическая лингвистика. – 2007. – № 1 (21).
5. *Аникина Т. В.* Имя собственное в Интернет-коммуникации // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры – Екатеринбург, 2010. – № 2 (75).
6. *Античные риторика.* – М., 1978.
7. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. – 2-е изд. – М., 1995. – Т. 1: Лексическая семантика: синонимические средства языка.
8. *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. – СПб.: 1999.
9. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
10. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1999.
11. *Ахманова О. С., Гюббенет И. В.* «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3.
12. *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург, 2000.
13. *Бабенко Л. Г.* [и др.] Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация (на материале лексики, фразеологии и парамологии). Проспект словаря. – Екатеринбург, 2010.
14. *Бабушкин А. П.* Имена известных лиц в роли псевдоидентификаторов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4.
15. *Байбурина А. К.* Этнические стереотипы поведения: сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; под ред. А. К. Байбурина. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985.
16. *Байбурина А. К.* Локальное сознание: случай Кондопоги // Etnolingwistika. № 19. – Lublin, 2007.

17. *Базылев В. Н.* Политик в интеллектуальном контексте эпохи // Политический дискурс в России-6: мат-лы постоянно действующего семинара. – М., 2002.
18. *Базылев В. Н.* Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // Известия Урал. гос. пед. ун-та. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15.
19. *Балахонская Л. В.* Прецедентные феномены как средство манипулирования в рекламном дискурсе // Слово. Семантика. Текст. – СПб., 2002.
20. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
21. *Баранов А. Н.* Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
22. *Баранов А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Мат-лы к словарю. – М., 1991.
23. *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [пер. с польск.] – М.: Индрик, 2005.
24. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика [пер. с фр.] – М.: Прогресс, 1994.
25. *Бахтин М. М.* Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: 1975.
26. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. – М.: Алконост, 1994.
27. *Башкова И. В.* Существительное *кризис* в российских СМИ XXI в. // Политическая лингвистика. – 2009. – № 2.
28. *Белоглазова Е. В.* Когнитивный механизм интердискурсивности // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2.
29. *Бирюкова Н. С.* Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
30. *Блинова Ю. А.* Аксиологический потенциал прецедентных имен собственных: на мат-ле немец. газетного дискурса // Изв. Самар. науч. центра Российской академии наук. – 2006. – №4.
31. *Блинова Ю. А.* Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007.
32. *Блох М. Я., Семенова Т. Н.* Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. – М., 2001.
33. *Богин Г. И.* Техника понимания – общелингвистическая и общефилологическая проблема // Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2000. – № 3 (5).

34. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2000.
35. *Болдырев Н. Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – Вып. 2.
36. *Болдырев Н. Н.* Оценочная метапрезентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Исследования познавательных процессов в языке. – Тамбов, 2009. – Вып. 5.
37. *Болотов В. И.* Множественное число имени собственного и апеллятива // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.
38. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
39. *Боярских О. С.* Особенности употребления некоторых прецедентных имен со сферой-источником «Литература» в современной российской прессе // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: мат-лы 2 межрег. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2006. – Ч. 2.
40. *Боярских О. С.* Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.
41. *Брандт Л., Брандт П. А.* Как понять метафору // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4.
42. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Зарубежная политическая метафорология. – Екатеринбург: УрГПУ, 2008.
43. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации. – М.: Наука ; Флинта, 2007.
44. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология. автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.
45. *Будаев Э. В.* Метафорический образ России в современном мире. Екатеринбург, 2009.
46. *Будаев Э. В.* Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31).
47. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале рус. грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997.
48. *Быков В., Деркач О.* Книга Века. – М., 2000.
49. *Быкова Л. В.* Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009.
50. *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Жизнь в мимолетных мелочах. – СПб, 2006.

51. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989.
52. *Вернадский Г. В.* Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. – Прага, 1925. – Кн. IV.
53. *Ви Л.* Нарушение языковой схемы? Экзонормативные метафоры в политическом дискурсе Сингапура // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19.
54. *Виноградов С. И., Платонова О. В.* [и др.] Культура русской речи. – М., 1999.
55. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. / составл., вступ. ст., прим. М. С. Козловой; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994.
56. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1.
57. *Воркачев С. Г.* Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. – Волгоград: Перемена, 2009.
58. *Воробьева И. А.* К вопросу о лексическом значении имен собственных // Актуальные проблемы лексикологии: докл-ы лингв. конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. – Ч. 1.
59. *Ворожцова О. А.* Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов (2003–2004 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.
60. *Ворошилова М. Б.* Советский прецедентный текст в дискурсе русского рока: «дети красной звезды» // Политическая лингвистика. – 2009. – № 2.
61. *Гаврилова М. В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на мат-ле выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). – СПб, 2004.
62. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
63. *Гандопас Р.* Речи, которые изменили Россию. – М., 2010.
64. *Гачев Г.* Национальные образы мира: курс лекций. – М., 1998.
65. *Гвишиани Н. Б., Герви О. Ю.* Корпусная лингвистика и грамматика речи // Вестник МГУ. Филология. – 2001. – № 2.
66. *Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург, 1998.
67. *Голубева О. В.* Роль интерпретирующей функции в развитии антропонимически репрезентированного концептуального содержания // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4.

68. *Голубева О. В.* Креативная функция единиц вторичной номинации в сказках Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2004.

69. *Горбаневский М. В.* Ономастика в художественной литературе: филол. этюды. – М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1988.

70. *Горбаневский М. В.* Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания. – М., 1994.

71. *Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г.* К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб.ст. – Новосибирск, 1985.

72. *Грамматика русского языка.* – М., 1952. – Т. 1: Фонетика и морфология.

73. *Григорьева О. Н.* Политический театр современной России (взгляд филолога) // Интернет-журнал «Полемика» – 2001. – № 9.

74. *Гриценко Л. М.* Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2010.

75. *Гришаева Л. И.* Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж, 2004.

76. *Гришина О. А.* Актуализация концепта *Америка* в современном русском языке (на мат-ле публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2004.

77. *Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – 1997. – № 4.

78. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003.

79. *Гудков Д. Б.* Прецедентные имена и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999.

80. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры [пер. с нем.] / сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985.

81. *Гумилев В. Н.* От Руси до России: очерки этнической истории. – М., 2008.

82. *Гулько Ю. А.* Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002.

83. *Гусейнов Г. Ч.* Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М.: 2004.
84. *Гусейнов Г. Ч.* Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. – М.: 2005.
85. *Гюббенет И. В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста – М.: Изд-во МГУ, 1991.
86. *Данилина Е. Ф.* К вопросу о лексическом значении личных имен // Лексика и словообразование русского языка. – Пенза, 1972.
87. *Долевец С. Н.* Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности // Изв. УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – № 16.
88. *Долозова О. Н.* О семантике прецедентного имени. – Режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=97225.
89. *Дридзе Т. М.* Перевод и текстовая деятельность: основания и предметная область семиосоциопсихологической теории коммуникации // Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996.
90. *Евтюгина А. А.* Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995.
91. *Елисеева С. В.* Архитектура как сфера-источник прецедентности в российских и американских СМИ: «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower» // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1.
92. *Елисеева С. В.* Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.
93. *Ермакова О. П., Земская Е. А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект: сб. ст. – М., 1993.
94. *Ермолович Д. И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М., 2005.
95. *Есперсен О.* Философия грамматики. – М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2002.
96. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2.
97. *Земская Е. А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. языкознания. – 1996. – № 1.
98. *Земская Е. А.* Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. О. Винокур. – М., 1996.
99. *Зинин С. И.* Введение в русскую антропониимику. – Ташкент, 1972.

100. *Зырянова И. П.* Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.
101. *Иванова Е. Б.* Интертекстуальные связи в художественных фильмах: автореф. дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
102. *Илюшкина М. Ю.* Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.
103. *Ирисханова О. К.* О теории концептуальной интеграции // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60, вып. 3.
104. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.
105. *Истратова Ю. А.* Аллюзивные онимы в поэзии Брасенса и ее русских переводах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.
106. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. – М., 1992. – Т. 4.
107. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996.
108. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
109. *Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001.
110. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
111. *Карпенко Ю. А.* Имя собственное в художественной литературе // Филол. науки. – 1986. – № 4.
112. *Керенский А. Ф.* Россия в поворотный момент истории [Мемуары]. – М., 2006.
113. *Клемперер В.* ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. – М., 1998.
114. *Клушина Н. И.* Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [отв. ред. М. Н. Володина]. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
115. *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста (на мат-ле периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2008.
116. *Козлов С.* «Спящую красавицу пора будить». К анализу весенних политических метафор. – Режим доступа: [http:// www.polit.ru/documents/253348.html](http://www.polit.ru/documents/253348.html).

117. *Кондаков И. В.* Антропология русской словесности: литературоцентризм // Современные трансформации российской культуры. – М., 2005.

118. *Косарев М. И.* Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.

119. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1.

120. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

121. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. – СПб.: Златоуст, 2001.

122. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

123. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002.

124. *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1982. – Вып. 13: Логика и лингвистика.

125. *Крипке С.* Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18: Логический анализ естественного языка.

126. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9: Филология. – 1995. – №1.

127. *Крюкова И. В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. – Волгоград, 2004.

128. *Кубрякова Е. С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 66, № 2.

129. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

130. *Кубрякова Е. С.* Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 5–6.

131. *Куданкина О. А.* Способы объективации концепта ГЕРМАНИЯ (на материале публицистических текстов) // Язык. Миф. Этнокультура: диахронные и синхронные исследования: коллектив. моногр. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004.

132. *Кузнецова Я. В.* Исследование прецедентных феноменов как способ анализа художественного текста // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX в.: науч.-метод. семинар «Textus». – Санкт-Петербург ; Ставрополь, 2001. – Вып. 6.

133. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. – Екатеринбург ; Омск, 1999.
134. *Кузьмина Н. А.* Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. – Новосибирск, 2004.
135. *Кузьмина Н. А.* Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации. Межвуз. сб. науч. тр. Всерос. конф., посвящ. 80-летию проф. Н. С. Валгиной. – М., 2007.
136. *Кулявцева М. Ю.* Концепт Франклина Рузвельта в американской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 2: сб. ст. – Волгоград, 2008. – Т. 2.
137. *Кулявцева М. Ю.* Концепт Джорджа Вашингтона в американской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. ст. – Волгоград, 2007.
138. *Культура русской речи.* – М., 2003.
139. *Кун Т.* Структура научных революций. – М., 1977.
140. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург ; Пермь, 1995.
141. *Купина Н. А.* Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. – М.: 2000. – Вып. 1.
142. *Купина Н. А.* Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005.
143. *Купина Н. А.* Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика. Бюл. урал. лингв. о-ва. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 11.
144. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. – М., 1962.
145. *Кучкин В. Н.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси. – М., 1996.
146. *Кушнерук С. Л.* Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика. Бюл. Урал. лингв. о-ва. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13.
147. *Кушнерук С. Л.* Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006.
148. *Кушнерук С. Л.* Имена, открывающие кошельки: мир кино в российской и американской рекламе // Политическая лингвистика. – 2007. – № 2 (22).

149. *Лавриненко Т. А.* Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007.
150. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
151. *Ларионова А. Ю.* Неформальный студенческий дискурс в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах (на материале граффити). – Екатеринбург, 2010.
152. *Леонтович О. А.* В мире английских имен. – М., 2002.
153. *Липовецкий М.* Утопия свободной марионетки, или Как сделан архетип (перечитывая «Золотой ключик» А. Н. Толстого) // НЛЮ. – 2003. – № 60.
154. *Мальшева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4.
155. *Матвеев А. К.* Значение принципа мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. 1967. – М., 1969.
156. *Матвеев А. К.* Ономатология. – М., 2006.
157. *Машкова Л. А.* Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – 1989. – № 2.
158. *Милль Дж. Ст.* Система логики. Сочинение: в 2 т. / с 5-го доп. лондонского изд. переведено под ред. и с прим. П. Л. Лаврова, Ф. Резенером. – СПб., 1865.
159. *Мирошниченко А. А.* Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций: автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1996.
160. *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* Имя России – Александр Невский // Православие и мир. 2008. 29.12. – Режим доступа: www.pravmir.ru.
161. *Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (В. З. Иким).* ... А друзей искать на Востоке. Православие и Ислам: противостояние или содружество? – Ташкент, 1999. – Режим доступа: www.pravosludm.narod.ru.
162. *Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (В. З. Иким).* Святой Александр Невский как полководец и дипломат. – Ташкент, 2010. – Режим доступа: www.pravosludm.narod.ru.
163. *Михайлова Е. В.* Интертекстуальность в научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.
164. *Мусеев А. А.* Интертекст в русской рок-поэзии: аспекты исследования // Изв. УрГПУ. Лингвистика. – 2005. – Вып. 16.

165. *Мокиенко В. М.* Интертексты и текст в славянских языках // *Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе*. – Магнитогорск, 2003.
166. *Москвин В. П.* Стилистика русского языка: приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): пособие для студентов. – М.: Изд-во «Учитель», 2002.
167. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.
168. *Нахимова Е. А.* Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево // *Политическая лингвистика*. – 2010. – № 2.
169. *Нахимова Е. А.* Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ // *Политическая лингвистика*. – 2009. – № 1.
170. *Нахимова Е. А.* Новая жизнь старых слов // *Русская речь*. – 2009б. – № 2.
171. *Нахимова Е. А.* О лексикографическом представлении идеологом // *Современная политическая лингвистика*. Мат-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003.
172. *Нахимова Е. А.* Прецедентное поле *Смутное время* в современных отечественных СМИ // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Вопросы образования, науки и культуры*. – 2008а. – № 2.
173. *Нахимова Е. А.* Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // *Политическая лингвистика*. – 2008б. – № 1.
174. *Нахимова Е. А.* Мифологема *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // *Политическая лингвистика*. – 2010. – № 3.
175. *Нахимова Е. А.* Прецедентное имя *Наполеон* в отечественных СМИ // *Политическая лингвистика*. – 2007б. – Вып. 3 (23).
176. *Нахимова Е. А.* Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево // *Политическая лингвистика*. – 2010а. – № 2 (32).
177. *Нахимова Е. А.* Историческая динамика метафорической активности прецедентных имен собственных в политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. – 2010б. – № 4 (34).
178. Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.
179. *Немирова Н. В.* Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность // *Политическая лингвистика*. – 2010 – № 2.
180. *Немирова Н. В.* Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // *Лингвистика*. Бюл. Урал. лингв. о-ва. – Екатеринбург, 2003. – Т. 11.

181. *Никонов В. А.* Имя и общество. – М.: Наука, 1974.
182. *Новохацева Н. Ю.* Стилистический прием литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – нач. XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2006.
183. *Норман Б. Ю.* Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики // Русский язык в школе. – 2007. – № 5.
184. *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1.
185. *Орлова О. Г.* Концепт *Россия* в американской публицистике // Филологический сборник. – Кемерово: Графика, 2002. – Вып. 2.
186. *Орлова Н. М.* Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2010.
187. *Осборн М.* Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма» // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3.
188. *Отин Е. С.* Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопр. языкознания. – 2003. – № 2.
189. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
190. *Паришин П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX в. // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2.
191. *Пикулева Ю. Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
192. *Пименова М. В., Кондратьева О. Н.* Введение в теорию концептуального анализа. – Кемерово, 2009.
193. *Плунгян В. А.* Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.
194. *Подольская Н. В., Агеева Р. А.* Ономастика: проблемы и методы: мат-лы к 13 междунар. ономаст. конгр. – М., 1978.
195. *Полякова И. С.* Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста (на мат-ле выступлений Кондолизы Райс) // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1.
196. *Полиниченко Д. Ю.* Политические мифологемы фолк-лингвистики // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4.
197. *Полубоярин С. В.* Топонимические концепты как предмет лингвокогнитивного описания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3.

198. *Попова Н. П.* «В России появляются новые штольцы...»: о мифологеме героя в современной публицистике // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1.
199. *Потебня А. А.* Теоретическая поэтика. – М.: Высш. шк., 1990.
200. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 2003.
201. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. – М., 2004.
202. *Радбиль Т. Б.* О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследований: межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород, 1997.
203. *Разумова Л. В.* Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2002.
204. *Ратникова И. Э.* Прагматика топонимов и метафорическая семантика // Вестн. Гродненского гос. ун-та. – 2000. – № 5. – С. 145–148.
205. *Ростова Е. Г.* Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 1.
206. *Рут М. Э.* Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2001. – № 20.
207. *Рязанова М. С.* Прецедентные имена в рекламе // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – Вып. 1.
208. *Саксонова Ю. Ю.* Прецедентный интекст : проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на мат-ле английского, немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001.
209. *Семенец О. П.* Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50-90-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2004.
210. *Сергеева Г. Г.* Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде // Филологические науки. – 2003. – № 2.
211. *Сидоренко К. П.* Интертекстовые связи пушкинского слова. – СПб., 1999.
212. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
213. *Слышкин Г. Г.* Государственные деятели: след в языковом сознании // Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer. – 2004. – № 8 (175).

214. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004.
215. *Слышкин Г. Г.* Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // *Ethnohermeneutik und cognitive linguistic*. – Landau, 2007.
216. *Слышкин Г. Г., Ефремова М. А.* Кинотекст (опыт лингвокультурного анализа). М., 2004.
217. *Сметанина С. И.* Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.). – СПб, 2002.
218. *Смулаковская Р. Л.* Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // *Лингвистика*. Бюл. Урал. лингв. о-ва. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 12.
219. *Снигирев А. В.* Канон. Литературность. Интертекст // *Лингвистика*: бюл. Урал. лингв. о-ва. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 9.
220. *Соловьева М. А.* Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на мат-ле романов А. Мердок и их русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004.
221. *Солопова О. А.* Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе выборов депутатов Государственной думы // *Этногерменевтика и антропология*. – Кемерово, 2004. – Вып. 10.
222. *Сорокин Ю. А., Михалева И. М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. – М., 1993.
223. *Спиридовский О. В.* Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // *Политическая лингвистика*. – 2006. – № 20.
224. *Степанов Ю. С.* Константы русской культуры. – М., 2001.
225. *Супрун А. Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопр. языкознания*. – 1995. – № 6.
226. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.
227. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
228. *Теория и методика ономастических исследований*. – М., 1986.
229. *Терских М. В.* Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2003.
230. *Торохова М. В.* Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946–1948 гг.: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2006.

231. *Фатеева Н. А.* Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1998. – Т. 57. – № 5.
232. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М., 2000.
233. *Филинский А. А.* Стратегия манипуляции в политическом дискурсе // Языковые подсистемы: стабильность и динамика. – Тверь, 2002.
234. *Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. – Л.: 1990.
235. *Фомина З. Е.* Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995.
236. *Формановская Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: учеб. пособ. – М., 1998.
237. *Хаззагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика: курс лекций; словарь риторических приемов. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
238. *Хвесько Т. В.* Дихотомия Аппелятив/онома в языке и речи (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Челябинск, 2009.
239. *Черноморец М. В.* Лингвокультурные концепты германских канцлеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010.
240. *Чистова С. С.* Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.
241. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.
242. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: УрГПУ, 2001.
243. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. – М., 2007.
244. *Шачкова И. Ю.* Семантика ключевых слов эпохи (эпоха Т. Блэра, 1997–2007): автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2008.
245. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
246. *Шестов Н. И.* Политический миф теперь и прежде. – М., 2005.
247. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. – М., 1977.
248. *Шмелева Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. – 2009. – № 2.

249. *Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента // *Colleqium*. – 1993. – № 1.
250. *Шехтман Н. Г.* Зрелищные искусства и жанры представлений как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // *Лингвистика. Бюл. Урал. лингв. о-ва*. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 14.
251. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность: опыт общей теории лексикографии. – Л., 1974.
252. *Щербак А. С.* Концептосфера языка как ментальная основа формирования топонимов // *Вопр. когнитивной лингвистики*. – 2007. – № 3.
253. *Щетинин Л. М.* Имена и названия. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1968.
254. *Baker, P.* A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK Press / P. Baker, C. Gabrielatos, M. Khosravini, M. Krzyzanowski, T. McEnery, R. Wodak // *Discourse and Society*. – 2008. – Vol. 19(3).
255. *Charteris-Black, J.* Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis / J. Charteris-Black. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.
256. *Charteris-Black, J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005.
257. *Corpus-Assisted Discourse Studies on the Iraq Conflict: Word-ing the War* / Ed. By J. Morley, P. Bayley. – London : Routledge, 2009.
258. *Corpus Linguistics: Readings in a Widening Discipline* // Ed. by D. McCarthy, G. Sampson. – London : Continuum, 2005.
259. *Coulson S.* The Menendez Brothers Virus: Analogical Mapping in Blended Spaces // *Conceptual Structure, Discourse, and Language* / Ed. by A. Goldberg. – Palo Alto: CSLI, 1996.
260. *Coulson S., Oakley T.* Blending basics // *Cognitive Linguistics*. – 2000. – Vol. 11, № 3/4.
261. *Dipper S.* Theory-driven and corpus-driven computational linguistics, and the use of corpora / S. Dipper // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / Ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. – Berlin : Walter de Gruyter, 2008. – Vol. 1.
262. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. – 1998. – Vol. 22, № 2.
263. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – N. Y.: Basic Books, 2002.

264. *Gardiner A. H.* Theory of Proper Names. – 2-d ed. – L.: Oxford University Press, 1954.

265. *Goodnight G. T.* «Iraq is George Bush's Vietnam». Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy. – URL: www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.

266. *Heid, U.* Corpus linguistics and lexicography / U. Heid // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / Ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. – Berlin : Walter de Gruyter, 2008. – Vol. 1.

267. *Johnson, S.* From 'Political Correctness' to 'Politische Korrektheit': discourses of 'PC' in the German newspaper, *Die Welt* / S. Johnson, S. Suhr // *Discourse and Society*. – 2003. – Vol. 14(1).

268. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.

269. *Musolff, A.* Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.

270. *Osborn M.* Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. – 1967. – Vol. 53.

271. *Paris R.* Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. – 2002. – Vol. 117, № 3. – P. 423–450.

272. *Turner M., Fauconnier G.* Metaphor, Metonymy, and Binding // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. by A. Barcelona. – Berlin ; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133–148.

273. *Zinken J.* Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // *Discourse and Society*. – 2003. – Vol. 14. № 4.

Словари и корпуса

274. *Агеенко Ф. Л.* Русское словесное ударение. Словарь имен собственных. – М., 2001.

275. *Городецкая И. Л., Левашов Е. А.* Русские названия жителей: словарь-справочник. – М., 2003.

276. *Национальный корпус русского языка*. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

277. *Новейший энциклопедический словарь*: 20 000 ст. / под ред. Е. А. Варшавской. М., 2006.

278. *Зернистые мысли наших политиков*, выбранные Константином Душеном. – М., 2002.

279. *История Отечества*: энцикл. словарь / сост. Б. Ю. Иванов, В. М. Карев, Е. И. Куксина и др. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999.

280. *Бонапарт Н.* Императорские максимы. / сост. И. Лосиевский. – М., 2003.
281. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора. Мат-лы к словарю. – М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991.
282. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994.
283. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
284. *Кондратьева Т. Н.* Метаморфозы имени собственного: опыт словаря. – Казань, 1983.
285. *Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В.* Прописная или строчная?: орфографический словарь русского языка. – М., 1999.
286. *Розенталь Д. Э.* Прописная или строчная?: (опыт словаря-справочника). – М., 1986.
287. *Тихонов А. Н.* Орфографический словарь русского языка: около 70 000 слов. – М., 1999.

Научное издание

Нахимова Елена Анатольевна

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Монография

Редактор Д. О. Морозов

Оригинал-макет Д. О. Морозов

Подписано в печать 11.04.2011. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$.

Бумага для множ. аппаратов. Гарнитура «Times». Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 17,25. Уч. -изд. л. 15,2. Тираж 500 экз. Заказ .....

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru